

охота

и охотничье хозяйство

3

2001

Северные олени. Единственный вид среди наших оленей, у которого рогами украшены как самцы, так и самки. Быки сбрасывают рога в ноябре—декабре, самки — в мае—июне

Фото В. Зайкова

Фотоконкурс «Охота и природа, 2000»

Лось и кабан в Белоруссии

ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА ЧИСЛЕННОСТИ КОПЫТНЫХ

А. МУРАВИЦКИЙ

Кризис численности копытных, разразившийся в начале 90-х гг. и продолжающийся до сего времени, — явление общее на постсоветском пространстве. Страницы охотничьих изданий полны сообщений о снижении запасов копытных. Тем интереснее для работников охотничьих хозяйств опыт преодоления этого кризиса, поделиться которым мы решили на примере Витебской области Белоруссии.

Витебщина — север Белоруссии, нынешие Себежский, Невельский, Усвятский районы Псковской области и Велижский район Смоленской области до 20-х гг. входили в состав Витебской губернии; запад области граничит с Литвой и Латвией. Наиболее крупные города — Витебск, Орша, Полоцк; площадь охотничьих угодий 4,0 млн. га, лесистость 32 %, 18 тыс. охотников, 50 охотхозяйств десяти различных ведомств; львиная доля угодий арендуется обществом охотников — 69 %, второй по величине арендатор — хозяйства лесхозов (ЛОХи) — 18 %.

Ситуация с копытными развивалась драматически. Пик численности длился два десятилетия (70—80-е гг.). Только легально в Витебской области за сезон добывалось до 1500 лосей и 1700 кабанов, но истинные размеры добычи, по-видимому, были выше в 2—3 раза по лосю и в 5—6 раз по кабану. Запасы копытных казались неисчерпаемыми.

Дачники из п. Улановичи жаловались, что лоси объедают фруктовые деревья и спят под яблонями. В аэропорту г. Витебска специальная команда прогоняла лосей со взлетной полосы выстрелами из ракетницы. По весне случилось, что в город за одно утро захо-

Фото А. Дигилевича

дило до 5 лосей. Лесоводы-поляки, посетившие Богушевское ЛОХ, удивлялись: у вас лосей больше, чем у нас зайцев.

Не менее благополучным было поголовье кабана: 1—2 зверя были обычным размером добычи бригады в 5—6 человек за день. Как-то гаишники задержали группу охотников-военнослужащих, везших в город 7 добытых кабанов при одной лицензии. Клыки секача длиной 27,5 и 27,2 см, добытого в Суражском ЛОХ, заняли первое место на Всесоюзной выставке охотничьих трофеев с результатом 148,85 балла (Москва, ВДНХ, 1985 г.).

Официально в Витебской области учитывалось 7 тыс. лосей и 8 тыс. кабанов, но на самом деле поголовье было значительно выше: хозяйства по разным причинам сознательно занижали учетные данные.

В конце 80-х, казалось, ничто не предвещало беды. Росло число бригад, количество охотников в них, по лесам палили с легкостью, будто по зайцу, — с любого расстояния, без разбора пола и возраста, методика охоты была одна — загон, о существовании других никто не подозревал.

Популяция лося омолаживалась: средний вес туши по взвешиваниям на

мясокомбинатах снизился с 174,6 кг в 1970 г. до 122,0 кг в 1994 г. Исследования репродуктивных органов свиноматок, проведенные автором в 1987—91 гг., показали, что полностью был использован и потенциал воспроизводства дикого кабана.

Специалисты, стоявшие у руля охотничьего хозяйства, не почувствовали, прозевали тот момент, когда надо было остановиться и оглядеться, в угодах уже началось сокращение поголовья, а лимиты добычи продолжали наращиваться. И снижение численности перешло в обвал.

К 1995 г. охота на кабана оказалась закрытой в половине районов, а охота на лося была запрещена по всей республике на 3 года.

Многие работники охотничьего хозяйства в этих условиях опустили руки, считая ситуацию необратимой, в охотничьей прессе появились версии о миграциях, о последствиях радиации, о природной цикличности. Заметьте, такая созерцательная позиция вообще характерна для нашего менталитета: действительно, что можно поделаться с цикличностью, с землетрясением, с «всеобщей разрухой»? Но, как говорил несравненный Филипп Филиппович, разруха начинается прежде всего

охота

и охотничье хозяйство

3 2001

Ежемесячный иллюстрированный журнал.

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,

Союз общества охотников и рыболовов РФ.

• Основан в октябре 1955 г.

в головах. Не надо упрощать природные явления, но не надо и усложнять. В условиях «разрухи» у нас оставался Освейский заказник с отдельными урочищами, где нельзя было ступить ногой, чтобы не попасть в лосиний след. Однажды по мартовским проталинам 9 тамошних лесников организованно выехали на поиски лосиных рогов и к обеду привезли 53 «трофея»! И никаких тебе солнечных циклов, миграций и радиаций. Секрет заказника прост: он находится между двумя пограничными заставами, нашей и латвийской. Пограничники на единственной дорожке, ведущей в лес, поставили шлагбаум и не пускают ни по грибы, ни по ягоды. Вот и все, что надо зверю, — тишина и покой. Но мы забежали вперед.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Возможно, охотничьему хозяйству Белоруссии надо было пройти через эти испытания, чтобы критически осмыслить ситуацию и попытаться найти пути выхода из кризиса. Кажется, нам это удалось.

И на уровне республики, и на уровне области были приняты меры по 18—20 позициям, которые не только оздоровили обстановку, но и открыли перед охотничьим хозяйством новые перспективы. Приводим некоторые из этих мер, хотя и не ручаемся, что перечисляем их в порядке значимости.

1. В республике существовала система добычи копытных по двум видам лицензий — промысловым и спортивным. Продукция промыслового отстрела подлежала сдаче на мясокомбинаты, большая часть ее отправлялась на экспорт. Этот отстрел разрешался во все дни недели, лицензии выдавались бесплатно, на весь сезон. Всегда дефицитные, хотя и платные, спортивные лицензии выдавались на короткий срок, охота по ним разрешалась только в выходные. Промысловый отстрел ложился в основном на сельских охотников, а спортивные лицензии по понятным причинам чаще удавалось получить горожанам.

Если городской охотник, считаясь с возможностью проверки при въезде в город, вынужден был закрывать лицензию на месте добычи, то сельские бригады, в состав которых обычно входили директор совхоза, лесничий, участковый, никого не боялись. Именно этими бригадами, а не браконьером-одиночкой, наносился основной ущерб фауне. Отказ от промыслового отстрела явился первым и наиболее очевидным шагом к прекращению разбоя в угодьях.

2. Возобновились выплаты вознаграждений за истребление волков, ныне размер премии за отстрел взрослого волка составляет 18 у. е. — какой-никакой, но стимул; за добычу двух волков выдается бесплатная лицензия на кабана, за 10 волков — на лося. В 1997—99 гг. в области добыто соответственно 570, 370 и 260 волков, — мы обуздали поголовье хищников, хотя и понимаем эфемерность этой победы.

3. На севере Белоруссии нет дубовых насаждений, благополучие кабана здесь держится на зимней подкормке, которой мы всегда уделяли особое внимание. В угодьях, где не велась подкормка, мы закрывали охоту. Наш лозунг был: накорми кабана — и ни браконьеры, ни волки его не истребят, кабан плодovit, он быстро отвечает на заботу. Опять же, много кабана — меньше пресс охоты на лося. Но есть и еще одна сторона дела. Когда охотник сбережет и выкормит кабана своим трудом, то и отношение к этому зверю будет иным, хозяйским, а не как к случайному дару природы.

Мы говорим егерю, принимая его на службу, учим на семинарах: если за год работы ты не составишь ни одного протокола — мы ни словом не упрем. Можно проверить у охотников документы, отобрать ружье у подростков,

в них с местными охотниками — большой пласт работы охотоведа, значение которого трудно переоценить, хотя ей не учат ни в одном вузе. Мы считаем, что до тех пор, пока охотник не почувствует себя хозяином в своих угодьях, никому, никогда и нигде не удастся создать сильное хозяйство.

А как же все-таки быть с людьми, которым нельзя отказать? Мы говорим — пожалуйста, приезжайте, но будем охотиться вместе с местным коллективом.

5. Свежими кадрами, пришедшими в Минприроду (начальник спецсекции О. Сидоренко), в конце 1997 г. были приняты новые Правила охоты. Вернее, такого документа раньше в Белоруссии вообще не существовало. Обсуждение проекта Правил проходило в острой, но демократической и творческой дискуссии, в Минске было собрано около

Фото А. Савастьянова

но все же борьба с браконьерством не по силам одиночке, это удел и обязанность охотоведа. А вот если ты не будешь кормить кабанов — ты не выполнишь свою главную задачу.

В последние годы в связи с обнищанием населения началось массовое разворовывание кормов: взламывались дощатые хранилища для зерноотходов, вскрывались ямы с картофелем. Но был найден прекрасный выход: егеря потянули в угодья пустующие металлические емкости из-под аммиачки и целые цистерны. Теперь зерноотходы не мокнут под дождем, их не сечет мышь, никто не взламывает шиферную крышу.

4. Мы отказались от такого уродливого явления, как «резервные» лицензии, которые получали разными путями разные люди, часто через голову администрации охотхозяйств. При этом в одних угодьях могли оказаться сразу 2, а то и 3 бригады. Получалось, что кормил зверя местный охотник, а охотиться приезжал Иван Иванович. До обеда оклад прогоняла одна бригада, а после обеда другая. Такая ситуация недопустима. Вообще, политика в отноше-

50 специалистов из областей и районов, участвовали представители всех заинтересованных ведомств. Новые Правила охоты внесли ряд радикальных, ожидавшихся много лет изменений в сроки, методы и порядок охоты, в том числе на копытных.

Отныне лицензии стали выписывать не бригадам, а только на имя штатных работников охраны охотхозяйств: егерям, охотоведам, директорам и без предварительной оплаты. Охотники, прибывающие в хозяйство, платят за день участия в охоте и вписываются в разовую путевку. Лицензии же оплачиваются по факту добычи. Что мы выиграли? Исчезло понятие «горящая лицензия», т. е. когда лицензия оплачена, а срок ее истекает (тут уж охотникам бывает не до селекции). Отпала необходимость прятать под елку обычный на коллективных охотах «перестрел», сейчас у егеря в кармане несколько лицензий, теоретически хоть под весь лимит. Егерь своевременно закрывает лицензию — в отличие от обычного бригадира он за нарушение отвечает «погонями», лимиты в большинстве хозяйств стали использовать

ся на 100 %. Таким образом, мы пришли к логичному и разумному решению организационных вопросов добычи копытных. Но это еще не все.

До того мы много лет шли по пресловутому пути «сжатых» сроков добычи копытных: в начале 70-х охоту открывали 1 августа, потом 1 сентября, 1 октября, 15 октября... Но, пожалуй, это вовсе не панацея, а скорее тупиковый путь — отстрел все больше превращался в кампанию со всеми изъятиями любой кампании — штурмовщиной, выполнением плана «любой ценой», не говоря уже о том, что мы обедняли свою охоту. Между прочим, в плену понятия «сжатых сроков» до сих пор находятся многие известные охотоведы.

Теперь мы хотимся на кабана полугода — с 15 июня по 15 января, хотя из них загонным методом только 2 месяца — октябрь и ноябрь; на косулю с 1 июля, рассматривается предложение о дальнейшем расширении сроков охоты.

Читатель скажет: как же так, на фоне обвала численности они расширяют сроки охоты?! Конечно, этот смелый шаг стал возможен только в условиях усиления охраны. Все предыдущие годы охотнадзор в Белоруссии осуществляли органы лесного хозяйства. Но лесник, с ружьем за плечами охраняющий свой обход, остался на картинах художников прошлого века, теперь он с бензопилой в руках дает «кубики»; понятно, что охрана фауны сильно хромала. С 1993 г. право инспектирования охотугодий и наложения штрафов получили также органы охраны природы, с 1997 г. еще и инспекции рыбоохраны.

6. Новые Правила узаконили охоту из засады (с вышки, с засидки), до того считавшуюся полубраконьерским способом, а также охоту с подхода, на реву, на вабу, с манком. Сочетание новых способов и новых сроков охоты позволило заявить: мы берем стратегический курс на отказ от загонных охот и переход к индивидуальным методам добычи копытных. Этот тезис, на наш взгляд, является главным достижением охотоведческой мысли в республике за несколько десятков последних лет. Остановимся на нем подробнее.

В бывшей ГДР при площади охотугодий в 9 млн. га (это в 3 раза меньше, чем в Белоруссии) в последний год ее существования на 39 тыс. охотников было добыто 149 тыс. голов кабана, т. е. почти по 4 кабана на среднестатистического охотника, плюс 157 тыс. косуль, 27 тыс. оленей (журнал «Unsere Jagd», 1990, № 7). И это в центре промышленной Европы! Когда мы приводим эти цифры на собраниях, на конференциях общества охотников, то следует все та же созерцательная реакция: «Так у них другая культура, другой климат». Да, культура, да, климат. Но задумаемся еще над одной цифрой: 97 % кабана немцы отстреливали на индивидуальных охотах, главным образом с вышек, и лишь 3 % на коллективных, загонном (Briedermann, 1986). К за-

гонным охотам немцы прибегали лишь в исключительных случаях, когда ущерб сельскому хозяйству становился непреодолимым и требовалось сократить поголовье. Мы сказали нашим охотоведам: поймите, загонные охоты — это метод сокращения численности. Чем чаще мы беспокоим угодья, тем они беднее, а чем меньше зверя, тем большие площади приходится прочесывать загонном. Получается заколдованный, порочный круг. Мы сказали: пора понять, что охрана животного мира — это не только и не столько борьба с браконьерством, сколько прежде всего методы добычи, безвредные для фауны.

В идеале цивилизованная охота на копытных должна строиться на другом принципе — на знании «прописки» конкретного зверя. Привязанности к своему участку обитания — это норма биологии большинства диких животных. Немецкие исследователи братья Штуббе, используя живоловушки, поместили ушными метками 3344 кабана, в последующие годы получен возврат 37 % меток. Поразительно, но ни одна свинка не была добыта далее 5 км от места мечения! Особи мужского пола более подвижны, но только в возрасте от 1 года, когда с появлением нового приплода они покидают мать, и до 2 лет, после чего они тоже становятся оседлыми.

На таких примерах мы учим на семинарах егерей: нельзя ожидать, что кабан, лось, косуля, даже утка откуда-то придут, прилетят в твои угодья, рассчитывать можно только на то, что сам сберег и вырастил. В хорошем хозяйстве каждый зверь должен иметь свой участок обитания, а если такого участка нет, то только потому, что мы гоним зверей всю осень от края до края хозяйства, а с гончими и за край.

Конечно, мы не оторванные от жизни идеалисты и понимаем, что полностью отказаться от облавных охот вряд ли удастся и за 10 ближайших лет. Но искра сомнения в универсальности этой методики посеяна, дорога к освоению новых методов открыта, а передовые хозяйства Белоруссии (Тетеринское в Могилевской области, Молшанское под Витебском) уже несколько лет, как свели к минимуму охоту загонном, и у них наблюдается вполне европейский уровень численности копытных. В большинстве хозяйств начался настоящий бум строительства вышек, как зимних (утепленных, двухстенных), так и летних для охоты на потравах — стационарных высотой 3 м (такую вышку два егеря строят за 20 минут) и перевозных (разборных либо в виде лестницы-стремянки).

Однако не все проходит так гладко, существует и оппозиция стратегии перехода к индивидуальным методам добычи, на нас наклеивают ярлыки «доморощенных теоретиков», наши противники пишут: нам не подходит западный опыт, защитим национальные традиции охоты! В переводе это означает: сидели и дальше будем сидеть по

горло в нищете, но гордости не уроним.

Что же касается гончих, то с ними в Белоруссии на копытных теперь никто не охотится, по новым Правилам охоты — это браконьерский способ.

Ограничиваем мы даже охоту с гончими на лису и зайца в гослесфонде; мы говорим: гоняйте в поле, в кустах, в небольших кусках колхозных лесов, но основные массивы, где мы кормим, собираем и охраняем зверя, оставьте в покое. Правила охоты разрешили администрации хозяйств закрывать охоту с гончими в таких участках. В лесохозяйственных хозяйствах охота с гончими в гослесфонде обычно запрещается, и здесь темпы роста численности копытных вдвое выше, чем в соседних угодьях. Но решаются на такой шаг далеко не все ведомства, так как вопрос касается интересов самого массового охотника.

Между прочим, Л. П. Сабанеев в «Охотничьем календаре» приводит Правила охоты для губерний Царства Польского, п. 229: «Лесной страже в лесах казенных... а равно и лицам, проживающим в означенных лесных дачах, содержать борзых и гончих собак воспрещается безусловно». Оказывается, спустя сто лет мы вновь изобретаем велосипед.

Во всей Белоруссии ради покоя в лесу в зимние, наиболее трудные для копытных месяцы срок окончания охоты на пушных зверей сдвинут с февраля на третье воскресенье января.

Наша политика принесла неплохие плоды: в Витебской области в 1996—1997 гг. падение численности копытных было остановлено, 1998 год дал прирост на 10—20 %, в 1999 г. рост поголовья по разным видам составил уже 15—25 %, хорошие темпы сохранились и в 2000 г. Популяция кабана восстановлена почти до прежних размеров, поголовье оленя в сравнении с показателями 10-летней давности возросло на треть, косули — более чем в 3 раза, в большинстве хозяйств возобновился отстрел лося.

**Дорогие читатели
журнала**

**«Охота и охотничье
хозяйство»!**

Скоро начинается

подписка

на второе полугодие 2001 г.

Наш индекс

70673

по каталогу Роспечати

Фото А. Лисевича. Амурские медвежатники

Дорогие читатели, на наш очередной фотоконкурс от 53 авторов из разных регионов России поступило 289 цветных фотографий и слайдов.

Жюри фотоконкурса рассмотрело полученные работы и решило:

Две первые премии (по 2000 рублей) присудить:

В. Ерохину за серию очерков в цветных фотографиях «Птицы на гнездах»

Н. Мальцеву за очерк «Сибирская косуля»

Три вторых премии (по 1000 рублей):

О. Чугунихину за серию цветных фотографий «Природа России»

С. Ковшу за серию цветных фотографий «Природа Украины»

В. Зайкову за фотографии северного оленя

Четыре третьих премии (по 500 рублей):

А. Ангелову за пейзажи России

Р. Закревскому за серию цветных фотографий о водоплавающих птицах

А. Федорову за фотографию «После охоты на болотоходе»

С. Поветову за серию фотографий «Лесные кружева»

Мы благодарим всех участников фотоконкурса, и в том числе тех, которые не были отмечены жюри, — их фотографии могут быть использованы в качестве иллюстраций к нашим публикациям.

Об условиях фотоконкурса 2001 года см. журнал № 1, 2001 г.

Фото В. Муканова. Поиграем, пока хозяин отдыхает. р. Ельма, приток Печоры

Фото В. Хныкина. Моя первая утка. Карелия

Фото С. Дубова. Это я с добытым соболем. Тюменская область

Итоги фотоконкурса

Фото С. Космачевского. Долгожданный трофей. Читинская область

Берегите

Фото А. Лавровой

В. ТИХОМИРОВ

Качество добываемой пушнины — основной критерий квалификации охотника. Охотник, ощущающий свое единство с природой, с благодарностью и уважением относится к своей добыче и стремится как можно полнее сохранить природную красоту пушнины. Кроме личного удовлетворения высокое качество сдаваемой пушнины гарантирует вам уважительное отношение других охотников, в том числе и руководителей охотничьего промысла. Помню, как в конце своего первого сезона на Алтае сдал 450 белочек, первично обработанных с мездрением, высушенных на правилах и разложенных по сортам и дефектам. Приемщик раньше не видел такой белки и решил то ли посоветоваться, то ли поделиться впечатлением с директором заготконторы. В результате мы с собакой не только получили предложение приехать на следующий год, но нам обещали дать на сезон «Белку» и помочь лошастью с заброской. И действительно, на следующий год нам помогли провести сезон еще более эффективно. Кроме белочек мы сдали пару соболей, правда, почти даром (за 16 и 18 рублей). Зато перед третьим сезоном нас наградили бесплатной лицензией на марала.

Процесс превращения шкурки, бегающей по лесу, в полноценную пушнину достаточно сложен. Его успех зависит

от многих причин. Попробую перечислить важнейшие.

Нормальный промысловик ни за что не будет добывать зверя с незавершенным процессом линьки. Дело в том, что при линьке луковицы остевых волос углубляются в толщу кожи на всю ее глубину, а некоторые выходят в жировой подкожный слой. Такие луковицы еще при первичной обработке будут подрезаться и «уходить» из шкуры. При последующей выделке такие шкуры нельзя утончать строганием, поэтому они не могут стать тонкими и мягкими. Мягкость шкурки, кроме всего прочего, пропорциональна квадрату ее толщины. Не вылинявшие шкурки имеют и низкие механические свойства. Наверное, каждый охотник знает, что не вылинявшая шкурка со стороны мездры темная, а зрелая — бело-голубая. Формальное открытие охоты для думающего охотника — сигнал к пробной добыче. Однако ондатру и лису, например, в нашей Московской области можно даже и не пробовать. До декабря ни лисы, ни ондатровая молодежь не выйдут.

Второе важное дело — способ добычи. Мы обязаны добывать животных так, чтобы урон, наносимый шкурке, был минимальным. Думаю, грех добывать ондатру ружьем. Ее, конечно же, нужно ловить «мордами» или капканами. И норку, думаю, правильнее ловить, а не стрелять. Не делю лупить по белке из дробовиков, да еще и крупной дробью. Не могу понять, почему в ряде областей запрещают белковать с мелкокалиберным нарезным ружьем. Разве что власти, зная собственные «заслуги», боятся нас. Как ни крути, ни загоравший корпус белки соседним деревом, какую мелкую дробь ни применяй, как ни уменьшай заряды, а процентов на 25 белка, добытая дробью, будет дешевле (а значит, и хуже), чем аккуратно, в головку, стрелянная пулей. Кроме того, стрельба пулей и в чисто спортивном плане намного интереснее. Она требует большей точности по сравнению с дробовой. В крайнем случае, дробовое ружье желательнее мелких калибров, а дробь — семерка-восьмерка.

Перед каждой охотой следует подумать не только какой дробью снаряжать патроны, но и как стрелять в типичных ситуациях. Как-то один «профессионал» принес для выделки шкуру енота (енотовидной собаки), у которого не было половины головы, части шеи и левого плеча. Первое впечатление, что бедолага подорвался на mine. Оказалось, что это результат карточного выстрела накоротке, когда такса выталкивала енота из норы. Ясно, что ничего хорошего из такой

Алтай. Заходят на промысел

шкурки не получилось.

Правда, недавно я и сам опростоволосился. Выбирался с промысла из Горно — Алтайской тайги и сидел на обочине проселка, идущего к Чуйскому тракту, — ждал попутки. Все вещи, включая разобранный карабинчик ТОЗ-18 01, упакованы в большой рюкзак. Чтобы собаке было повеселее, на поводок ее пока не брал. Смотрю, что-то кобель закопался в кустах у ручья, бегущего недалеко. Вдруг из корней рыжей молнией выскочил колонок и взлетел на вершину ближайшего кедра. Пока я судорожно собирал карабин, на дороге послышалась машина. Вскоре она оказалась из-за ближайшего поворота. Водитель согласился нас подхватить. Однако он спешил — начинало смеркаться. Как на грех, не могу вспомнить, куда затолкал обычные патроны. А в магазине карабина только усиленные экспансивные (в горы на зиму шла косуля). Побежал к кедрине с тем, что было. А видно уже плоховато, да кухта маленько мешала. Но вроде в самой верхней мутовке что-то «лишнее» было. Вот, помолясь, туда и выстрелил. Колонок начал падать, но завис недалеко от вершины. Слава Богу, веточка, на которой он висел, была видна. Еще один патрон пришлось потратить, чтобы ее отрубить. Колонок прилетел на землю, а в нем две дыры будто от гранатомета. По сути дела, я

пушнину

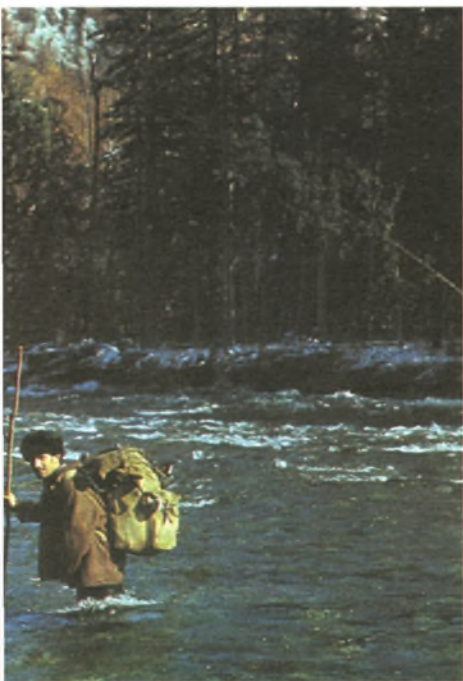

Фото автора

если это почему-нибудь не удастся, то куницу или соболя бережно заверну в полотенце, чтобы волос меньше заламывался и не пачкался кровью из ранки.

Очень важно точно работать ножом при съемке — недопустимы неправильные разрезы. При мездрении нужно быть особенно аккуратным. Если вы добыли животное крупнее белки, не пожалейте времени и удалите хрящи из ушей и носика. Иначе они не просохнут как следует, и при выделке мех с этих участков полезет. При некотором навыке нетрудно из хвоста выдернуть пруттик его скелета. Нужно обязательно хвост разрезать с нижней стороны.

В день добычи нужно тщательно удалить со шкурки весь жир. Самым надежным способом является мездрение. Мездру нужно последовательно сгнать вместе с жиром от огузка к головке, не нарушая целостности мездры. При некотором навыке ножом можно удалить кровоподтеки вокруг прострелов. Если их не убрать, то там образуются маленькие кольцевые лысинки. После мездрения нужно старательно убрать жир, многократно протирая шкуру сухой тряпкой. Жир — главный враг пушнины. Даже небольшие его количества способствуют загниванию волосных лукович. В итоге шкура приличная в сухом состоянии иногда начинает катастрофически терять волос на первой же стадии выделки — отмоке. Кроме того, жир, проникая в толщу кожи, не вымывается при выделке. Такие участки кожи не набухают достаточно в воде и оказываются невыделанными.

Важной стадией первичной обработки является сушка. Из всей пушнины только белку можно сушить без правилка мездрой наружу. Но стандарт допускает и для нее сушку на правилках. Такие шкурки получают много привлекательнее, чем свободно сушеные. Формы и размеры правилок для шкур всех главных пушных животных приводятся во всех справочниках. Желательно, чтобы шкура на правилке была растянута не только по ширине, но и вдоль. Это серьезно повышает качество будущего меха. Температура сушки не должна превышать 25°. Сначала шкуру сажают на правилку мездрой наружу часов на 10–12. К лапам, головке и хвосту со стороны мездры накладывают бумажки соответствующей формы, которые, прилипнув, не дают сест этим местам при сушке. Передние лапы нужно прикрепить к небольшой рейке, проходящей через разрезы у подмышек поперек правилки. Про это иногда говорят: «сделать самолетик». Если за время первой стадии сушки из мездры «выдавится» жир, его нужно

Фото А. Лавровой

нарушил сразу два правила. Стрелял колонка «чужим» патроном и, кроме того, позволил себе стрелять не в голову. Эту испорченную шкуру мне особенно жалко, поскольку колонковый мех мне очень нравится. Он много мягче, гуще и пышнее клеточной (американской) норки и тем более горностая, с которым колонок принимается по одинаковой цене. Для меня он существенно ценнее.

Иногда азартные лайки очень серьезно портят мех, грубо хватая упавшее животное. Однажды мне дали в натаску четырехлетнего кобеля русско-европейской лайки. Все у него было безукоризненно, кроме отношения к упавшей белке, да и всем кунным. Он сгоряча их просто рубил почти пополам, как гильотиной. За полтора месяца промысла мы с ним добыли около 350 белок. Но до конца сезона перед выстрелом этого бандита приходилось привязывать в сторонке. Правда, к жестоким мерам «воспитания» я никогда не прибегаю.

Добытых некрупных пушных животных (белочек, колонок) ношу на кожаной удавке, прикрепляя ее карабинчиком к ляточным кольцам рюкзака. Так они меньше мнутя и хорошо проветриваются. Заодно и вошки, которых на белках бывает тьма, маленько убегают. Если Бог пошлет что-нибудь ценное, стараюсь шкуру снять немедленно. А

старательно убрать тряпочкой. После этого шкуру снимают с правилки, выворачивают и — снова на правилку. На шкурках соболя и куницы часто бывает смола. Ее удаляют тряпочкой, смоченной бензином. После этого шкуру расчесывают против шерсти, а правилку ставят «вниз головой». Так мех получается более пышным. Через день шкурки можно снять с правилки и еще раз прочесать. Есть смысл денек-другой для окончательной досушки шкуркам повисеть на воздухе. Шкуркам больше нравится сохнуть не на сплошных правилках, а на правилках с крупными отверстиями разной формы. Им так легче дышать.

Если беличьи правилки — лучинки очень просто сделать на промысле, то по одной правилке для соболя и колонка-горностая есть смысл взять из дома.

А теперь я хочу немножко остановиться на выделке шкурок. Выделка шкур — ремесло близкое к искусству. С минимальной натяжкой можно сказать, что каждая шкурка требует своей технологии, и профессиональное чутье приходит только с опытом. Опишу только простейшую схему, которая дает хорошие результаты для «легких» шкурок: лисы, песца, куницы, соболя, рыси, молодых кроликов, норки и ондатры.

Собственно выделка складывается из последовательного проведения отдельных процессов. Как и в любом

сложном деле, ошибка на любой стадии не может быть исправлена за счет последующих, поэтому необходимо все операции выполнить с максимальным старанием.

Отмока проводится сутки в холодной воде. На 1 л воды добавляется 30 г поваренной соли, 1 г хлористого цинка, 1 г мощного средства (порошка для шерсти), 1 г сульфата натрия, 0,5 мл формалина. Если шкурки совершенно свежие, формалин можно не добавлять. Парные шкурки обводняются часа за 3—4. Для отмоки и всех последующих операций используют количество растворов, в 8—10 раз превосходящее массу сырья. В процессе отмоки шкурки необходимо перемешивать, обращая внимание на то, чтобы все участки шкурки обводнялись.

Стирка проводится раствором какого-либо мягкого моющего средства, концентрация которого 3—4 г на 1 л воды при температуре около 40°. Шкурки стираются тщательно с обеих сторон, после чего дважды прополаскиваются со стороны волоса и мездры.

Мездрение проводится для удаления прирезей жира и мяса, оставшихся на шкуре. Кроме того, мездрение разрыхляет кожевенную ткань, что значительно улучшает качество выделанного меха.

Вторая стирка проводится совершенно обязательно, поскольку под мездрой всегда остается некоторое количество жира. Жир второй стиркой должен быть удален полностью. Его остатки на шкуре не позволят провести последующие процессы. После второй стирки следует тщательное полоскание.

Пикелевание — это процесс насыщения кожевенной ткани солью и кислотой. При этом происходит разрушение коллагеновых волокон кислотой. Учитывая это, важно не переусердствовать с продолжительностью этого процесса. Лучшие результаты получаются, когда пикель содержит 6 мл ледяной (100-процентной) уксусной кислоты и 60 г соли на 1 л воды. Пикель нагревают до 40° (не выше!) и помещают в него шкурки на сутки. Шкурки вынимают из раствора и, добавив в него еще уксусную кислоту, из расчета 4 мл на литр раствора, снова подогревают до 40°, после чего в него возвращают шкурки. Вторая половина пикелевания продолжается еще сутки.

Пролежка — это продолжение пикелевания, только без раствора. Вынув шкурки из пикеля, их отжимают не выкручивая, дают стечь минут 30, выворачивают волосом наружу, кладут в полиэтиленовый пакет, который плотно завязывают и помещают под гнет. Например, ведро с водой. Продолжительность пролежки около суток.

Разбивка и подчистка кожевенной ткани проводится скоблением ножом вдоль и поперек шкурки с целью ее разрыхления.

Дубление шкур предохраняет их от окисления и разрушения при последующей носке изделий. Оно проводится

с использованием отработавшей пикельной жидкости, для чего ее разводят вдвое водой и добавляют сухой хромовый дубитель из расчета 3 г на 1 л раствора. Народные рецепты выделки содержат рекомендации проводить дубление в растительных экстрактах (кора ивы, дуба, ели, листья бада-на и пр.). Продолжительность дубления — сутки.

Вторая пролежка выполняется, как и первая, но длится только 12 часов.

Нейтрализация проводится в растворе питьевой соды концентрацией 3 г на 1 л воды. Продолжается она около 30 минут. Ей предшествует полоскание в чистой воде.

Жирование кожевенной ткани является очень важной операцией. В качестве жирующих веществ ни в коем случае нельзя использовать жиры животного происхождения, яичные белки и другие органические вещества, способные к окислению на воздухе. Можно использовать только специальные эмульсии, например кожевенную пасту или пасты, полученные на основе минерализованных продуктов. Жировку можно приготовить и самостоятельно. Для этого смешивают 1 л теплой воды, 50 мл олеиновой кислоты, 50 мл сульфированного рыбьего жира и 10 мл нашатырного спирта. Смешивать этот состав следует до получения устойчивой эмульсии. Для жирования шкурку нужно натянуть на правилку мездры наружу и с помощью кисти нанести жирующую эмульсию, находящуюся в консистенции молока. После этого шкурку снимают с правилки и выворачивают волосом наружу, оставляют на сутки, после чего жирование повторяют.

Сушка жированных шкурок проводится в тени при комнатной температуре до полного состояния (обычно 2—3 суток).

Третья стирка проводится для удаления остатков жирующей эмульсии с поверхности кожевенной ткани и волоса. Она осуществляется теплой водой с шампунем, после чего следует легкое полоскание с обеих сторон.

Окончательную просушку проводят на правилках сначала мездрой наружу, затем волосом. Еще влажный волос причесывают против шерсти.

Отминание и зачистку проводят тупыми ножами и некрупной шкуркой, предварительно натерев мездру мукой крупного помола. Остается только отрясти шкурку от муки, вывернуть волосом наружу и окончательно причесать (опять против шерсти).

Если первая попытка не принесет блестящих результатов, не отчаивайтесь — это ведь первый блин. Второй обязательно будет много лучше. Успехов вам!

В настоящее время Тульский оружейный завод изготавливает два самозарядных ружья 12 калибра для продажи охотникам, это ТОЗ-87 с газоотводным механизмом и МЦ 21-12 с подвижным стволом. У обоих образцов патронники рассчитаны для использования гильз длиной 70 мм. Чем интересны современные образцы этих ружей по сравнению с теми, которые изготавливались в начале их появления на прилавках магазинов? А тем, что снабжаются различными дульными насадками от цилиндра до полного чока и «парадокса». Естественно, владельцы этих вновь приобретенных ружей интересуются вопросом, что конкретно дает применение тех или иных насадок в стрельбе на охоте разными номерами дроби и пулями.

Провести сразу полный объем стрельб редакция журнала не имеет возможности, так как отсутствуют средства для проведения подобных испытаний. Поэтому завод ТОЗ вместе с нашей редакцией обратился к директору московского магазина «Охотник», что на Волоколамском шоссе, Елене Юрьевне Макаровой с просьбой о помощи в проведении сравнительных стрельб этих ружей с разными насадками и параллельно отстрелять какое-нибудь иностранное ружье подобного класса, но известной нашему охотнику фирмы. Обращение именно в этот магазин было связано с тем, что при нем имелся тир с дистанцией стрельбы на 50 м. При этом особую важную роль сыграло доброжелательное отношение Елены Юрьевны к нашей затее, которая помимо материальной помощи, оказанной для обеспечения проводимых стрельб, сама приняла в стрельбах активное участие.

На стрельбах присутствовали помимо представителей нашего журнала Н. Бабанин, главный конструктор ТОЗ, С. Гриневич, начальник бюро отдела маркетинга, а также М. Дегтярев — главный редактор журнала «Калашников». Благодаря Елене Юрьевне наши стрельбы были обеспечены имеющимися в наличии у нее в магазине патронами, а также самозарядными ружьями «Браунинг», МЦ 21-12 и ТОЗ-87 с разными насадками. Кроме этого, нам были предоставлены стрелковая скамейка с упорами и спортивными мишенями № 4 (к сожалению, для полной оценки дробового выстрела необходимы столбовые мишени, найти которые нам не удалось). Все стрельбы проводились профессиональным стрелком.

Для опытных стрельб в наше распоряжение были предоставлены следующие типы патронов. Патроны «Record» с пулями «Стрела» весом 32 г и порохом «Сокол» с навеской 2,15 г; патроны «Safari» с дробью № 8 весом 34 г и порохом Sunar SF весом 1,82 г; патроны этой же марки с таким же порохом, но с дробью № 1 весом 32 г и весом пороха 1,9 г; патроны «Виктори-К» с весом дроби № 4 32 г и весом пороха 1,93 г.

испытание самозарядок

М. БЛЮМ, В. ГРИНЕВИЧ, представитель завода ТОЗ

Очередной выстрел по мишени

Сразу вижу, куда попал...

Для стрельбы были предоставлены самозарядный с газоотводным механизмом и сменными чоками «Браунинг», самозарядное ружье ТОЗ-87-06 со стволом длиной 540 мм и с дульными насадками: цилиндр, полчок (ДС-0,5), полный чок (ДС-1,0) и «парадокс», а также ружье МЦ 21-12 со стволом длиной 750 мм и такими же дульными насадками. Из каждого ружья, каждым типом снаряда было произведено по три зачетных выстрела. Все пробоины от дробин, попавшие в мишень размером 58 см×53,5 см, принимались во внимание при подсчете количества попаданий.

При стрельбе на 25 м с цилиндрической насадкой дробью № 8 из ружья ТОЗ-87-06 было получено 215 пробоин, а из ружья МЦ 21-12 — 198. Это говорит о том, что цилиндрическая насадка позволяет отстреливать мелкую дичь с относительно близкого расстояния —

например болотную — из-под собаки. Причем короткий ствол при такой стрельбе показал несколько более плотную осыпь по сравнению с длинным стволом. При стрельбе на 35 м с насадкой «парадокс» при тех же остальных условиях стрельбы разброс дробы получился несколько больше (порядка 185 дробин), что позволяет эту насадку использовать для стрельбы дробью на еще меньшем расстоянии. Стрельба пулями с насадкой «парадокс» на 35 м дала разброс пуль, равный 12,7 см, а из цилиндра — 5,5 см. Это говорит о том, что насадка «парадокс» требует применения специальных пуль с двумя ведущими поясками, которые будут закручивать пули и позволят получить их разброс порядка 15 см на 150 м. Заводом ТОЗ такие пули разработаны и появляются в продаже.

При стрельбе на 35 м дробью № 4 с чоковой насадкой отечественные ружья

положили 92—94 дробины, а иностранные — 119. С получоковыми насадками у всех ружей практически одинаковые результаты: 71—83 дробины поразили спортивную мишень № 4. При стрельбе дробью № 1 с получоковой насадкой из «Браунинга» получено 32 попадания, а из ТОЗ-87-06 и МЦ 21-12 соответственно 40 и 51 попадание. Так что в данном случае отечественное оружие показало лучшую кучность боя при стрельбе крупной дробью, а это значит, что при стрельбе на дальние расстояния по крупной дичи наши образцы предпочтительнее иностранного. Этой же дробью при стрельбе с чоковой насадкой, установленной на все образцы, ружья «Браунинг» и ТОЗ-87-06 дали по 44 попадания, а МЦ 21-12 — 52 попадания. Ружье МЦ 21-12 оказалось лучшим.

Проведенные испытания показали, что качество стволов отечественных ружей не хуже зарубежных.

Фото Т. Баженова

Елена Юрьевна оценивает результаты стрельбы

Осмотр ружья после стрельбы

Смоленское охотничье хозяйство

А. ДИГИЛЕВИЧ

В 200 км от Москвы по Минскому шоссе, среди обычных для Центральной России угодий на 73 тыс. га в основном старых смешанных лесов с преобладанием ели, сосны, березы, осины и ольхи расположено Смоленское охотничье хозяйство Агроплемсоюза. Есть в нем немного чистых сосняков, 763 га занимают болота, 185 га — реч-

ки, озера и пруды, 8 тыс. га — пашни и 6,5 тыс. га — сенокосы. На этой территории обитают 800 кабанов, 250—300 лосей, 500—520 благородных оленей, есть даже медведи, и, конечно, есть зайцы, белки, куницы, лисицы, енотовидные собаки... На глухарине тока слетаются по 25—30 петухов. Много в хозяйстве тетеревов, великолепны охо-

ты на вальдшнепиной тяге. На зарыбляемых водоемах и летом и зимой хорошо ловится рыба, что, кстати, служит одним из источников дохода. На зиму воду в прудах спускают и рыбу из них также продают. Годовой финансовый оборот хозяйства — 3 млн. рублей, а основные доходы получают от организации и проведения охот. В неохотничье время прекрасно оборудованные базы — гостиницы сдают просто отдыхающим.

В штате Смоленского охотничьего хозяйства, которое возглавляет охотовед по образованию Яков Яковлевич Колесников, трудится 60 человек, и можно с уверенностью сказать, что это одно из лучших хозяйств в России. Я. Я. Колесников возглавляет его около 20 лет и славится как умелый и требовательный организатор, радушный хозяин, знаток охотничьего дела и страстный охотник, который особенно увлечен охотой на волков. Каждое сообщение о появлении волчьих следов приводит к мобилизации всех сил на борьбу с серыми хищниками. Волков уничтожают не только внутри хозяйства, но и в прилегающих к нему районах. 130 волков отстреляно за последние пять лет.

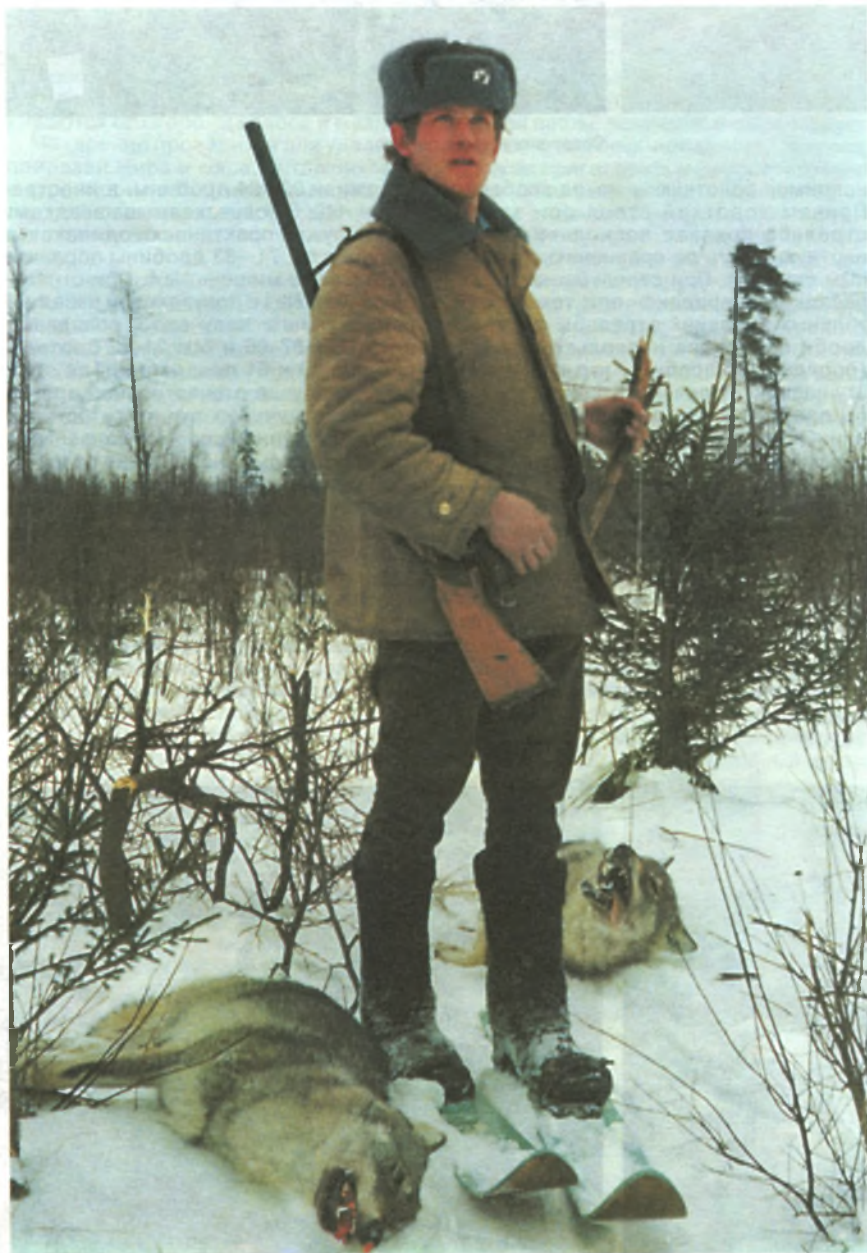
Не менее активно ведется и борьба с браконьерами. Во все времена года мобильные бригады с рациями на вездеходе или снегоходах прочесывают угодья, вылавливая любителей легкой добычи.

Многочисленные солонцы, кормовые поля и подкормочные комплексы удерживают копытных зверей на территории хозяйства. Забота об их здоровье, например профилактика чумы, и строго планируемые охоты с сохранением маточного поголовья обеспечивают наличие в хозяйстве трофейных особей. При этом проводятся не только обычные, распугивающие зверей загонные охоты, но и охоты скрадом, с вышек, на кабанов на потравах, на лосей и оленей на реву. В результате разумного подхода к охотам и сбережения животных численность разнообразной дичи в хозяйстве не снижается, а постепенно возрастает, и это заслуга всего дружного коллектива, работники которого хорошо знают свои угодья и их обитателей. Обслуживающий персонал хозяйства предельно доброжелательно относится к приезжающим охотникам и вместе с тем следит за соблюдением необходимой дисциплины во время охот.

От души желаем всем труженикам Смоленского охотничьего хозяйства успехов в работе и здоровья.

Фото автора

Директор Смоленского охотничьего хозяйства Я. Я. Колесников

КУДА ИСЧЕЗ ЛОСЬ ?

А. ДАНИЛКИН,
доктор биологических наук,
Институт проблем экологии
и эволюции им. А. Н. Северцова
Российской академии наук

Споры о причинах очередного сокращения населения копытных в России не утихают до сих пор. Охотдепартамент РФ и его Контрольно-аналитическая служба по-прежнему пропагандируют «трофическую» гипотезу, связывая динамику численности животных с циклическостью, вызванной изменением солнечной активности и недостатком качественных растительных кормов. Есть же циклическость у зайца-беляка, белки, лемминга и других мелких зверей и почему не быть ей у копытных?

Эта гипотеза, при всей привлекательности, имеет ряд изъянов, о которых упоминалось ранее (см. «Охота и охотничье хозяйство». 1997. № 6). Лось — не заяц, не лемминг, не рыжая полевка, он не может размножаться с такой же фантастической скоростью, как мелкие зверьки, у него иная физиология, иная продолжительность жизни и стратегия выживания. Кроме того, численность копытных странам Европы резко сокращается именно в периоды социально-экономических катаклизмов (войн, революций, неурожая, голода, обнищания населения и др.), традиционно сопровождаемых «волчьей напастью». Динамика населения копытных асинхронна в соседних странах, регионах, областях, районах, отдельно взятых заповедниках и охотничьих хозяйствах, хотя, по «трофической» гипотезе, она должна быть однонаправленной. И самый интересный вопрос — если лоси одновременно погибли от недостатка кормов и истощения, то куда «исчезли» десятки тысяч

их трупов? Массовая гибель крупных животных не может быть незамеченной!

Справедливости ради следует отметить, что невнимательность свойственна службе Охотдепартамента РФ. В Курганской области в многоснежную зиму 1998 г. она не увидела «в упор» гибель десятков тысяч сибирских косуль, хотя сотни трупов открыто лежали во всех типах охотничьих угодий многих районов. Но не все же отечественные охотоведы такие «слепые», как курганские!

Итак, куда же исчезли копытные в России? Давайте попытаемся найти пропавшие лосиные головы. Предлагаю, уважаемый читатель, выдвинуть и совместно обосновать гипотезу, которую в отличие от «трофической» условно назовем «гастрономической»: не лось съел корма и покончил жизнь самоубийством, а его самого съели при попустительстве или некомпетентности управляющего, контролирующего и регулирующего охотничьего ведомства.

Аналогичное исследование уже проведено мной в отношении диких копытных животных востока европейской части России (см. «Охотник и рыбак Поволжья». 2000. № 7–8), поэтому придется повторить основные доводы, необходимые для обоснования гипотезы. Сразу же оговорюсь, что все рассуждения базируются на официальных сведениях о численности и добыче охотничьих животных, любезно и без всяких условий предоставленных Охотдепартаментом РФ и Государственной службой учета охотничьих ресурсов.

Прежде всего попробуем уяснить уровень воспроизводства в популяциях лосей. Производящая часть (беременные самки) составляет в них около

25–30 %. Каждая из стельных самок ежегодно приносит в среднем 1,3–1,6 теленка, из которых до осени доживает в лучшем случае один. Потенциальный биологический прирост популяции может достигать примерно 40–45 %, а хозяйственный (осенний) — 30 % от весенней (учетной) численности из-за высокой детской смертности. Однако доля сеголеток в течение зимнего сезона продолжает неуклонно снижаться, и до годовалого возраста доживут в лучшем случае 10–15 %. Неминуемо погибнет и часть взрослых животных.

При таком раскладе в популяциях с относительно стабильной численностью уровень всех потерь не должен превышать 30 %. Вычтем отсюда неизбежные естественные потери, такие как смертность по старости, из-за болезней и трагические случаи, которые нередки, и получим некий ориентировочный «пороговый» уровень в 25 %, при «перешагивании» которого неминуемо уменьшение численности. Учтем также, что при интенсивной эксплуатации ресурсов и очень низкой плотности населения животных возможно снижение уровня воспроизводства: из-за преимущественной элиминации наиболее продуктивных особей и «омоложения» до предела разреженных популяций, где становится проблематичной встреча взрослых разнополых особей. В таких случаях расчетный пороговый уровень следует понизить с 25 % примерно до 20 %.

Следовательно, даже в идеале (при отсутствии хищников и браконьеров, исключении гибели подранков и др.) уровень лицензионного отстрела в «стабильной» популяции не должен превышать 20–25 % после промысловой численности, а с учетом всех по-

терь — 10 %, что соответствует типичному для России уровню годовичного (биологического) прироста населения лося. При необходимости увеличения поголовья объем добычи в наших далеко не идеальных условиях должен быть значительно ниже 10 %.

После теоретических рассуждений посмотрим, что мы имеем в реальности. Лицензионная добыча лося в Российской Федерации в период роста его поголовья (1947—1976 гг.) составляла 2—6 %, а в период относительной стабилизации — 7—8 % учетной численности. Охотничьи сезоны 1989/90 и 1990/91 гг. рекордные: официально добыто почти 90 тыс. голов, или около 10 %, что сразу же негативно отразилось на динамике населения вида (см. рис. 1).

В таблице перечислены области и республики европейской части России, которые были вынуждены закрыть или до предела ограничить охоту на лося в 1997—1998 гг. из-за резкого сокращения численности. В большинстве из них в начале 90-х годов официальная добыча была намного выше средней по России, значительно выше уровня хозяйственного годовичного прироста популяций, больше максимального уровня воспроизводства животных и значительно выше установленных ведомственных норм лицензионного отстрела (до 10—25 % после промысловой численности с учетом хозяйственного прироста стада по действующей Инструкции «О порядке добычи диких копытных животных по разрешениям (лицензиям) на территории РСФСР». М., 1984). Фактически, в нарушение ведомственной Инструкции, копытные здесь были «расстреляны» или отданы на съедение волку.

Однако удар по копытным был не только количественным, но и, что немаловажно, структурным: повсеместно отстреливали самых крупных и наиболее продуктивных взрослых особей, тем самым существенно снижая уровень воспроизводства. Собственно, охотничьи организации в конце 80-х — начале 90-х годов целенаправленно

УРОВЕНЬ ЛИЦЕНЗИОННОЙ ДОБЫЧИ ЛОСЯ
(В % ОТ УЧЕТНОЙ ЧИСЛЕННОСТИ)
В ОТДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЯХ И РЕСПУБЛИКАХ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В КОНЦЕ XX в.

Область, республика	1989/90	1990/91	1991/92	1992/93	1997/98	1998/99
Ивановская	35	37	22	22	0	0
Владимирская	21	20	18	16	3	3
Московская	16	15	13	15	4	4
Рязанская	19	14	11	12	2	2
Тульская	28	32	25	28	6	7
Белгородская	16	17	12	11	0	0
Воронежская	45	?	?	61	8	3
Курская	22	28	18	21	0	3
Марий Эл	15	15	23	20	0	2
Мордовия	6	14	11	4	0	0
Чувашская	32	30	28	16	0	0
Ульяновская	23	32	27	25	0	0
Татарстан*	29	30	28	28	2	4
Самарская	26	27	22	22	0	0
Пензенская	23	17	17	13	0	0
Саратовская	39	29	19	55	0	0
Оренбургская	18	15	18	8	0	5
Волгоградская	47	33	28	24	0	0

* В 1986—1988 гг. ежегодная добыча достигала 45—50 %.

уничтожали свое бесценное достояние — оседлое репродуктивное ядро популяций и лучший генофонд. Сеголетки, оставшиеся без матерей, погибали от голода или становились легкой жертвой хищников, а выжившие оставались малорослыми и гораздо позже сверстников вступали в размножение. В перечисленных в таблице областях практически не осталось взрослых самцов с хорошими рогами.

К сожалению, эта ситуация сохраняется до сих пор. В Российской Федерации в 1995 и 1996 гг. доля сеголеток среди добытых лосей составляла около 13 %, в 1997 и 1998 гг. она снизилась

до 9—10 %, а в Сибири и на Дальнем Востоке — до 2—4 %.

В последние годы добыча лося в России сократилась до 16 тыс. голов (до 3 % учетной численности), во многих областях она закрыта (рис. 1). При таком низком уровне лицензионного отстрела поголовье должно расти, а оно атрофится на месте, как бы «вписываясь» в «трофическую» гипотезу (не путать с «гастрономической»!). Однако не торопитесь: наш анализ многофакторный, и мы должны учесть другие причины смертности, в том числе гибель от волка, медведя, браконьеров и ранений.

Фото С. Бычкова, А. Николаева, А. Свешникова, П. Яровицкого (из архива нашего журнала)

Может ли волк повлиять на динамику численности лосей, насчитывающего 600—900 тыс. особей? Проанализируем.

Известно, что динамическое равновесие в системе «хищник-жертва» достигается при норме 10 000 кг жертвы на 1 хищника. Относительное равновесие в популяциях оленей и волка наблюдается при соотношении особей 100:1, лосей и волка — 30:1 (Pimlott, 1969, 1970; Mech, 1970). Эти классические выводы неоднократно подтверждались другими исследователями.

С 70-х годов численность волка в России выросла с 8—10 тыс. до 44—47 тыс. особей (см. «Олени», 1999). Рост поголовья лосей был максимальным в годы, когда на одного хищника приходилось более 50 голов, и, напротив, численность вида сокращалась, когда на волчий «нос» доставалось менее 30 особей (см. рис. 2). Сейчас на каждого хищника приходится всего лишь около 14 лосей, и это при существенном сокращении поголовья других диких и домашних копытных! В Вол-

Не буду приводить все известные рассуждения исследователей по этому поводу, они отражены в фундаментальных академических монографиях «Волк» (1985) и «Олени» (1999). На мой взгляд, наиболее интересная отечественная работа выполнена В. В. Лавровским (1990) в Окском биосферном заповеднике. Здесь ежегодно только с октября по март стая волков добывала в среднем 47 лосей, причем пресс хищников изменялся в зависимости от ее размера. Группа из 6—12 особей давила 57 лосей, с меньшим числом — до 36, а пары — до 4 голов. Если учесть, что в бесснежный период исследования не проводили, то эти потери следует несколько увеличить. По исследованиям И. С. Козловского (1996), в каждой области северо-востока европейской части России ежегодно гибнут до 2,5—3 тыс. голов, т. е. каждый хищник давит здесь не менее 5 лосей. В Ленинградской области потери лосей также оценивались в 3000 голов (Тимофеева, 1974). В Приобье на одного волка при-

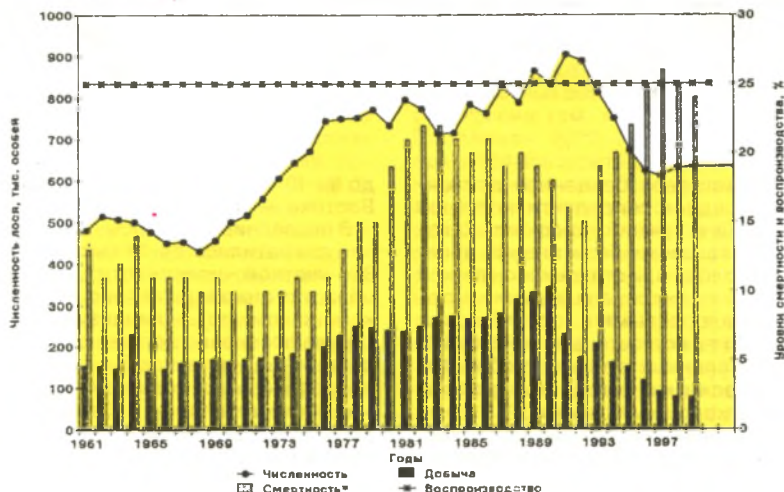
ходится от 6—8 до 15—18 задавленных лосей (Бондарев, 1986). На Аляске радиомеченые стаи добывали этих копытных через 5—16 дней (Ballard et al., 1987).

Чтобы не «вешать» лишние лосиные головы на бедного волка, я предлагаю совершенно иной метод расчета, основанный на логике и здравом смысле. Мы знаем приблизительную численность лосей в России, объем ежегодной легальной добычи и ориентированные пороговые уровни воспроизводства в популяциях. Умножим численность волка поочередно на 20, 10, 5, 4 и 3 лосиные головы, получим общие потери вида от этого хищника, переведем их в проценты и добавим к ним долю лицензионной добычи. Прделаем эти нехитрые расчеты, убедимся, что свыше 5 лосей на волка — цифра непомерная для большинства областей, гораздо превышающая уровень воспроизводства вида, что быстро низводит популяции к нулю при существующем уровне лицензионной добычи. Наиболее реальна цифра — 3 ± 1 лось на волка, причем к северу ареала она повышается, к югу — понижается.

Итак, припишем каждому волку в среднем всего лишь по 3 лосиные головы, что вызовет одобрение «зеленых» и возмущенный ропот большинства охотоведов, и сделаем соответствующий расчет. В 90-е годы 45—47 тыс. волков, вероятно, давили около 130—140 тыс. лосей ежегодно, что почти в 8 раз больше, чем легально добывали российские охотники!

Суммарные потери популяций лосей только от этих двух одновременно действующих факторов (лицензионного отстрела и волка), оказывается, достигают установленной выше максимальной пороговой величины в 20—25 %, зависящей от уровней воспроизводства вида и неизбежной смертности (рис. 1). И это без учета гибели от медведя, ранений, браконьерства и других причин. А браконьерство в 90-е годы, как и во все другие периоды социально-экономических катаклизмов,

Рис. 1. Динамика численности лосей в зависимости от уровня добычи и хищничества

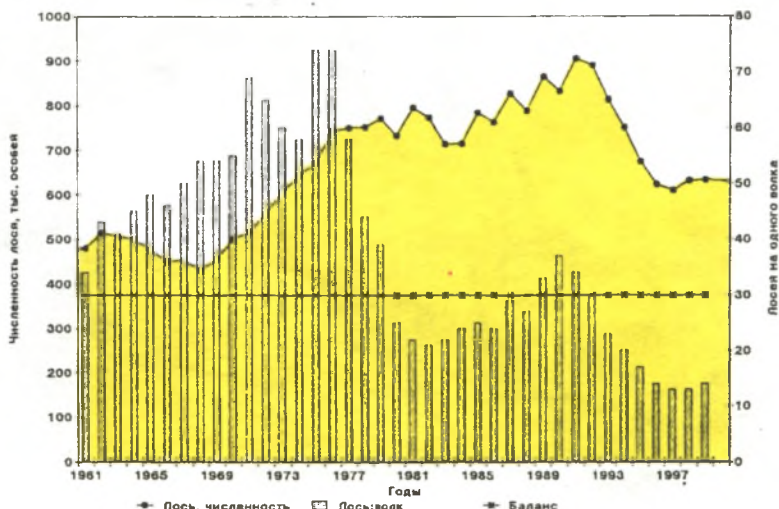
* Лицензионная добыча и потери от волка

гоградской области 900 лосей «падут»... более 500 волков! Здесь, а также в Мордовии и Саратовской области, на каждого серого «санитара» приходится не более 2—5 лосей, тогда как в 60—70-е годы было больше, на один-два порядка.

Теперь, когда мы знаем, что даже без охотников, браконьеров, медведя и других факторов волк способен изменить ход динамики численности лосей, попробуем рассчитать потери от хищника.

Сколько лосей давит каждый волк за год в среднем? Этот вопрос весьма дискуссионный и далеко не праздный. В зависимости от симпатии или антипатии к хищнику называют самые разные цифры (от 0 до 20), причем минимальные — «зеленые», максимальные — охотovedы и охотники, промежуточные — зоологи.

Рис. 2. Соотношение хищник:жертва

выросло, и, скорее всего, потери от нелегальной охоты с 1992 г. значительно превышают официальную добычу. Добавим недостающие «браконьерские» проценты (кто сколько сочтет нужным!) к нашей схеме (рис. 1), и убедимся, что в последнее десятилетие расчетный уровень смертности превышает уровень воспроизводства, приводя к дисбалансу численность лося без всяких «пятен на солнце» и «трофического» фактора.

В ряде Поволжских областей в отдельные годы расчетный уровень смертности лося (объем добычи плюс потери от волка) достигает 60—100 % учетной численности. Этот вид, вне всякого сомнения, существует здесь лишь благодаря мощнейшему миграционному потоку из других регионов, в которых эмиграция становится одной из основных причин снижения численности.

Из приведенного анализа можно сделать лишь единственный вывод: в России в конце XX в. лось, как и других копытных, попросту съели, сообщая с волком. Особенно вкусными копытные были на юге европейской части России и в Поволжских областях!

Отсюда, надеюсь, понятно также, почему снижение лицензионной добычи не приводит к росту населения копытных. Для этого нужно, как минимум, в два раза сократить численность волка, низвести браконьерские набеги хотя бы до уровня 80-х годов и гораздо бережнее относиться к репродуктивному ядру популяций.

По итогам исследования причин сокращения населения копытных очевиден и другой вывод: «трофическая» гипотеза цикличности динамики численности, по существу, оказывается «фигурным листком», которым федеральные и региональные охотничьи чиновники весьма умело прикрывают свои многочисленные «провалы» в управлении популяциями.

Я предлагаю охотоведам и ученым взять на вооружение не «трофическую», а «гастрономическую» гипотезу, как более реальную, а также использовать приведенную выше методологию для планирования квот и норм добычи копытных. Зная многолетнюю динамику численности и добычи любого вида, уровень его воспроизводства и численность волка (рис. 1), можно безошибочно, с учетом относительного значения других факторов смертности, рассчитывать потери и определить норму лицензионного отстрела этих зверей, необходимую для стабилизации, сокращения или увеличения поголовья не только в России, но и в каждом регионе. Легко и просто! И главное, чиновникам от охоты в дальнейшем не потребуется искать «пятна на солнце»; уповать на температуру, влажность, «трофический» фактор, цикличность, периодичность и многое другое потустороннее для прикрытия ведомственной некомпетентности, которая очень дорого обходится животному миру, охотничьему хозяйству, государству и налогоплательщикам!

Владимир Григорьевич Панченко

В прошлом году прервалась жизнь одного из старейших сотрудников Окского биосферного государственного заповедника Владимира Григорьевича Панченко. Он скончался после тяжелой, но непродолжительной болезни, не дожив пяти месяцев до своего 60-летия.

Владимир Панченко родился в г. Кривой Рог на Украине 28 февраля 1941 г. в семье рабочего. После окончания школы он в течение года работал на Криворожском заводе «Стройдеталь» № 2, а в 1959 г. поступил на Биологический факультет Одесского государственного университета. Здесь он сразу попал в сферу внимания выдающегося русского зоолога проф. И. И. Пузанова, который стал его первым учителем на ниве познания и охраны природы. Под руководством Пузанова Владимир Григорьевич, еще учась в университете, делает свои первые шаги в науке. Пузанов рекомендует ему пройти преддипломную практику в Окском заповеднике, с руководителем научного отдела которого — В. П. Тепловым — обговаривает тему дипломной работы при личной встрече. Владимир Григорьевич впервые попадает в Окский заповедник в 1963 г. и практически связывает с ним всю свою последующую жизнь.

По окончании университета, после непродолжительной работы в качестве заведующего Болонским наблюдательным пунктом Амурского отделения ТИНРО, поступает в Окский заповедник. Здесь он сразу интенсивно включается в полевую и экспедиционную жизнь: собирает материалы о размещении, численности, миграциях и других сторонах биологии утиных; неоднократно выезжает в экспедиции на зимовки птиц в Гассан-Кулийский и Кызыл-Агачский заповедники. В результате поездки и учетных работ на восточном побережье Каспия он, совместно с коллегами, направляет письмо в тогдашнее ведомство, руководившее заповедниками СССР — Госкомприроду Минсельхоза СССР о необходимости заповедания Красноводского залива Каспийского моря. Это послужило толчком к образованию нынешнего Красноводского заповедника.

По результатам наблюдений в Окском заповеднике появилась серия (около 40) статей по экологии утиных. В 1969 г. он докладывает о своей работе на Международной конференции МБИВ (IWRB) по водоплавающим птицам в Ленинграде.

Еще в 1959 г. родилась идея организовать на базе Группы биологической съемки (ГБС) при ОГЗ массовый сбор крыльев уток, добытых охотниками для изучения структуры их населения. Масштабы этой работы даже по меркам того времени впечатляют. Из 19 субъектов Европей-

ского Центра Российской Федерации за 7 лет получено около 30 тыс. крыльев уток. Удалось выяснить изменения интенсивности добычи птиц в течение осенней охоты, промысловую нагрузку на их популяции, видовой, возрастной и половой состав добываемой части населения исследуемых птиц. Эта работа, проведенная В. Г. Панченко в значительной мере на «голом» энтузиазме, представила серьезный вклад в отечественную биологическую науку и охотоведение, это единственный и, вероятно, неповторимый опыт такого исследования в Восточной Европе.

В мае 1978 г. Владимир Григорьевич по результатам своих наблюдений над водоплавающими птицами с успехом защищает кандидатскую диссертацию.

В 1979 г. заповеднику предлагают начать работы по содержанию редких видов журавлей и разведению их в условиях питомника с целью последующей интродукции в природу. За руководство этой работой берется Владимир Григорьевич. И здесь он снова проявляет себя выдающимся организатором. За успехи в деле искусственного разведения журавлей В. Г. Панченко награжден золотой медалью ВДНХ СССР. Работая в журавлином питомнике, а позднее — руководя также всеми питомниками диких животных заповедника, В. Г. Панченко отдает этому делу все свои силы.

Владимир Григорьевич отличался исключительной доброжелательностью к людям. Его неоднократно избирали председателем профкома ОГЗ, председателем Совета трудового коллектива, выдвигали к присуждению почетных грамот, помещению на Доску Почета и т. д. За добросовестный многолетний труд и успехи в делах изучения и охраны природы В. Г. награжден медалями СССР, ему присвоено почетное звание Заслуженного Эколога Российской Федерации.

Память о добром, отзывчивом человеке, прекрасном ученом, страстном охотнике и талантливом охотоведе навсегда сохранится в наших сердцах.

С. ПРИКЛОНСКИЙ

Состоялась Первая всероссийская выставка охотничьих трофеев. Какие же положительные сдвиги в трофейном деле России произошли после этого, пусть небольшого, но, на мой взгляд, важного мероприятия?

Было принято несколько необходимых на данном этапе решений: систематизировать проведение всероссийских, республиканских, краевых и областных выставок охотничьих трофеев — один раз в три года; подготовить проекты положений об охотничьих трофеях в РФ и экспертах по оценке охотничьих трофеев; возродить проведение курсов подготовки молодых экспертов по регионам; принять участие в Международной выставке «NATURA VIVA 2000».

Надо заметить, что принятые решения не остались только на бумаге. Про-

ведены курсы подготовки экспертов по оценке охотничьих трофеев при ассоциации «РОРС», Московском, Тверском, Кировском, Курганском, Свердловском и Челябинском обществах охотников и рыболовов, обществе

Лед тронулся

охотников и рыболовов Республики Алтай, редакции журнала «Сафари». Всего обучено и аттестовано 116 экспертов по системе CIC¹ и 19 мастеров — измерителей по системе SCI². Проведены курсы повышения квалификации экспертов республиканской категории на международную категорию, получили дипломы 11 российских экспертов. Подготовлено Положение об экспертах по оценке охотничьих трофеев и Положение о трофеях в Российской Федерации. Россия, в лице ассоциации «РОРС», приняла участие в Международной выставке охотничьих трофеев «NATURA VIVA 2000». Редакцией журнала «Сафари» объявлен Всероссийский конкурс охотничьих трофеев.

Важно отметить, что с проведением перечисленных выше мероприятий заметно активизировались и регионы. Проведены выставки охотничьих трофеев в Московской, Курганской, Калининградской, Кировской областях, в республиках Коми и Алтай. Среди них, как самые крупные, можно выделить Третью Московскую (35 видов, 339 трофеев, организатор МООиР) и Первую региональную выставку охотничьих трофеев Сибири (25 видов, 326 трофеев, организатор СООиР Республики Алтай). В настоящее время идет подготовка к проведению выставок в Екатеринбурге, Челябинске, Вологде, Санкт-Петербурге, Твери, Смоленске и ряде других регионов страны.

Но самое серьезное мероприятие, на котором стоит остановиться более подробно, — это запланированная в России на 2002 год Первая международная выставка охотничьих трофеев «Охота и природа 2002». В настоящее время вопрос о проведении такого мероприятия согласован с охотдепартаментом РФ, с ассоциацией «РОРС», Центральным Советом военно-охотничьего общества и Центральным Советом охотничьего общества «Динамо». Подготовлен проект Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. К участию в предстоящей выставке приглашаются все российские охотничьи общества и клубы, охотничьи управления, таксидермические студии, музеи, фирмы, занимающиеся охотничьим туризмом, а также владельцы частных коллекций охотничьих трофеев. Впервые на выставку «Охота и природа 2002» вместе со странами СНГ приглашаются страны дальнего зарубежья. Организатором будущей выставки выступает Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Выставка будет проводиться в марте — апреле 2002 года, в г. Москве, на территории Всероссийского Выставочного Центра.

В проекте этого нового для России мероприятия заложены и коммерческая и некоммерческая части. Некоммерческая часть предусматривает проведение Первой международной выставки охотничьих трофеев, первого

¹ CIC-Международный совет по охоте и сохранению дичи.

² SCI-Международный клуб Сафари.

Автор измеряет шкуры хищников

В кабинете одного из коллекционеров охотничьих трофеев в Германии

чемпионата России среди таксидермических студий и таксидермистов, международного симпозиума по вопросам охотоведения, научных конференций, семинара по международному обмену опытом селекционной работы в охотничьем хозяйстве, различных конкурсов. Коммерческая часть — ярмарка по продаже охотничьих туров, услуг таксидермических студий, охотничьего оружия, снаряжения и одежды, аксессуаров. Одним словом, всего того, что необходимо для охоты и охотничьего туризма.

Выставка-ярмарка «Охота и природа 2002» и мероприятия, запланированные в ее рамках, по убеждению инициаторов, должны послужить началом формирования нового мировоззрения по отношению к современным требованиям ведения охотничьего хозяйства в

России, взаимоотношениям между государством, государственными органами и пользователями охотничьими угодьями, к концептуальным подходам в развитии охотничьего хозяйства в современных экономических условиях. Выставка-ярмарка задумана в поддержку российского производителя охотничьей продукции и услуг в охотничьем хозяйстве.

Таким образом, подводя итог всему перечисленному, можно с уверенностью сказать, что лед тронулся.

Приглашаем всех, кому дороги будущее охотничье хозяйство и состояние охотоведения в России, к сотрудничеству. Мы надеемся, что вы поймете наши благородные цели.

В. ОСТАНИН,
биолог-охотовед,
эксперт по охотничьим трофеям
Фото автора

Заполнение трофейных листов

ВОПРОСЫ — ОТВЕТЫ

Вопрос. Что означают буквы FMJ, SP и HPBT, приводимые в каталогах при описании патрона 7,62X51?

Ответ. Буквы FMJ говорят о том, что патрон имеет пулю с полной металлической оболочкой, то есть оболочечную пулю с малой способностью к деформации. Буквы SP означают, что патрон имеет полуоболочечную пулю с оголением свинцового сердечника в головной части для увеличения ее деформации при попадании в отстреливаемое животное. Буквы HPBT обозначают патроны, у которых в носике пули имеется пустота, а задняя часть пули имеет конус, который уменьшает сопротивление воздуха при полете пули со скоростью меньше звуковой. Это значит, что он начинает работать только на больших дистанциях, а поэтому он достаточно бесполезен для охотничьей стрельбы. К тому же обратный конус на пуле ухудшает ее кучность. Пустота же в головке пули способствует еще большему разрушению ее при попадании в животное, что положительно сказывается при попадании в мягкие части тела, усиливая останавливающее и убийное действие таких пуль.

Вопрос. Как снарядить патрон «магнум» 20 калибра крупной дробью для стрельбы из сильного чока (дульное сужение примерно 1,0 мм)?

Ответ. Получаются довольно хорошие результаты при снаряжении патрона порохом «Барс» с навеской заряда 1,8—1,9 г в зависимости от температуры, при которой предполагается стрельба. Капсюль следует применять KB-21. На порох помещается прокладка из достаточно жесткого картона толщиной 2,5—3,0 мм, которая с натягом досылается до порохового заряда. Так же с сильным натягом размещаются два войлочных пыжа общей высотой 14—16 мм, а на них кладется мягкий (не сухой) древесноволокнистый пыж и дробь № 4/0 весом 30 г. Дробь пересыпается крахмалом. Завальцовка дульца гильзы производится настольной закруткой, но не сильно поджимается вся начинка патрона, так как порох «Барс» не любит сильного сжатия.

Вопрос. Что представляет собой пуля для стрельбы с насадкой «парадокс» из тульских ружей ТОЗ-87 и МЦ-21-12?

Ответ. Эта пуля весом 37,5 г разработана на Тульском оружейном заводе и представляет собой цилиндр с двумя выступающими поясками и полусферической головкой. Длина пули 20,5 мм. Диаметр корпуса пули 16 мм. Длина ведущей части пули 14 мм. Диаметр поясков 18,3 мм, а расстояние между ними 5,5 мм. Ширина поясков 2 мм. В передней носовой части пули имеется конусообразная полость диаметром 9,5 мм, а в основании пули находится углубление диаметром 10 мм.

Ответы подготовил М. БЛЮМ

Флажки - это круто

Нет, наверное, ни одного охотничьего издания, которое не писало бы про волков. Как только их не называют: «серые разбойники», «санитары», «враги». Как бы их ни называли, они были, есть и будут. Каждый человек, наверное, слышал от кого-нибудь историю о волках, а охотники тем более. Охотоведом района я работаю сравнительно немного, всего 8 лет. Хотя наши края не считаются богатыми на волков, тем не менее их в этом году стало больше. Прошлые годы мы брали всего одного или двух за год. В этом году урожай был очень высок, за январь—март отстреляли 17 волков.

Я хочу рассказать об одной правдивой истории, связанной с охотой на них, об охоте с флажками. Наша бригада по охоте на волков молодая, старых волчатников у нас в районе очень мало, а охотой с флажками до этого вообще не занимались. Когда я привез из охотуправления 5 км флажков, съездил в Шемордан к опытному волчатнику Ринату Шакурову, у него на счету несколько десятков волков. Я еще раньше был знаком с этим хорошим охотником, и он подробно объяснил, что к чему и вообще как начинать охоту.

Собрав бригаду из четырех человек, мы стали заниматься изучением территории облавной охоты с флажками. Каждый охотник, который занимался этим видом охоты, знает, что это огромный труд, нужно терпение, умение вести себя на охоте. Количество добытых волков говорит о том, что мы неплохо поработали.

В середине марта егерь охотничьего производственного участка К. Рахматуллин сообщил мне, что у него появилась стая волков. 24 марта мы поехали к нему. Прибыв на место, мы начали искать свежие волчьи следы. Ночью прошел небольшой снег, что помогло нам в наших поисках. После обхода выяснилось: стая ушла кормиться в поле. Было 9 часов, на поле стоял сильный туман, тут еще неожиданно лесом

Уважаемая редакция! Управление по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Республики Татарстан направляет вам заметку охотоведа Управления по Арскому и Атнинскому районам РТ З. Д. Нигматзянова о его первом опыте использования окладных флажков при охоте на волков. Учитывая, что в последние годы основная часть волков добывается с применением снегоходов, считаем, что опыт З. Д. Нигматзянова послужит хорошим примером для пропаганды этого испытан-

ного и доступного вида охоты. Для справки сообщаем, что если в Республике Татарстан в 1999 г. было добыто 73 волка, то в I квартале 2000 г.— 69 волков. В 1999 г. за каждого добытого волка независимо от пола Управлением выплачивалось вознаграждение в размере 500 руб.

А. Ф. КАДАШ,
начальник Управления по охране,
контролю и регулированию использо-
вания охотничьих животных Республики
Татарстан

Поздравляем с удачной охотой З. Д. Нигматзянова и его сослуживцев

рубы приехали на работу, в лесу стало шумно. Обсудив все это, мы решили, что волки не вернутся обратно. Решили на всякий случай все же еще раз объехать лес. Заканчивая круг, не доходя до бригады лесорубов каких-то метров 500, прямо на просеке стоял волк. Не доезжая метров 250, я остановился, волк стоял, смотрел в сторону лесорубов, учуяв нас, он повернулся в нашу сторону. Он стал переходить через дорогу, сразу же, как он скрылся из виду, появился второй, и так мы насчитали 7 волков. Решив, что все перешли дорогу, поехали дальше, но оказалось, что не все перешли, где они переходили, стоял и спокойно смотрел на нас еще один, не дальше двадцати метров, за небольшим кустом. Первым желанием было выстрелить прямо из машины. Пока мы думали, волк успел уйти. Так как мы их не пугали, а к современной технике волки привычны, проехав квартал, мы встали. Решили не терять времени на проверку, «выход» обложить флажками. Продав минут 15, дав успокоиться волкам, еще больше самим, начали окладывать. В мыслях только одно, лишь бы не успели уйти, шутка ли: сразу восемь волков. Время уже подходило к 11 часам. Меньше чем за час квартал замкнули. Есть! Нет выхода. Мы обрадовались, все они у нас в руках, хотя каждый из нас понимал, что это не так, все-таки у нас было к этому времени немного опыта.

Немного отдохнув, начали охоту. Один из нас пошел внутрь оклада, чтобы «поднять». Мы встали на номера. К этому времени пошел небольшой снег. Вот я сижу внутри флажков на старой тропе так, чтобы мне было видно флажки. Прошло 15 минут, снег пошел сильнее. Боковым зрением вижу, идет крупный волк. Тихо поднял ружье.

Думаю: «Ну, первого пропущу», жду второго, знал ведь, что их здесь 8 штук. Я очень хорошо замаскировался. Не почуяв меня, волк прошел в 15 метрах. Как ни странно, второго волка не было. Волк заметил мою лыжню и повернул обратно. Медлить было нельзя, иначе уйдет.

Я выстрелил, волк метнулся в сторону. Я подумал: «Должен попасть, ведь очень близко». Сажу, не шевелюсь, смотрю, идет загонщик, вышел из укрытия. Подхожу к месту, куда ушел волк. Подошел загонщик, смотрим, убит наповал. Оказалось, крупная волчица.

Снег стал валить так, будто кто лопатой кидает. Загонщик пошел дальше по следу. Я хотел вытащить волка на просеку, да куда там, очень тяжелый, бросил. После выстрела вряд ли звери остались в окладе. Вернулся загонщик. Снег до того стал липким, что на лыжах нельзя было идти. Решили снять остальные номера, подошли к первому номеру, отозвали, спрашиваем: «Ну, как, прошли около тебя?» «Да, — говорит, — пройти-то прошли, только далеко было, не стрелял». Сняли второго стрелка. У него тот же ответ. Снег все валит и валит, уже в некоторых ме-

стах от мокрого снега флажки зависли так, что снег стал их покрывать. Начало темнеть. К этому времени мы промочили почти насквозь. Погрузив добытого мной волка, уехали к егерю домой. Флажки на всякий случай оставили, хотя надежды на то, что волки останутся в окладе, было мало.

На другой день рано утром поехали в лес, стали проверять выход и заодно подправлять флажки, в некоторых местах их совсем занесло снегом. Мы обрадовались, когда узнали, что волки остались внутри. В нескольких местах они подошли почти вплотную к флажкам, но не ушли. Начали охоту, тихо загоняя по следу. Я встал на другое место. Когда я заходил на номер, то обратил внимание на натоптанное волками место. Это где-то в 120 метрах от флажков. Они там «поужинали» добытым тетеревом. Хотя они сидят взаперти, все равно охотятся. Волк есть волк. Сажу жду. Вот первый выстрел, еще выстрел. На другой стороне еще пара выстрелов. Через несколько минут еще. Волки идут по кругу, не уходят. Жду, может, и на меня выйдут. Только подумал об этом, как увидел осторожно переходящего дорогу крупного волка. Выстрелил, но, видимо, мало зацепил, волк убежал. И вновь повалил снег. Снег очень мокрый, передвигаться по такому снегу невыносимо трудно. Снимаемся с номеров. Два волка добыто, третий ранен. Что делать? Оставить или попробовать добыть. Посоветовавшись, пришли к единому мнению: добирать. Двое идут по следу, я параллельно в 50 метрах от них. Слышу два выстрела, добрали, оказался крупный самец. В окладе осталось еще четыре головы.

А снег все идет и идет. Он уже настолько осточертел, что решили уехать, даже не собрав флажки. Они остались на третий день.

26 марта — День выборов. Я, как назло, немножко приболел. Володе Бачеву на работу, значит, без посторонней помощи не обойтись. Утром я не поехал, но после обеда не выдержал и поехал.

Надо же, даже на третий день волки оставались внутри круга. На сей раз удача прошла стороной: одного волка ранили, остальные звери ушли под флажками. Подранка потом добрали во время его кормежки в поле, когда были на снегоходах.

Такая удача охотнику улыбается редко. Эти дни надолго останутся в моей памяти.

З. НИГМАТЗЯНОВ,
охотовед Арского района

Вопрос. Изготавливаются ли нашей промышленностью патроны магнум с длиной гильзы 76 мм?

Ответ. Такие патроны выпускаются под маркой «Тайга». 12 калибра с дробью от № 7 до 4/0 (вес от 45 до 50 г.) и картечью от 6,2 до 8,5 мм (вес 42—48 г.), а 20 калибра с дробью от № 10 до 4/0 (вес 30—32 г.) и картечью 6,2 мм (вес 28—32 г.). Начальная скорость снаряда (в одном метре от дульного среза) находится в пределах 395—405 м/с. Дробь и картечь штампованные.

Вопрос. Что представляет собой патрон «дисперсant» марки «Тайга»?

Ответ. Патрон имеет специально усвоенный пыж, который разбрасывает снаряд дробью так, что осыпь становится значительно шире. Отстрелы показали, что ширина осыпи дроби № 7 при стрельбе на 20 м полностью закрывает круг диаметром 75 см. Сейчас разрабатывается пыж «дисперсant» для ползарядов, которые будут предназначаться для стрельбы у норы, при охоте на перепелов и т. п.

Вопрос. Как снарядить патрон 12 калибра крупной дробью для стрельбы из ружья с сильным дульным сужением?

Ответ. Такой вопрос возникает в связи с тем, что обычно ружья с сильным дульным сужением (порядка 1,25 мм) дают очень плохой бой крупной дробью (от №№ 1/0 до 4/0). На это можно ответить следующее. Если переход из ствола к дульному сужению имеет форму конуса, а затем переходит в довольно длинный цилиндр, то положение в некоторой степени можно исправить за счет применения контейнера для дроби и ее пересыпки крахмалом или другим подходящим для этой цели материалом. Заряд пороха при этом надо брать минимально возможным, чтобы получить наиболее благоприятные условия для перестройки дробового снаряда в переходном конусе перед дульным сужением. Эксперименты показывают, что при переходе от канала ствола к дульному сужению в форме параболы, да к тому же с практически отсутствующим цилиндром в уже уменьшенной по диаметру части чока, добиться удовлетворительной кучности боя крупной дробью не удастся. Таким образом, только эксперименты в снаряжении разных вариантов патронов для конкретного ружья могут прояснить этот вопрос. А план стрельбы такой. Начинать надо с минимального заряда пороха и максимального снаряда дроби. Дробь помещать обязательно в контейнер и пересыпать крахмалом.

Всероссийские состязания

И. ТИМЕ,
эксперт-кинолог Всероссийской категории

Под Воронежем состоялись всероссийские состязания легавых собак по полевой дичи памяти Г. Н. Троепольского. Такие состязания всегда привлекают внимание охотников-собаководов, поскольку с периодичностью около 5 лет предоставляется возможность оценить новое поколение легавых собак по их рабочим качествам и наметить их дальнейшее развитие.

Воронежские состязания проводились по перепелу и серой куропатке, распространенной в центральных и южных областях России. Тем не менее среди 18 команд в них приняли участие и представители северных регионов: С.-Петербурга и Ярославля, и, как показали результаты состязаний, они сумели адаптироваться к местным условиям и выступили достойно. Прошедшие состязания войдут в историю отечественного собаководства, поскольку они были уникальными по многим параметрам. Во-первых, за всю историю полевых испытаний и состязаний легавых собак в России собралось рекордное количество участников — 80 собак. Во-вторых, впервые столь крупные состязания всероссийского ранга проводились по полевой дичи. Наконец, рекордным было и количество команд, представляющих более 10 регионов России. В связи с этим перед организаторами состязаний стояли непростые задачи размещения и устройства быта участников и определения подходящих угодий для проведения состязаний. С этим успешно справился А. М. Фактор — председатель областной секции любителей легавых собак Воронежского общества охотников и рыболовов (ВООиР). В красивом и удобном месте был установлен палаточный городок, организована нормальная жизнь в полевых условиях. Для доставки экспертных комиссий к отдаленным от лагеря угодьям был предоставлен автомобильный транспорт. Одним из преимуществ состоявшихся состязаний было отсутствие ограниченного числа участников.

Вторая, не менее важная, задача состояла в организации квалифицированного судейства на состязаниях. Главный эксперт состязаний С. Л. Берман (Всероссийская категория, Москва) хорошо организовал работу экспертных комиссий, что позволило провести экспертизу заявленных собак в течение двух дней работы. Первые 5 номеров участников состязаний испытывались под председательством главного эксперта с участием всех председателей комиссий: В. Л. Смолдырева, А. А. Носова, И. В. Тиме и Д. С. Михалевича. Это позволило скорректировать дальнейшую работу полевых экс-

пертных комиссий в существующих условиях. Главным экспертом было принято решение о создании дополнительной, четвертой экспертной комиссии во главе с экспертом I категории Д. С. Михалевичем, что позволило завершить состязания в заданные сроки.

При общем достаточно высоком организационном уровне состязаний нельзя не отметить очевидных промахов, особенно в процедуре определения победителей командного первенства собак. К сожалению, ни в начале состязаний, ни после их завершения не была опубликована таблица результатов с указанием состава заявленных команд. В экспертные комиссии не были предоставлены данные о собаках и их владельцах, а также принадлежности их к тем или иным командам. Вследствие этого при подведении итогов командного первенства возникла путаница, и главному эксперту пришлось менять уже объявленные результаты состязаний. Подведение итогов состязаний должно быть максимально открытым и гласным, чтобы ни у кого не возникло сомнения в объективности принятых решений. Опыт проведенных состязаний должен послужить уроком для организаторов подобных мероприятий в будущем, чтобы избежать нежелательных недоразумений и накладок.

В итоге первое командное место заняло Воронежское общество охотников и рыболовов, на третье место вышла команда с.-петербургского клуба «Немецкий дратхаар» и на четвертое — команда Ярославского общества охотников и рыболовов. Этот результат нельзя считать случайным: у воронежцев имелось существенное преимущество благодаря тому, что они выступали дома. Их собаки были более знакомы с полевой птицей и угодьями, кроме того, секция легавых собак Воронежского общества охотников во главе с ее руководителем А. М. Фактором хорошо подготовилась к этим состязаниям и сумела выставить сильную команду. Закономерным является и второе место московской команды, ибо Москва традиционно была и остается крупнейшим кинологическим центром России. Радует успех с.-петербургского клуба «Немецкий дратхаар». Руководители этого клуба провели большую работу по отбору собак на состязания, а также сумели заранее их подготовить к испытаниям по полевой дичи, и в этом большая заслуга руководителей клуба — У. В. Густылева и С. В. Голика, всех участников состязаний, выступавших за клуб. Вызывает сожаление отсутствие команды легавых собак от Ленинградского общества охотников. Из

Петербурга кроме команды дратхааристов на состязания прибыл только один человек — К. М. Петров-Полярный из «Пойнтер-клуба», который успешно выступил со своим пойнтером Беллой, получившей диплом II степени (766) и занявшей 6-е место в личном зачете. Успешно выступила команда Ярославского общества охотников, занявшая четвертое место.

В личном зачете первое место и звание чемпиона состязаний завоевала сука английский сеттер Грэтта 2393/97 с дипломом I степени, 87 баллов. Владелец Грэтты А. А. Сухарев получил приз лучшего натасчика. Второе место заняла сука дратхаар С.-Груня 2547/97 А. А. Шарикова, диплом I степени, 83 балла.

Следует отметить блестящее выступление пойнтера суки Дианы (В. А. Селиванова из Рязани). Она получила наибольшее количество баллов (88) за свое выступление, правда при дипломе II степени (чутье 19 б) с высокими егерскими баллами (18).

Дипломы II степени получили также английский сеттер Гриф 2383/96 (А. В. Тюткин, МООиР); ирландский сеттер Акбар (Н. К. Таран, МООиР); пойнтер Белла (К. М. Петров-Полярный, Санкт-Петербург); пойнтер Рэнни (Тамбов); пойнтер Крит (А. В. Козлов, Саратов); дратхаар Кэльза (А. Ю. Шорников, Санкт-Петербург); дратхаар Флинт (А. Ю. Комаров, Ярославль). Кроме того, дипломы III степени получили 5 пойнтеров, 3 английских сеттера, 2 ирландских сеттера, 2 шотландских сеттера, 7 курцхааров и 10 дратхааров.

При таких хороших результатах, к сожалению, следует отметить недостаточную егерскую подготовку собак. Большинство даже дипломированных собак проходили с невысокими баллами за постановку и послушание, а в ряде случаев снимались с состязаний за гоньбу птицы. Это отражает общую тенденцию снижения качества полевой подготовки легавых собак в связи с отсутствием профессиональных школ натаски. Натаску собак осуществляют в основном владельцы-любители или пользуются услугами немногих квалифицированных натасчиков из числа опытных охотников и судей.

По количеству выставленных собак первыми были дратхаары. По-видимому, это наиболее организованная группа из всех пород легавых, которая сумела заинтересовать многих охотников. Они образовали национальный клуб «Немецкий дратхаар» и привлекают в свои ряды большое количество энтузиастов. Недаром вице-чемпионом Воронежских состязаний стала

Чемпион пойнтер Белла РКФ 0000014. Владелец К. М. Петров-Полярный

Лагерь участников состязаний

Пойнтеристы со своими собаками и полученными призами

дратхаар сука С.-Груня. Кроме того, в десятку лучших собак попали еще 2 дратхаара из С.-Петербурга и Ярославля, а питерский клуб «Немецкий дратхаар» занял третье место в командном зачете. Это результат большой организационной и пропагандистской работы, осуществляемой в породе, чему нужно поучиться и владельцам других пород.

Менее удачно выступили курцхаары, не получившие ни одного диплома высоких степеней, но показавшие все-таки довольно стабильные результаты.

Среди островных легавых первенствовали пойнтеры, подтвердившие давнюю репутацию блестящих спортивных собак. У них наибольший процент дипломированных собак (70) и количество дипломов II степени с высокими баллами. Им свойственны такие качества, как быстрый ход, хорошо поставленный поиск, хороший стиль и неплохая егерская подготовка.

К сожалению, менее удачно выступили английские и ирландские сеттеры, допустившие много срывов в работе. Однако не случайно чемпионом состязаний стала английская сеттер Грэтта, подтвердившая потенциальные возможности этой породы. Среди ирландских сеттеров следует отметить очень хорошее выступление кобеля Акбар-Амброзий (Н. К. Таран), а также суки Кассандры (А. Г. Поташев), получившей диплом III степени с высокими баллами (81), но по верности чутья (6) не удостоенной более высокого диплома. Здесь уместно процитировать фрагмент из отчета эксперта В. Л. Смолдырева по поводу выступления Кассандры: «Данное выступление может послужить классической иллюстрацией того, как нерешительность (или волнение) ведущего свела на нет прекрасные работы собаки, продемонстрировавшей выдающееся чутье, прекрасную постановку и послушание. Своей работой собака доставила огромное удовольствие экспертной комиссии и по всем параметрам заслуживала высокого диплома. Но две пустые стойки не позволили комиссии дать собаке высокий балл за верность чутья». Что поделать, ведь на состязаниях проверяют не только природные качества собак, но и умение ведущих управлять ими.

Порода шотландских сеттеров была представлена двумя собаками (обе из Ярославля), и они были удостоены дипломов III степени с высокими баллами (75 и 79). Только оценка работы за верность чутья (6) не позволила им получить более высоких дипломов. Зато шотландские сеттеры — единственная порода, имеющая стопроцентный результат по полевым дипломам на этих состязаниях.

В целом Всесоюзные состязания легавых собак полевой дичи показали, что в России есть еще и талантливые собаки, и страстные охотники.

Фото автора

Короткий сигнал трубы — и гончий смывчок кинулся в свободный поиск. Блеснув на солнце румяными боками, пара англо-русских гончих растворилась в молодом осиннике. За ними двинулась цепь знатно упакованных охотников. Вороненые и хромированные вертикалки и многозарядные карабины, специальные жилеты с вшитыми патронташами могли бы привести в трепет и саблезубого тигра — в общем, берегись, белячок! И вот

Собаки — черно-бело-румяные, поджарые, широкогрудые, с мускулистыми лапами, крутыми обручами ребер, рельефно торчащих из-под туго натянутой шкуры. Они не лезут со своими ласками, не вертят хвостами, выпрашивая куски, не рычат и не брешут без толку. Они сами по себе. Их жизнь там в лесу, в поле, в свободном ryzyке, на гону. Их голоса неповторимые и всегда разные: взвизгивания в набродах следов, когда запах зверя, едва различ-

оглушительным лаем, разгоняющего все живое в разные стороны, наступающего на хвост самому быстрому зайцу. Где уж косому мастерить под такой махиной?! Ни присест, ни передохнуть не даст! — Так рисовало мое воображение наше совместное охотничье будущее. Но жизнь всегда интересней и разнообразней наших представлений о ней. «Бой» — такую кличку дал я своему питомцу, удовлетворив и русских и английских его прародителей.

Так решил выжлец

О. НОВИЦКИЙ

вся эта живая машина, переговариваясь и вслушиваясь, пошумливая и затаиваясь, обтекающая колдобины и валежины, просачивается в дом братьев наших меньших. Сорока надрывно трещит и, мелькнув белыми боками, убирается подобру-поздорову, сойка, вспыхивая на взлетах своим оперением, с криком следует за ней. Только бесстрашные дятлы долбят деревянными головами лесину да попискивают поползни, бочком скользя по стволам лесных исполинов, в поисках своей микроскопической добычи. Голоса гончих врываются в эту негромкую лесную гармонию: бас — тенор, бас — тенор — чередуются голоса выжльца и выжловки. Гон выравнивается. Белячок еще не начал «мастерить», пытается одним рывком оторваться от собак. Небольшой кружок и на лежку. Вот его цель. Минута гона, и цепь охотников рассыпается в мгновение ока, исчезла, растворилась. «Подстать» под зайца, переvidеть и завершить его бег удачным выстрелом — задача каждого из нас! Все замерло. И только голоса гончих плывут над лесом, то притихая, то смолкая, то разгораясь с новой силой. Все в напряженном ожидании. Хлопок выстрела, захлебнувшиеся гончие и слабое «Дошел» объявляют, что первый акт спектакля близится к концу. Охотничий рог собирает всех участников действия. Антракт. Похвалы и упреки, восторги и сожаления причудливо переплетаются в гомоне и жестикулляции этих великовозрастных детей, когда все говорят, не слушая друг друга. Собаки жуют зайчьи пазанки, охотники давятся кусками из рюкзаков, запивая из термосов нервное возбуждение в ожидании нового броска, новой гонки, новых тревог и восторгов, нового удачного выстрела.

Изумительный, веселый, красивый и звонкий спектакль, где на природной сцене под ветром и солнцем на равных участвуют и большие и меньшие наши братья. Где оголяются наши инстинкты, и мы возвращаемся хоть на время, хоть на чуть-чуть к нашим истокам. Тем далеким истокам, где пересеклись судьбы человека-охотника и собаки.

Мый, дразнит и манит: «Найди меня». Басовитое редкое буханье выжловцев и звонкие голоса выжловков, вставших на след, и сливающиеся в сплошной разноголосый вой голоса переvidавших зверя собак. А голос охотничьего рога?! Мягкий и зычный одновременно. Как невидимое облако, поднимается выше крон самых высоких деревьев, медленно расплываясь виришь и вдаль по лесам и перелескам, проникая через ветви деревьев и кустарников, заполняя овраги и низины, взбираясь на холмы и пригорки, и умирает, отозвавшись слабым эхом. Ну и, конечно, люди. Добрые, улыбчивые, опрятные, восторженные, приехавшие на праздник. В их глазах не встретишь злости, недоброжелательности, недовольства.

Немного потребовалось времени, чтобы все укреплявшееся во мне желание иметь гончую начало приобретать реальные формы. Собашник-корифей, для которого охота стала второстепенным занятием, держал целую свору англо-русских гончих. Рослые кобели и грудастые суки будто сошли с картин, украшавших дворянские усадьбы. Его самодельный охотничий рог звучал не хуже валторны. Ну а рассказам не было конца. Кроме основной заводской работы он был кинологом с правом судейства в ринге гончих собак на выставках и полевых испытаниях. Из его рук я и получил своего первого щенка. Это был весенний помет — значит, в следующем году за этим, к охотничьему сезону моему питомцу будет год с лишним! Гуляй — не хоч! Выбор щенка — это не просто ткнуть пальцем в одно из восьми ползучих созданий. Это священный долг! Выбираешь самого шустрого, самого наглого, который через головы своих братьев и сестер лезет в миску с молоком, не останавливаясь ни перед какими преградами. Опыт повторяют еще и еще. Бедного малыша крутят и вертят, заглядывая во все дырки. Наконец выбор сделан! Сегодня моему избраннику всего-то месяц и двенадцать дней, и размером он с ладошку, а я вижу громадного пса, несущегося по лесу с

Опустим год, прошедший с того дня, когда щенок появился в нашем доме со всеми приятными и неприятными подробностями. Прогулками по лесопарковой зоне и порванными штормами, сгрызенными туфлями, щенячьими болезнями и катанием сынишки на запряженном в санки Бое. Прошла и августовская нагонка, где Бой с лаем носился в общей стае гончих собак, вряд ли понимая, почему голосят другие. Но самым главным было то, что в лесу он был у себя дома, был здоров, силен и молод. Надежды, что рано или поздно в нем проснется охотничья страсть, меня не покидали ни на минуту.

Дождались! Охоту наконец-то открыли. Бой стоял на заднем сиденье, приматывая тяжелую голову на мое плечо. В этот раз нам нужна была охотничья удача не для себя, а для Боя: пусть один зверек, но с гона, так чтобы ему, Бою, стало ясно, чей запах будоражит его врожденную память. Добрались. Первый снег, еще вчера хорошо укрывавший землю, смыло дождем. Только ноздреватые шапки белели на кустах и колдобинах. Неслышные ручейки смывали остатки белогрязного месива. Хлюпающие сапог заглушало все звуки. Пес бестолково тыкался между кустами. «Какая уж тут охота? По таким лужам и доброй собаке не просто...» — ворчали мы с приятелем, бредя на подъем. Легкое повизгивание повернуло наши головы, натянуло слух... Еще! Еще!.. Бой заголосил, распрорвал тишину. Погнал. Гон уходил вправо в гору. Судя по стону, вырвавшегося из собачьей груди вместе с лаем, заяц крутилсь под собакой. То ли «старик-профессор» пытался сбросить гончую со следа, не уходя далеко от лежки, то ли хилый «листопадник» не справлялся с крутым подъемом. «Не сколись! Не потеряй» — молитва летела за собакой. И она долетела. Гон повернул и покатил вниз, прямо на нас. После выстрела заяц осел, слегка запрокинув голову набок. Лай приближался с каждой секундой. Бой вылетел на полянку с разинутой пастью глупо-удивленной морды. Запах был повсюду. Запах, будо-

раживший всех его предков, бросал сильное тело из стороны в сторону. Бой ошалело метался в трех шагах от зайца, не замечая его. Непреодолимый ужас на мгновение остановил приближающийся конец. Заяц прыгнул... и замер в зубах у гончей.

Еще долго любовались мы сильным животным, жарко дышавшим на пойманного зверька. Красный язык, вываленный до земли, мелко дрожал в такт дыханию. Глаза жмурились. Лапы удерживали добычу. «С полем! В добрый путь, мой питомец!»

Так красиво все начиналось. Этот день был удачным и для нас тоже. Моему ликованию не было предела: у меня есть рабочая гончая, красивая, сильная, толковая собака, — мой друг и соратник по многим будущим охотам. Теперь мне не нужно лепиться к охотничьим компаниям. Теперь мы с Боем центр вселенной, ну а спутники всегда найдутся.

Шло время. Одна охота следовала за другой, сезон сменялся сезоном, отсчитывая годы моей и его жизни. Бой, несмотря на свои внушительные размеры и вопреки моим ожиданиям, оказался не быстрым псом. Заяц из-под него шел не шустро, «мастерил», выкидывая свои заячьи фокусы. Пес шел по следу ровно, без «проносов» на скидках и довольно скоро научился обрезать следы, находя выходной. Стрелять из-под Боя было одно удовольствие. Конечно, охоты были разные — более удачные и совсем неудачные. Но в общем мы были довольны друг другом. За эти годы было сделано много маленьких открытий, открытых кем-то ранее, но не менее интересных и важных для каждого нового открывателя. Меня всегда удивляла тонкость собачьего чутья, распознающего по свежести отпечатки следов, сделанных с разницей менее чем одна секунда. Задуматься! Насколько может измениться сила запаха за одну секунду. Но ведь нормальная породная гончая безошибочно определяет направление хода зверя, не воспринимая на глаз форму следа. Или тот факт, что с перепуга запах заячьего следа пропадает на время. — Бой ярко гнал белячка и прекрасно выставил его под выстрел. Но выстрел оказался не точным — заяц продолжал свои прыжки с еще большим рвением. Пес, достигнув места моего «мазка», замолк, завертелся на одном месте, возвращаясь назад, обследуя девственный снег справа и слева. А след был у него перед носом, шел по прямой, но запаха от него не было, а значит, для собаки не было и следа. Прием здесь прост. Берешь собаку за шиворот и протаскиваешь шагов десять по следу. Там все встает на свои места. Вместе с запахом возникает голос, и гон продолжается по всем правилам охотничьей забавы... А танцплощадка, вытоптанная лосем. Бой не дал ему сойти с места, каждый раз возникая перед его рогастой головой. Он отступал от выбрасываемых вперед копыт и вновь наступал, оплясывая лес-

ного великана по бесконечному кругу. Картина красивая. Только трудно понять, почему «слон» обращает внимание на «москву». На самом деле никакого вреда собака причинить лосю не может.

Удивительнее всего то, что гончую практически ничему научить и нельзя. Да и как это сделать? Со временем в породной собаке всплывает генетическая память и проявляется так же, как и у предков. Были с Боем и приключения, в том числе и грустные. Ну изрезанные в кровь настом лапы не в счет. Пришлось вынимать его из заячьей петли, попав в которую он изредка взлаивал каким-то призывно-жалостливым тоном, хотя никаких ран у него не было. В другой раз принес на передней лапе норичий капкан — вид у собаки был жалкий. Кровь, оторванный палец. Но ничего. Капкан сняли, поврежденный палец отрезали прямо на охоте, перебинтовали, и через две недели наш гончак вновь был как новенький.

О голосах гончих можно говорить без конца. Но лучше внимательно их слушать. Они всегда разные и могут многое поведать о том, чего не удалось увидеть глазами. Была у моего любимца одна далеко не лучшая черта — он не любил отдавать пойманную дичь. Собственно, другим охотникам из нашей компании он вообще не отдавал — рычал, поднимал шерсть дыбом. Приходилось забирать мне. И хоть мы и были друзьями, без переговоров дело не обходилось... Ласково поглаживая и похваливая собаку, твердой рукой я забирал зайца. Бой отворачивал морду и, тихонько ворча, опускал глаза долу. Отрезанные пазанки, а иногда и голова смягчали его обиду, и дружба восстанавливалась вновь.

Прошло лет пять или шесть. Бой работал почти без сколов и потерь, но появилось что-то новое, совсем не приводившее меня в восторг. Сгоняя трех, четырех зайцев, он неохотно шел за следующим. Или, проводив его с голосом, возвращался, слегка повиляв хвостом, и глядел прямо в глаза: «Ну,

хозяин, все в порядке! Зайца я отогнал далеко. Не бойся, он тебя не съест». Да! Только этого сообщения нам и не хватало!

Я пытался оправдать его поведение усталостью, глубоким снегом или чем-нибудь в этом роде, но понимал, что тут что-то не так. Старееет, что ли? По внешнему виду выглядел Бой прекрасно: в меру упитан, мускулист, лапа «в комке», спина прямая — что еще надо? Ну что же. Поживем — увидим!

Следующий сезон я пропустил по независящим от меня причинам. Бой прожил этот год при доме отдыха у приятеля без охоты, зато на просторном дворе с завидной кормежкой. Наша встреча после годовой разлуки выглядела весьма прозаично. Пес, конечно, узнал меня, подошел, повиляв хвостом, положил лапы на плечи, лизнул и отошел в сторону. Будто виделись мы только вчера. На охоту мы отправились там же. Снегу было многовато, но охотиться было можно. Почуввав свободу и предохотничью суету, он ринулся в лес и пропал. Мы брели по его следам. «Голосит?!» — «Надо прибавить». Но чем больше мы приближались, тем меньше понимали, что происходит там. Лай стоял на одном месте. Да и голос был не тот, что на гону. Картина, представшая перед нами, повергла меня в шок. Мой верный гонец лежал под елкой и изредка взлаивал, изображая гон. Я присел на корточки, стараясь заглянуть ему в глаза. Но глаза друга изучали толщу еловой хвои, морда стыдливо повернута в сторону. Всем своим видом он говорил: «Послушай, брат, надоело мне все это. Бегай не бегай, всех зайцев не переловишь. Душа покоя просит». Приехали! Вот она собачья мудрость — черт бы ее побрал!

Прощались мы под довольные улыбки моего приятеля — нового владельца Боя. У каждого своя дорога — мой многолетний соратник по охотничьим страстям выбрал спокойную жизнь дворового пса — это его право. Насильно мил не будешь. Нужно растить нового гончака.

Рисунок Б. Игнатьева

Многим читателям, вероятно, памятна рубрика «Знаменитые ружья», которую мы открыли в журнале в далеком 1982 г. Тогда, в середине 80-х, мы рассказали об изделиях замечательных русских и зарубежных мастеров и компаний, которые верой и правдой служат не одному поколению наших охотников. Это мацки, алёшкины, ланкастеры, пёрде, голланды, зауэры, лебо, дарны и десятки других, некогда популярных ружей.

Но, как известно, все в жизни изменяется. Меняются времена, охотники, вку-

История взлета ФАМАРС почти хрестоматийная. В конце 1970-х гг. итальянцы провели исследование и выяснили, что среднестатистический европейский охотник «помешан» на английских ружьях. Но цена 15—25 тысяч долларов для него неподъемна. Был очерчен круг потенциальных заказчиков и выявлена предельная цена: 3—5 тысяч. Следующим этапом стал опрос клиентов: каким они представляют идеальное двуствольное ружье? Изучив статистическую картину пожеланий на несколько лет вперед, в Гардоне Валь Тромпия приступили к реализации своих планов.

Для начала итальянцы разделили свою продукцию на две качественные категории. Первая категория — престижные модели. Их цена в среднем составляет 15 тысяч долларов США. К этой группе ружей разработчики отнесли базовые модели «Зевс» (Zeus), «Венера» (Venus), «Дар» (Tribute), «Антарес» (Antares).

К более дешевой категории, рассчитанной на среднего европейского охотника, отнесли модельный ряд под обобщенным названием «Экскалибур» (Excalibur). Здесь цена колеблется уже в пределах 4—7 тысяч долларов. Но, разумеется, стоимость каждого конкретного экземпляра определяется требованиями самого заказчика.

В 1980 г. на знаменитом Лондонском аукционе «Кристи» курковая двустволка ФАМАРС под названием Castore («Бобр») по своей стоимости впервые обошла самые лучшие модели английских ружей. С тех пор аббревиатура

сы, оружие. На смену старым, популярным, маркам приходят новые имена, фирмы, модели. Как же обстоят дела в оружейном мире сейчас — в начале нового тысячелетия? Кто и где определяет направления развития конструкторской и технической мысли за рубежом? Каковы пристрастия наших собратьев по страсти в странах Европы и Америки?

Об этом вы узнаете в нашей «старой-новой» рубрике «Знаменитые ружья», которую редакция возобновляет по вашим многочисленным просьбам.

ФАМАРС (Fabbrica Armi Mario Abbiatico e Remo Salvinelli) известна каждому истинному ценителю оружия. За все 33 года существования ФАМАРС было изготовлено не более 1500 ружей.

А началось все в 1967 г., когда два талантливых мастера — Марио Аббьятико и Ремо Сальвинели основали в Гардоне Валь Тромпия свою фирму. Впервые объединив классическую британскую конструкцию двустволки с ультрасовременной технологией и декором, они угодили поклонникам сразу всех школ. Как европейской, так и американской. Поэтому их продукция сразу же стала пользоваться популярностью. Хотя своему фантастическому успеху фирма все же обязана именно Марио Аббьятико, художнику-граверу, популяризатору современной итальянской гравировки.

Написанный им фундаментальный труд «Современная гравировка на огнестрельном оружии», изданный в 1980 году, получил широчайший международный резонанс. Было выпущено 100 нумерованных экземпляров в роскошном кожаном переплете, причем первые два преподнесли президенту США Рональду Рейгану и королеве Великобритании. А в 1982 г. вышла еще одна книга Марио Аббьятико под названием «Гравировка спортивного оружия». Благодаря этим двум работам Марио Аббьятико, лучшие оружейники мира гравировку на свои самые престижные изделия стали заказывать только в Италии. А стиль «булино» (bulino — по-итальянски — граверный резец) в од-

ночасье сделался самой популярной техникой граверного искусства. Название этой техники нанесения изображения на металл подчеркивает, что работа выполняется только ручным резцом без применения молоточка. Чем острее заточка инструмента, тем большее количество наколок (или штрихов) можно нанести на гравироваемую поверхность, тем тоньше и совершеннее светотеневые эффекты («кьяроскуро»). Богатая палитра полутонов достигается нанесением на металл наколок различной глубины и плотности. Благодаря эффекту «кьяроскуро» в гравюру вошла динамика.

Марио Аббьятико скончался в 1984 г., но его идеи, его стиль и поныне присутствуют во всех изделиях, несущих на себе марку ФАМАРС. Чему, безусловно, способствует его старшая дочь — Кристина Аббьятико, нынешний президент фирмы.

Каждый экземпляр оружия ФАМАРС изготавливается только под конкретного заказчика. Для нас, рядовых российских охотников, покупающих в магазинах «тулки» и «ижевки» с массой различных дефектов, подобное откровение звучит, мягко выражаясь, диковато. Но большинство европейских заказчиков все же предпочитают приехать в Гардоне Валь Тромпию самостоятельно.

Обычно встреча начинается с беседы в офисе фирмы на 2-м этаже, где предстоящий заказ обсуждается с самой Кристиной Аббьятико. На этом этапе выясняется настрой покупателя в целом и его представления об охотничьем оружии в частности. А также то, для какого вида охоты он намеревается заказать ружье. И только потом, уже на первом этаже, в специальном выставочном зале определяются такие «мелочи», как модель, калибр, длина стволов, тип замков, дульные сужения и прочие детали.

После этого заказчик попадает к гравировщику. С ним обсуждается сюжет и размер декора, а также техника обработки металла. При этом фирма предоставляет покупателю полную свободу в выборе источника гравирования. Он может довериться специалисту, принести свой собственный рисунок или попытаться объяснить то, что ему хочется, на словах.

Наконец, заключительный шаг в процессе заказа ружья — выбор древесины ложи. Тут клиент волен выбрать любой из многочисленных образцов древесины или даже принести с собой собственную болванку. Этот этап заказа контролирует мастер-ложечник.

Итак, заказ сделан. Но это еще не все. После того как все механические работы над ружьем завершатся, заказчику вновь придется посетить мастерскую — для проверки изделия в так называемом «белом виде». То есть уже готовом к практическому испытанию. И только после этой последней «Примерки» ружье гравировщик, детали подвергают термической обработке, воронят

стволы и производят окончательные отделочные операции. Дальше ружье ждут государственные испытания на станции отстрела в Гардоне Валь Тромпия, и, если они прошли успешно, заказ считается выполненным.

Чем объясняется многолетний успех итальянской фирмы на мировом рынке? Прежде всего тем, что охотничьи ружья фирмы FAMARS — это не просто оружие для охоты на диких животных. Не просто деревянные и металлические детали, соединенные определенным образом. Нет, ружья FAMARS — это произведение искусства. И как любое творение живописца или скульптора, оно пробуждает у владельца возвышенные чувства, служат источником наслаждения и... И в то же время постоянно напоминает о бренности нашего бытия. Прислушайтесь к названиям итальянских ружей: «Зевс» — верховный бог у древних гре-

ков, «Венера» — богиня любви и красоты в древнеримской мифологии, «Экскалибур» — легендарный магический меч короля Артура, «Антарес» — название звезды...

По своему стилю ружья итальянских мастеров невозможно причислить ни к одной из европейских школ. Ни к анг-

лийской, ни к французской, ни тем более к австрийской или немецкой. Этот стиль по сути своей интернационален. А потому притягателен для всех.

И все же главное в оружии FAMARS — это гармоничное сочетание оригинальности, качества, престижности и цены.

Производство ружей FAMARS весьма ограничено и обычно не превышает 80 экземпляров в год. Клиенты — люди в основном состоятельные. Есть среди них и коронованные особы. Конечно, большинство из них являются ценителями прекрасного. Хотя есть и покупатели, для которых изделия фирмы всего лишь выгодное капиталовложение. На аукционах ружья FAMARS уходят по ценам гораздо более высоким, нежели первоначальная стоимость заказа. Хотя какая, собственно, разница, из каких побуждений заказывается произведение искусства. Главное, что оно остается. И как правило, на века.

Закрытое Акционерное Общество «ИРБИС XXI век»

предлагает со склада в г. Москве

оптовые и мелкооптовые партии товаров для охотников, рыболовов и туристов

- оптические прицелы различных модификаций, кронштейны
- бинокли в ассортименте
- патронташи, погоны ружейные
- наборы для чистки ружей
- масло ружейное, щелочной состав
- устройства для снаряжения патронов
- пыжи войлочные, ДВП, полиэтиленовые
- дробь, картечь, пули для охотничьего и пневматического оружия
- запасные части и магазины к отечественному охотничьему оружию
- рыболовные снасти (удилища, катушки, леска, сети, крючки и т.д.)

- капканы
- ледобуры
- одежду камуфлированную для зимы и лета
- маскхалаты, противозншефалитные костюмы, обувь, головные уборы
- термосы, компасы, посуду алюминиевую
- рюкзаки, палатки, спальные мешки
- лыжи охотничьи
- лодки, лодочные моторы и запчасти к ним
- снегоходы, моторы и запчасти к ним
- резинотехнические изделия (чучела птиц)
- средства защиты от насекомых
- литературу, топографические карты для охотников и рыболовов

а также другие товары для охоты, рыбалки и туризма

Отгрузка продукции: самовывоз, авиатранспортом, ж/д контейнером, багажом

Адрес: 129090, г. Москва, ул. Щепкина, д. 22, ЗАО «ИРБИС XXI век»

тел./факс (095) 284-01-44

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22
E-mail: chief@brush.kirov.ru

КМ
* ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ *

Милое мое неудобье

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Наши краснощекие хмельные черноземные весны каждый год приносят такие дни.

На рассвете загудел где-то высоко над землей ветер, скомкал и разорвал, погнал мятущиеся облака, пал на землю, сморщил студёные синие, в ледяных блюдцах лужи, засвистел в сырых голых ветках тополей и лип, заломил хвосты покинувших насест кур.

Открыл дверь — и меня тоже нетерпеливо и жадно облапал ветер, ворвался за пазуху и вытурил остаток домашнего тепла. Я глотнул сырого навалившегося ветра, задохнулся от вошедшей с ним радостной тревоги и понял: нет, в такой день дома не усидеть...

Это стало привычкой: всякую весну мятежный ветер уводит меня в лес или в степь, чтобы захватить своим бесшабашным буйством, показать, с какой веселой страстью он работает землю и съедает оставшийся снег.

Куда пойти: в поля или в бор? Послушать шипенье мокрой хвои сосен, подвластных ударам верхового ветра, шорох падающих растрепорченных шишек, увидеть в затишке приземелья расплывшиеся огромные, с шапку величиной, заячьи следы на затвердевшем снегу, клок оставленной русаком линной шерсти, трепещущий на кустике бересклета...

А в полях, вернее всего, снега уже нет. Значит, налилась, как обычно, огромная лужа в знакомой ложине меж полей, вышла за пределы кочкарника и широко захватила пашню. Так бывает в каждое водополье. По крайней мере, с тех пор, как я стал наведывать эту полевую лужу. На ней почему-то любят отдыхать стайки разнородных уток. Неподалеку от нее стоит омет, с которого — если он не вывезен фуражирами — хорошо видны и сама лужа, и сидящие на ней утки.

Чтобы покинуть дом, придется выдумать хоть какую-то причину. Пойду в степь — надо посмотреть, как разлилась лужа в нынешнем году.

...Ветер, ветер — тугой, теплый и шальной, в степи он еще сильнее и полновластнее. Гонит низко летящие, рвущиеся на бегу облака, хлопает обрывками их полотнищ, выбивая редкие, приятно охлаждающие лицо капли. Насколько хватает глаз — нет никого, в степи я один как перст. Как того и хотелось. Ах, хорошо!..

Пройдет время, и степь станет другой. В поднявшихся хлебах болотца в ложине будет не разглядеть. Лишь приблизившись, можно заметить невысокие тальнички и несколько торчащих пик рогаза с плюшевыми шишками.

В страду душей жаркой жатвы комбайны за три-четыре дня обстригут под «два ноля» засеянные пшеницей наклонные платы полей, и сухое болотце обнажится. Если крытый ток на центральной усадьбе даже при ночной работе не управляется с зерном, дополнительный ток делают прямо на поле: пшеница сыпается на расстеленный по стерне брезент. Привозят пару веялок, и женщины, перелопачивая и подсушивая зерно, отвеивают и затаривают его в мешки.

Мужики заняты скирдованием соломы. Мальчишки верхом на лошадях подвозят с полей оставленные комбайнами равные кучки пшеничной соломы на волокушах — двух соединенных меж собою длинных слегах-оглоблях — к заложенному омету, и мужики вилами поддают ее на растущий омет. Длины вил скоро начинает не доставать, и в дело вступает цыбарь — устройство, подобное колодезному журавлю на трехпалой устойчивой опоре, чтобы он не завалился, с тремя крючьями вместо ведра, которыми подхватывают копейки и поднимают на омет.

Руководит работой скирдовщик Костя Сидоренко — веснушчатый, краснолицый, с ярко-рыжими, в мелком завитке, волосами мужик, прозванный едкими на язык бабами «Мерлушкой».

— Уминай плотнее! — кричит мне вспотевший, с запутавшимися в курчавых волосах соломинами Мерлушка. — Весу в тебе мало! — упрекает он меня, недавно перешедшего с волокуши на «взрослую» работу. — Топчи-утапывай!

Сбросив на омет ворох соломы, освободившиеся блестящие крючья цыбаря описывают в небе дугу и, позванивая друг о друга, опускаются за новой копейкой, а Мерлушка разравнивает вилами поданную солому и показывает мне, куда ее класть.

Это не так просто — сложить толком омет, чтобы он, оседаая, не завалился набок, чтобы его не раскрыли степные ветры, чтобы он не промокал под назойливыми осенними дождями и не запылел в нутре. Поставленный на такую ответственную работу, я тихо горжусь.

Весело смотреть с высокого омета на ставшую просторнее степь, на беззвучно ползуший по кромке горизонта поезд, на людей внизу. Хорошо видна и заросшая бурьянком и начавшей жел-

Привязанность охотника к родине безгранична.

С какой любовью смотрит он на свои поля, луга, рощи и вообще на окружающую местность...

П. М. Мачеварианов.

Записки псового охотника Симбирской губернии. 1876 г.

теть осокой ложинка. Туда иногда, сговорившись по две, по три, бегают женщины с тока и стараются там прикрыться тощими кустиками от насмешливых мужских глаз.

— Эй-ей! — озорно кричит с омета Мерлушка, зная, что достанется ему от женщин на их обратном пути к току. — Держи, закипело!

Я стыдливо поворачиваюсь к болотцу спиной...

Нас снимают с вывершенного омета тем же цыбарем: надо встать на скользкие, выворачивающиеся из-под ног наглаженные соломой крючья и, держась за горячую от солнца цепь, довериться мужикам, которые, потравливая веревку от другого конца «журавля», пронесут по воздуху и плавно опустят на землю. Теперь можно обойти вокруг аккуратный, очесанный длинными деревянными граблями омет, полюбоваться своей работой...

И вот я иду к «своему» омету, который всегда ставится на одном и том же опухшем клочке нетронутой земли.

Снег сошел. В степи властвует, неистовствует ветер. Все, что плохо держалось, — все сметено, выдуть, прибито к бурьяну по окрайкам полей, даже щетка потемневшей прошлогодней стерни дрожит и трепещет под ударами ветра.

С окатого бугра вдали открывается вода — синяя, набившая пену, очень белую на краю маслянистой черной пашни. И на воде — россыпь качающихся точек: утки. Много уток. Охота уже открыта, я взял на всякий случай отцовский старый курковый зауэр и пяток патронов: когда я отправляюсь «на авось» и знаю, что выстрелить, вернее всего, не придется, патронташ не беру, а просто сую в карман патроны с разными номерами дробин: козь есть ружье, должны быть и патроны.

На степном разливе уток не взять. Они, наверное, и сейчас уже насторожились, заметив человека на далеком бугре. Можно, конечно, попытаться поставить на краю лужи скрадок, забраться туда затемно, выкинув на воду пару чучелов, но мне неприятно предстать себя сидящим в жиже чернозема, в торчащем среди пашен, за версту заметном со всех сторон шалаше. Разве это охота?

Омет не вывезен, его только с одного края начали тратить фуражиры — зи-

мой, наверное, сейчас к нему, пока не просохнет, не проехать. Значит, под его прикрытием можно подойти поближе к воде. Приходится делать большой крюк. Иду по стерне — здесь меньше вязнут ноги, а потом за гребнем межевой канавы, на дне которой местами еще белеет слежавшийся снег. И лишь после этого сворачиваю к омету, закрывшему меня от птичьих глаз. Здесь, в заветрии, потише. Но как забраться на омет? Можно там, где его начали разбирать, но тогда я окажусь на виду у птиц. А по скользкой отвесной боковине не залезть. Но возле скирда валется слегка от волокуши. Я привязываю к ней ружье, бинокль и закидываю их наверх. Теперь уж мне волей-неволей придется быть там. Укрепив все ту же слегу, карабкаюсь по ней, упираясь ногами в солому, и осторожно переваливаюсь на «крышу» омета.

Но утки все-таки заметили меня. До них метров полтораста. Вскинув головы, они стали отплывать, кучиться у противоположного берега и, не выдержав моего соседства, покатались по воде, как подхваченные ветром листья, взмыли и замельтешили в воздухе. Разноголосое карканье, свист и криканные заполнили небо. Самые неосторожные иногда надлетают на дальний выстрел, но я не стреляю: мне не хочется видеть лужу опустевшей. Закопавшись в холодную скользкую солому, жду, когда успокоятся птицы. Пометавшись над полем, они одна за другой снова садятся на разлив: другой воды в округе нет. Правда, в полукилометре

отсюда, не доезжая второго отделения совхоза, Шкаринский куст сейчас тоже должен быть залит полой водой, но пролетные стаи в затопленные деревья не садятся, им нужны открытые безопасные плесы. Там, в кусте, можно поднять пару осторожных криков, услышать мелодичное тиликанье невидимого, плавающего где-то между осин и черемух селезня-чирка...

Наконец небо опустело, а лужа опять ожила. В бинокль хорошо видны птички точеные головки, белые бока гоголей, белые груди и тонкие длинные шеи шилохвостов, пепельно-седые спины криковых селезней. Утки самых разных пород находят отдых здесь, на открытой всем ветрам степной ложинке, заполнившейся водой с окрестных полей.

Что их привлекает сюда? Место вовсе не кормное, вокруг голые поля, берега — вязкий раскисший чернозем. А может быть, как раз то, что вокруг голо и безлюдно, что нет поблизости дорог и над головой открытое бездонное небо?

Оттого, что вся эта разнородная утиная компания мне недоступна и без каких-то ухищрений, кажущихся мне недостойными охотника, к ней не подблизиться, я о выстреле не думаю. Не знаю, почему и зачем, мне нужно просто соседство множества птиц, забывших о моем присутствии. Мне этого достаточно. Я могу наблюдать их в бинокль, определять их породу, различать уток и селезней, видеть, как они качаются на волне, гоняются друг за другом, привстают на хвосте и машут

крыльями, выказывая их белую изнанку и брюшко, такое же белое, как комья пены на черной оттаявшей язби. Закопавшись в омет, я слушаю их голоса, принесенные ветром, слушаю, как посвистывает ветер в развороченной соломе, смотрю, как несутся над мною клокастые облака, и мне кажется, что я все более «врастаю» в нынешний весенний день, полный радостного беспокойства и ожидания перемен.

У меня особое чувство к степной ложине, залитой сейчас так, что из нее торчат только верхние веточки тальников да несколько коричневых шишек рогоза, лопнувших от спелости и извернувшихся светлым пухом. Родилось оно не по весне, а на охоте по черной тропе. Вытапывая в полях осенних русаков, я всегда сворачиваю к этой ложинке с кочками, осокой и цепучей чередой, с бурьянком и полынью по некошеному окрайкам. В однообразии черных пашен и желтых жнивий сухое болотце издали радует глаз богатством оттенков мягкого охристого цвета, от седовато-ржавой полыни до коричневой череды. Я иду к нему и все более наполняюсь волнующим, радостно-трепетным предвкушением увидеть здесь то, чего не встретил пока ни в жнивьях, ни на пахоте: глазам представляется вымахнувший с легким шорохом русак, его мелькающая меж кочек буровато-голубая плоская спина, настробученные уши, торопливые толчки пружинистых задних ног, кидающих распластавшееся над землей сильное тело. Я стреляю, и — вот оно, охотничье счастье! — русака больше не видно, он исчезает в кочках, он взят, взят!

И пусть такое случилось здесь только дважды, я полюбил эту кочкастую ложинку за надежду, за то необыкновенное состояние души, которое она вызывает и без которого охота потеряла бы, наверное, самое свое существо.

Смешно и бесполезно было бы делиться с кем-нибудь своим таким отношением: что оно собою представляет, в самом деле, это сухое степное болотце? Кого оно может заинтересовать, что в нем особенного? На совхозном плане землеустройства ложина наискось заштрихована и числится как неудобье, ее площадь вычитается из

общей площади землевладений. Ничемное пространство. Чертыхнется лишний раз тракторист, наткнувшись на неудобье, вынужденный отворачивать и широко опаживать его, а по весне здесь работа задерживается, пока не сойдет вода и не просохнет земля.

Охотник остается охотником и тогда, когда охота закрыта. Не знаю, для чего, я иногда прихожу в лошину на лыжах. Скатившись с ветерком по мартовским настам в низину, я однажды наткнулся на лису. Засидевшись в заснеженных кочках, не услышав меня вовремя в наветрии, она вымахнула из болотца и рыжим пламенем понеслась вверх по противоположному склону, наотлет отставив хвост, и я долго провожал ее взглядом, жадно впитывая глазами ее легкий полет по снежным застругам. На свале бугра она остановилась, посмотрела на меня, успокоилась и затрусила обычной побегой, неся над землей толстый хвост. И, казалось, еще одна ниточка связала меня с полюбившимся знакомым местечком, одарившим таким памятным подарком...

Такие же «ниточки» связывают меня не только с этим «неудобьем» — в округе немало мест, дорогих и памятных какими-то незначительными, казалось бы, случаями и мелкими событиями, происшедшими на охоте. Именно она, охота, сблизилась меня с ними.

На одной просеке я удачно подоспел под русака, за которым шли с голосами гончие, на другой вырубке просто перевидел зайца, махавшего через кучи хвороста; в мелком дубняке, разросшемся в бору вдоль яра, я на сентябрьской высыпке выстрелом навскидку срезал вальдшнепа, а он завис в ветвях, и мне пришлось сбивать его палкой. А в сосновой молодой посадке, густой, как щетка, я «проворонил» шумовую лисицу, выкатившуюся мне в ноги...

Со всеми ними, этими и многими другими местами, я сроднился увиденным и пережитым, они оживают в моих воспоминаниях и манят навещать их. Так складывается охотничий маршрут — маршрут-свидание с полюбившимися местами.

Угравшись в соломе, я лежу на спине под низко летящими облаками, и ветер гладит мне щеки. В этом мире незнакомы только они, эти аспидно-серые, белесые облака, они из другого мира, они недоступны и чужды. Но как хорошо чувствовать себя своим среди того, что мне знакомо! Знаком этот омет с его сытным запахом хлебной уборки, знакома колючая дикая груша на канаве, в ветвях которой я однажды обнаружил наколотую на сучок землеройку и обрадовался тому, что встретил живое подтверждение картинки Формозова в его книжке, из которой я и узнал, что так делает сорокопуд; знакома нора под грушей, куда по пути заглядывают лисы... Широко знакома вся округа с той поры, как я начал выхаживать ее с ружьем...

На дальней черте, разделяющей землю и небо, показался силуэт: лошадь,

запряженная в дрожки. Знаю, что это едет заведующий вторым отделением Поняев, прозвищем Понюшка, знаю его лошадь и дрожки с брезентовой залоснившейся, обшугенной подушкой. А ну как повторится то, что было прошлой весной?

Я так же сидел на омете и уже собрался идти домой, как на той же дороге появились телега и лошади: кто-то возвращался на второе отделение. Вдруг от них поднялась со стерни пара птиц и направилась в мою сторону... Криквы! Или, как их у нас называют, матёрки. Утка и селезень. Снизаясь к луже, они шли на моем уровне так близко, что я различал их круглые глазки. Самонадеянное чувство удачи, когда дичь находится на верном выстреле, и боязнь оплошать, промахнуться — только это и осталось на душе, все остальное ушло. Я пропустил утку, но следовавший за нею селезень заметил меня, резко отвернул — и я промазал. Сердце во мне полуголо... Однако вторым выстрелом в полуогон я все же достал его. И возликовал, конечно. Вскочив, я увидел, как, затихая, бьется на пашне птица, пачка в жирном черноземе свои нарядные, с ярким зеркальцем, поднебесные крылья. И оттого, что она, только что принадлежавшая воздушной стихии, возится в грязи, ликование сменилось каким-то укором. Уж лучше упал бы этот селезень куда-нибудь в некое, на прошлогоднюю траву — но кругом лежала пахота... Нигде, наверное, так быстро и так резко не меняются настроения и чувства, как на охоте...

Я в бинокль наблюдал за медленно катившимися по горизонту дрожками — не нагонят ли кого-нибудь и на этот раз? Но, видно, одно и то же счастье не приходит дважды — надо искать и надеяться на другое.

В краешке кружка, вырванного биноклем, что-то мелькнуло. Какое-то движение. Я перевел бинокль — по гребню канавы, где я шел час или полтора назад, мчался заяц. Он был сравнительно недалеко, можно было обойтись и без бинокля. Заяц преследовала крупная, с размахистыми крыльями птица — подорлик. Русак что есть духу удирал к спасительному Шкаринскому кусту. Но подорлик, конечно, был быстрее. Он нагнал зайчишку и, сложив крылья, наклонно спикировал на него. И тут произошло то, о чем я только где-то читал: русак перевернулся на спину и замолотил в воздухе лапками. Хищник раскрылся, затормозил, на какое-то мгновение завис над зайцем, но вкоптиться не решился и снова взмыл в воздух. Забыл о ружье и о том, чтобы выстрелом напугать подорлика, прервать погоню, я наблюдал за происходящим. Подорлик снова нагнал русака, повторил свой воздушный маневр, но тот опять повалился на спину, отбиваясь от вытянутых когтистых ног птицы. Подорлик и на этот раз остался ни с чем. Пока он, тяжело поднимаясь, набирал высоту для следующего захода, заяц сметнулся с канавы,

преодолея клочок некоси и исчез в Шкаринском кусту.

Величественными взмахами крыльев подорлик забрался в высоту и, удаляясь, стал кружить над степью.

И все. Сцена бурного действия, едва не завершившегося трагедией, опустела. Происшедшее словно бы освободило меня от какого-то ожидания. Больше уж тут ничего не произойдет: счастье видеть редкостное зрелище не повторится, надо ждать другого случая... Ясно стало, что именно за этим я сюда и пришел.

Не думая больше о том, что могу вспугнуть уток, я встал, прошелся по пружинившему омету и съехал по скользкой соломе там, где начали ее разбирать фуражиры.

В воздухе над лужей вновь закружились утки. Решив срезать угол, я зачем-то залез на пашню, тащил на сапогах вязкий чернозем. Ставший попутным ветер пел в стволах ружья, не повиданных сегодня пороха. Но на душе было так, будто я сделал какое-то важное, ценное приобретение. Не бывает пустых, бесполезных выходов за ворота!

Уток в воздухе стало меньше: проводив меня, успокоившись, они вернулись на воду. А кое-какие, быть может, отдохнув, отправились дальше на север.

Когда я еще наведу сюда?

Перебесившаяся, присмирившая в тихом похмелье весна одарит землю ласковым теплом, и лужа с уже пробившимися зелеными стрелами молодого тростника станет день ото дня уменьшаться, усыхать, освобождая размякшие распаханые склоны. Станут видны крайние борозды глубоко вспоротой отвальной земли, оставленные плугом, когда тракторист, упершись в неудобье, разворачивается, не поднимая лемехов, чтобы начать новый прогон.

В самой засолонцованной, не видевшей плуга ложине вода задержится, стоит недели три, напоит вволю кочки, проросшие ежами свежей осоки, и обронившие пуховки тальники. К полевой луже, ставшей болотцем, можно будет подойти, и сюда, возможно, наведается тракторист, чтобы зачерпнуть резиновым ведром воды для перегретого двигателя или ополоснуть от чернозема сапоги.

Солнце выпьет оставшуюся воду, высушит растрескавшуюся лысинку посреди болотца, и будет оно сухим до будущей весны — только очень ненастная осень может чуть раскислить его, глубоко просохшее от летнего зноя.

На одонях вывезенного омета будет заложен новый, и, может быть, мне вновь доведется быть в подручных у рыжего Мерлушки — все повторится, как повторяются лето и осень.

А осенью по Черной тропе я опять приду к степному кочкастому болотцу за русаком, и душа снова обольется ожиданием счастья.

Рисунок Б. Игнатьева

Гербарий моей дочери

Покойный профессор Н. А. Холодковский кроме обширного научного наследия оставил нам еще и другое богатое наследство: художественно-литературное.

Его перевод геттэвского Фауста с критическим комментарием, увенчанный полною Пушкинскою премией, его известные стихотворные переводы многих пьес Шекспира, Байрона, Шиллера, Ленау, Мильтона, Эмериха Мадача, Липинера, Эразма Дарвина — все это произведения, которым суждено жить и жить.

Но кроме переводов покойный в разные периоды жизни писал также и оригинальные стихотворения, которые пока остаются неизвестными широкой публике и еще ждут своего издания. Среди этих оригинальных произведений выделяется небольшое число пьес, посвященных автором своей дочери и дающих поэтические изображения разных представителей нашей северной флоры. Соответственно возрастам дочери эти прелестные ботанические миниатюры носят и различный характер: то они дышат детской наивностью, то они добродушно поучительны, то слышится в них дружеский призыв к восхищению природой. Стихотворения эти составляли при жизни автора три альбома под общим заглавием «Гербарий моей дочери». Теперь они входят полностью в сборник.

Не роза или сирень, не жасмин, не лилия вдохновляли здесь поэта; темой для стихотворений он избрал скромные, малозаметные, но всеми любимые, преимущественно полевые цветы нашей северной флоры, вливая в их описания всю не-

жность своей чуткой, возвышенной души. В точных, хотя и кратких поэтических характеристиках избранных растений строгий ученый никогда не преобладал над мыслителем и поэтом. Небольшая часть этих стихотворений относится к западно-европейской, именно альпийской флоре. Здесь автор рисует картины более широкой кистью, выявляя свой талант крупного художника-пейзажиста.

Николай Александрович Холодковский родился 19 февраля 1858 года в Иркутске; окончил Медико-химическую академию в Петербурге и по получении степени доктора зоологии занимал в течение 30 лет кафедры: зоологии в Военно-медицинской академии и энтомологии — в Лесном институте. Умер он 2 апреля 1921 года заслуженным и всеми глубокоуважаемым ученым, оставив за более чем 35-летний период своей научной деятельности около 150 печатных научных работ и сверх того ряд основных учебников по своей специальности; широко был известен он и в научно-популярной литературе своими статьями на общеприродоведческие темы, а также как редактор многочисленных переводных сочинений по научной литературе.

Благодарное воспоминание о его светлой личности и деятельности будет жить в сердцах его многочисленных учеников и всех, кто встречал его на жизненном пути.

И. П. БОРОДИН,
А. П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ
Петроград
15 июля 1922 г.

Ботанические миниатюры

Н. А. ХОЛОДКОВСКИЙ

Фото А. Севастьянова

Колокольчики

Сладкую лень навевает
Пышных лугов благодать;
С тихою лаской кивает
Там колокольчиков рать.

Мир безмятежного лета
В их красоте отражен;
Чуткому сердцу поэта
Слышен их сладостный звон.

Сладкую негу забвенья
Он благовествует нам,
Дни без тревог и сомненья,
Отдых усталым сердцам.

Горицвет

От ранней весны
До позднего лета
Все рощи полны
Цветов горицвета.

Простые на взгляд,
Но яркие, румяны,
Они веселят
Лесные поляны.

Как красных деньков
У нас не без счета, —
Так красных цветков
Набрать — всем охота.

Пускай горицвет
Собой подрумянит
Наш пестрый букет;
Лишь жаль: скоро вянет.

Одуванчик

Одуванчик золотой —
Цветик милый, хоть простой;
Он сидит среди травы,
Средь зеленой муравы, —
Прямо к солнышку лицом,
Так и смотрит молодцом!
Отцветет он — не беда:
Он еще милей тогда;
Превращен в пушистый шар,
Он нарядней всяких бар;
Как его ни повернешь,
Скажешь: чудо как хорош!

Гравилат болотный

Стоит гравилат на болоте,
Печально головкой повис;
Не то будто в тяжелой заботе,
Не то от жары он раскис.

И точно, — раскиснуть не диво
От влажной, тяжелой жары.
Все дремлет вокруг, и пискливо
Жужжат над травой комары.

Судьбина — достойная парий —
Весь век на болоте прожить,
Средь гадов и жалящих тварей!
Невольно тут будешь тужить!

Томиться в безрадостной доле,
Без светлой надежды живой!
Повесишь тут нос поневоле,
Поникнешь в тоске головой.

Незабудка

У моей любимой дочки,
Умницы-малютки,
Есть любимые цветочки:
Это незабудки.

Голубые лепесточки,
Желтенькие грудки, —
Что за милые цветочки
Эти незабудки!

Герань

В зеленой травке новой
Везде, куда ни глянь,
Цветет цветок лиловый;
Зовут его — герань.

В местах сырых и влажных
Растет охотно он, —
Цветочек не из важных,
Но все же недурен.

Без слова и без жеста
Он будто говорит:
Умей украсить место,
Где жить судьба велит.

Марьянник, или Иван-да-Марья

Не буду тратить лишних слов:
Синеголовый, желтоцветный,
Издавна легко заметный, —
Марьянник, ты краса лесов!

Какой-то Марье и Ивану
Ты почему-то посвящен, —
Но кто латыни обучен,
Тот посвятит тебя Сильвану.

Сильван был римский бог лесной,
Среди богов судьбы избранник,
Он жил в лесах, как ты, марьянник,
И наслаждался тишиной.

Ваенлек

Цветок смиренный полевой,
Ты золотистых нив краса,
Своей лазурной синевой
Ты отражаешь небеса;
В сиянии солнца над тобой
Струится жаворонка трель,
Как будто в выси голубой
Звучит незримая свирель.

Отрада сельской тишины
И милой птички голосок,
И ты, голубенький цветок,
Вы вечной прелести полны!

Лютик

Лютик — простенький цветочек;
Всюду он цветет:
На лугах и между кочек,
Посреди болот.

Он не блещет красотой,
Вовсе не душист,
Но доволен сам собою,
Желт и маслянист.

Он совсем простонароден,
Житель полевой,
Но в букетик все ж пригоден
С разною травой.

Земляника

Что за цветик-невеличка
Там белеет, как снежок?
Эта прелесть — земляничка,
Скромный беленький цветок.

Что алеет по припеку,
Там, где солнце так и жжет?
Полный сладостного соку,
Землянички спелый плод.

И цветком, и в виде ягод,
Земляничка всем мила;
Мы ее наварим на год, —
Только банка бы была!

Шиповник

Во дни роскошного расцвета,
Когда приходит жар и зной,
Шиповник, милый вестник лета,
Пленяет нас своей красотой.

Одно лишь худо, — что колючки
Есть у шиповника всегда,
И о него поранить ручки
Совсем не редкая беда.

Как будто вечную угрозу
Таит он в розовых устах:
Когда сорвать захочешь розу, —
Подумай прежде о шипах.

Трудный трофей

Ю. КАММЕРЕР

Счастливым свойством памяти — бережно хранить хорошее и предавать забвению, окрашивая в розовый цвет огорчения. Возможно поэтому в воспоминаниях об охотах собирается воедино все самое интересное из увиденного, волнующее из пережитого.

Что может быть радостнее, когда на весенней охоте, короткой, как летний дождь, сочетаются и тихая звездная ночь, и розовый рассвет или багровый закат, и концерт ошалевших от встречи с домом дроздов, и все прочее, чем красны и теребвиный ток, и вечерняя тяга вальдшнепа, и утренняя заря на разливе.

В жизни такое счастливое единение всех прелестей охоты случается так же редко, как редко выигрывают по денежно-вещевой лотерее, скажем, автомобили. Каждый раз что-нибудь да мешает и вызывает тревогу, волнения. Прежде всего «орговопросы»: достанутся ли путевки и в какое охотничье хозяйство, удастся ли вырваться с работы, как с транспортом? Ценой потери некоторого количества невозвращаемых, как известно, нервных клеток они решены.

А погода? Ох, как редко весь путь нам освещает солнце. То ветер, то дождь, то холод, а то и органичное сочетание и того, и другого, и третьего. Словом, редкая поездка обходится без каких-либо трудностей, осложнений, а иногда и просто неудач.

Но всегда на охоте испытываешь и щемящее чувство ожидания, и сменяющиеся чувства неуверенности, тревоги, радостного удовлетворения. Надежды и разочарования, радости и огорчения идут рядом. Смотри только зорче, слушай внимательнее и встретишь уйму интересного, нового, необычного, волнующего.

Нашему охотничьему коллективу «за успехи в соцсоревновании по охране и воспроизводству охотничьей фауны» вручили лицензию на отстрел глухаря — так сухо сформулировалось разрешение на редкую по красоте и переживаниям охоту — весенний глухариный ток. Никогда ничего не выигрывал, даже в самые заманчивые, казалось, беспроигрышные лотереи, а здесь единственный глухарь и тот по жребью достался мне.

Словом, начало многообещающее. Вот только солнце не разделяло моей радости и не одарило своей благодатью — погода выдалась на редкость неудачная: холодно, хмурое небо сеет мелкий осенний дождь, удивительно темная, безлунная, прямо-таки октябрьская ночь.

Сижу на базе вторые сутки. Сильный порывистый ветер вселяет надежду на улучшение погоды, но она словно решила опровергнуть упреки в непостоянстве. Даже синоптики, кажется, смирились с безысходностью обстановки и никаких изменений в ближайшей перспективе не обещают. Одну зарю пропустил — не хотелось обеднять охоту: ну какой ток без восходящего солнца, без птичьего гомона, без щелчка фотоаппарата! Но завтра надо уезжать, придется ночью идти при любой погоде.

Увы, она не изменилась и в последние часы, только ветер проявил лояльность и несколько поутих. Идем вдвоем с Алексеем Ивановичем — опытным егерем, старожилом здешних мест. Как только закрылась за нами дверь охотничьего домика, словно окунулись в чернильную темноту. Вышли на открытое место, но и здесь своего спутника, вышагивающего на расстоянии вытянутой руки, скорее угадываю, чем вижу. Свернули на лесную дорожку под полог высоких сосен и хмурых елей. Темнота стала еще гуще.

Алексей Иванович подсвечивает фонариком с умирающей батарейкой, тусклое рыжее пятно неровно бежит перед нами. Пересекаем линию высоковольтной передачи, на высоких металлических мачтах что-то потрескивает и мерцает голубыми огоньками. На старом замшелом пне еловая веточка — метка егеря, отсюда по едва заметной тропке надо пересечь топкое болото, поросшее низкорослой сосной, хилым, теперь сухим и ломким, тростником.

Идти по воде меж высоких кочек очень трудно — ноги вязнут в торфяной жиже, руки заняты: в одной — ружье, в другой — тяжелый телевик, недостает третьей для палки. Шагаю наугад, как с завязанными глазами, ни зги не видно. Как это я не взял с собой фонарик? Поминутно спотыкаюсь, чтобы сохранить равновесие, судорожно хватаюсь за редкие веточки тростника, но они не всегда под рукой и не всегда помогают, и тогда, поднимая вверх ружье, валюсь либо на кочки, либо в воду. Быстро стало жарко, рубашка прилипает к телу, часто бьется сердце, дышу как загнанная лошадь. Алексей Иванович, подсвечивая себе под ноги, да еще с палочкой, как ни в чем не бывало, по-смейсясь, идет впереди.

Чертовски хочется остановиться, перевести дыхание, но мешает самолюбие. Не скажешь же ему, что ты только после тяжелой операции, что не разрешены никакие физические нагрузки, а что мне далеко за шестьдесят, он и сам видит. А скажешь, сейчас же последует резонный вопрос: зачем же поехали, если нельзя? В самом деле, зачем? Здесь не ответить: нужда заставила. Единственное мне ясно: как летчик не может не летать, так и охотник не мо-

жет в короткие дни весенней охоты усидеть дома.

Где-то посредине болота поднятая нога зацепилась за кочку, и я со всего размаха лечу на землю — сильный удар, и на миг показалось, что внезапно рассвело и яркие лучи солнца бьют мне в глаза. С трудом поднимаюсь, рассвет также внезапно погас, по лицу течет что-то теплое и липкое, в голове шум и звон, во рту кровь и какой-то непорядок.

Ленинградцы, когда хотят сказать о чем-то очень редком, часто вспоминают своего слона: «Один у нас был на весь город, но и в него попала бомба». Кажется, со мной произошел еще более уникальный случай: прямое — снайперское — попадание лицом в пеня, который оказался, как выяснилось при возвращении днем, единственным на всем пути через болото.

Егеря не прочь вернуться назад:

— Подождите до следующей весны. Ну, куда в таком виде пойдете?

Действительно, вид у главного специалиста института, прямо скажем, не соответствовал ни должности, ни возрасту: лицо в крови, весь мокрый и грязный. Хорошо ему подшучивать: сам-то каждый день в лесу, годками много моложе и идет налеге с фонариком и палочкой — явное неравенство. Может быть, это последняя охота на глухаря — жди, когда еще порадует жребий. Нет. Только вперед!

Вторая половина пути оказалась ничуть не легче первой, но вот наконец под ногами стало тверже, сосны вроде бы подросли и стали и выше, и гуще. Еще немного, и Алексей Иванович остановился:

— Вот здесь пел один петух, дальше еще четыре. Давайте немного постоим.

Ничего не слышу, кроме глухих ударов собственного сердца да мерного шума дождя. Робко чирикнула какая-то пичужка и тут же, точно убоявшись ранней поры, умолкла.

— Не слышно что-то, — говорит егеря, — пойдете дальше.

Осторожно, останавливаясь каждый десяток шагов, продвигаемся в глубь леса. Со стороны болота доносится громкий, протяжный рев.

— Это же лось! Но у лосей брачная пора в сентябре. В чем дело, Алексей Иванович?

— Мы попали в чужие владения, нас почуял хозяин здешних топей и бора и предупреждает: место занято, пугает. Обратили внимание, где ревет?

— На нашем следу.

— Правильно. Обратно пойдём, неверное, встретим.

В белесом полумраке невидимый, с хорканьем тянет вальдшнеп. Опять только глухой шум дождя, да крупная капель с деревьев мерно бьет по плащ-палатке.

— Поет! — Алексей Иванович предостерегающе поднимает руку.

Доносится робкое, приглушенное расставанием щелканье, и опять тишина. То ли подшумели, то ли певцу что-то мешает, но ничего больше не слышно.

Опять робкое щелканье, и снова длительная пауза. Где же полная песня? «Осторожничай, — шепчет егерь, — в него на днях стреляли».

Наконец после щелканья двухсекундное скрежетание — будто косу кто точит: «вчижи, вчижи». Вот в эти-то короткие 1,5—2 секунды птица ничего не слышит, точно глухнет, отсюда, должно быть, и ее название глухарь.

Снимаю плащ-палатку, оставляю фотоаппарат с телевиком — бессмысленно надеяться на снимок в такую хмарь — и жду песню. Защелкал, но опять не точит. Наконец полная песня, вторая, третья. Теперь пошел. Делаю один, редко два шага — тяжело идти по кочковатому болоту.

Глухарь поет как-то вяло, будто нехотя: или дождь снижает накал страстей, или повышенная бдительность после встречи с человеком. Нужна выдержка и еще раз выдержка. Одно неосторожное движение и... услышишь только шумный взлет испуганной птицы. Но как тяжело эта выдержка дается.

Щелканье, сейчас последует точение, рванулсь вперед, и... глухарь замолкает. Стою на одной ноге в неудобной позе — даже рукой не за что ухватиться. Певец после щелканья и перед точением какую-то долю секунды прислушивается, а я опередил события. Это так же опасно, как и запоздать с прыжком.

Опять надо мной с грустным «хор» тянет вальдшнеп. Сейчас, кажется, я бы его увидел, но боюсь поднять голову и шевельнуться — глухарь где-то недалеко и внимательно смотрит и слушает.

От нелепой позы онемели даже руки, а петух все молчит и молчит. Сил больше нет, осталось единственное желание выпрямиться, нога уже опускается, и... раздается песня.

Пропускаю несколько куплетов — с наслаждением (иначе и не скажешь) отдыхаю, выпрямившись на двух ногах, и снова несколько прыжков под прикрытием небольшой елки. Осторожно под песню, не замечая струек холодной воды, попавших за воротник, выглядываю из-под нависших мохнатых ветвей.

Вот она — царственная птица — на вершине стройной сосны с распушенным веером хвостом и вытянутой в характерной позе головой. Опускаюсь на колени и, забыв обо всем на свете, люблю мошником, слушаю страстные песни. Постепенно светлеет, различаю все театральные позы, какие принимает токующий глухарь.

В охотнике противоборствуют два чувства: заложенное природой естественное желание добыть заветный трофей и чувство художника-созерцателя, которому дорожно всего нежный рассвет, любовная песня дикой птицы...

Порой второе чувство побеждает, и охотник не решается выстрелом прервать сказку. И со мной такое случилось, правда, не с такой редкой добы-

чей. Когда петух стал проявлять беспокойство и, как показалось, собрался улетать, завороченность моментально спала, по привычке под песню вскидываю ружье, глухо звучит выстрел, птица грузно, камнем падает, трепетные взмахи крыльев, и все затихло. По старой охотничьей привычке, не трогаясь с места, перезаряжаю ружье, но стоило опустить глаза и поднять их вновь, как стройная сосна, украшенная изваянием глухаря, потерялась, стала ничем не отличимой от соседок.

Да, кажется, стрелял под этим деревом. Но почему его здесь нет? Делаю небольшой кружок, второй — как в воду канул. Даже в дрожь бросило — неужели подранен и убежал. Погубить такую красоту...

Алексей Иванович полувслух произносит, как догадываюсь, что-то не очень лестное в адрес московских охотников.

Вернулся к елке, из-под которой стрелял, посмотрю еще вот под той сосной. Да, конечно, токовал здесь — кругом помет. Значит, облюбовал это дерево давно и прилетал сюда не раз. Но и здесь его не видно. Срам.

Черт возьми, да вот же, между двух кочек, торчит хвост. Как он красив, старый петух. На темно-седой, почти черной голове с коротким белым клювом сочные, ярко-красные брови, черная с бронзовым отликом грудь.

Выбрали посуше местечко, сели отдохнуть. Егерь закуривает.

— В прошлый выходной к этому глухарю помоложе вас профессор какой-то подходил. Опытный охотник, как говорил, а промазал. Как в такую махину не попасть, да еще в ясную зарю? Глухарь после выстрела ко мне подлетел, сел на землю шагах в тридцати и гуляет как ни в чем не бывало. Несколько раз свистнул — птица не обращает внимания, не обратил внимания и профессор, впрочем, как он мог догадаться, что глухарь здесь? Так и улетел. — Затаившись, Алексей Иванович продолжил: — Профессор допустил еще ошибку: сразу после выстрела пошел искать

тех четырех петухов, что пели дальше... Нельзя так, они тоже услышали выстрел и устроили «перекур». Ну, конечно, подшутил и тех.

Рассвело. Тихо, только мерный шум дождя.

— Может быть, попробовал подойти еще к одному, чтобы сфотографировать?

— Не успеете, — отвечает мой спутник, — в плохую погоду раньше кончают петь.

Впрочем, и сам понимаю: если и успею, то что может получиться в такой дождь? Пошли домой.

Алексей Иванович оказался прав. Недалеко от края болота на фоне желтых тростников и низкорослых сосен скульптурное изваяние. Лось! Да, тот самый, что пугал нас на рассвете. Здесь на переходе он и ждал нас. Громадный бык (вот с ним бы встретиться зимой на номере) воинственных намерений не проявил и с достоинством, не торопясь, удалился в глубь лесных дебрей.

Днем болото преодолели значительно быстрее, чем ночью, и без всяких последствий. Вышли на «твердую» землю. Много следов кабана. Как быстро разрослось их стадо. Лишнее свидетельство тому, что можно сделать при правильном ведении охотничьего хозяйства.

Труднее оказалось сохранить глухаря, но и это здесь, на воспитанной Пришвиным «журавлиной родине», удалось.

— Совсем еще недавно, — вспоминает егерь, — эту редкую дичь выбили почти начисто. Но стали строго охранять, и древняя птица вновь возродилась в глухих угодьях.

Послышались клики ворона.

— Услышал нас, — заметил Алексей Иванович, — у него здесь на высоковольтке гнездо.

— Где, где? Я не ослышался?

В самом деле, из железного желоба на самом верху близкой мачты, что стоит рядом с лесной дорогой, торчат сухие ветки. Такую редкость нельзя не сфотографировать.

— Вот уж который год подряд устраивает гнездо либо на этой, либо на соседней мачте. Чем она полюбилась острогой птице, понять не могу?

Как видно, тенденции к углублению урбанизации нашей жизни не обошли стороной и птичий мир. Если уж такая нелюбимая птица, как ворон, привычной лесной глухомани предпочла для квартиры творение рук человеческих, то что же говорить о других птицах, которые к нам ближе.

Грачи, например, все чаще оставляют кочевую жизнь аграрников и становятся оседлыми горожанами. Особенно много их зимует в Москве.

Вот и кончилась охота. Не спутствовали ей ни ясная звездная ночь, ни нежный розовый рассвет, но переживания, волнений, удовлетворения она доставила столько, что буду жить ею до... следующего весеннего тока — вдруг этот глухарь окажется не последним.

Фото А. Севастьянова

Ну, заяц, погоди!..

В. ГРЕКОВ

ралась ватага человек пять-шесть бес-собачных и шли в разведанные места, порой за 8—10 километров, где кто-то из них видал или слышал о следах зайца.

Обычно охота протекала следующим образом: дед, зная все места, расставлял неопытных (бывалые становились сами) и отправлялся с собакой подымать косого. И действительно, вскоре воздух оглашался собачьим лаем, затем следовал выстрел и крики: «Гоп, гоп, дошел!», счастливчик демонстративно медленно отрезал пазанки для собаки, подвешивал добычу на ремень и закидывал через плечо. Я сквозь щелочки больных век с завистью мог любоваться зайцем лишь таким вот образом. В то время я был чрезвычайно слаб, а на такого, как известно, садятся всякие болячки. Меня тогда замучили ячмени: один нарыв созрел, а на смену ему зарождались три новых, оповещая зудом о своем скором появлении. И сколько из-за этого я натерпелся обид, так как, по местному обычаю, надо невзначай харкнуть в глаз, и ячмень пропадет. В общем, я просто устал драться с доброжелателями.

Как-то дед спросил:

— Чаво это тебя мать не вылечит, бают, что она врач знатный?

— Она предлагает аутогемотерапию, то есть взять кровь из руки и всадить ее в задницу.

— Давай я тебя вылечу, — предложил Микадо.

— Хорошо, только не плюй в глаза, не помогает.

Итак, для лечения после очередной охоты дед прислал ползайца, рассеченного вдоль позвоночника. Я должен был собрать с лопатки и почки жир, выпотить в русской печи и закладывать полученное снадобье под веки и смазывать их снаружи. Заяц с наставлениями доставили утром. А когда я вернулся из школы, оказалось, что бабушка уже приготовила из дичины замечательное жаркое. Во второй раз дед прислал уже выпотленное сало, и я начал лечение — сало щипало веки, но это были цветики по сравнению с ячменями. И надо же, вскоре ячмени начали пропадать: чувствую, что завязывается в глубине, начинает зудеть и рассасывается, а затем и напоминания прекратились. Великое спасибо деду Ми-

Как ни странно, но моя охотничья карьера началась с зайцев, и, естественно, к ним был особый счет, и, словно папановскому волку, впору было кричать: «Ну, заяц, погоди!» Так, на первой охоте результативнейший охотник Горьковской области преследовал по ветру (?) зайца чуть ли не десяток километров, а при возвращении против ветра жестоко обморозился. С тех пор прошло больше полувека, а до сих пор — руки, уши и нос не терпят холода!

Когда я стал наконец счастливейшим обладателем на редкость потрепанной одностволочки 24 калибра, то первый в жизни выстрел из ружья был опять-таки по зайцу, который, обнахалившись, прибежал днем в огород глотать деревья. Этот косой после выстрела на махах укатил за околицу, а гвоздь, что заменял боек, отразившись от курка, улетел невесть куда, не причинив мне вреда.

Мои теоретические познания о зайцах, когда я слушал с величайшим удовольствием рассказы бывалых охотников, росли, как снежный ком в оттепель. Теперь я уже мог отличить, какой след гонный, какой жировочный, какой идет на лежку, и наконец уяснил главное: заяц, путая следы, перед тем как залечь, делает сдвойку, возвращаясь в пятую, и сметку в сторону обычно под прямым углом, а самые хитрые делают по 5—6 сметок под острым углом, и, чтобы их взять, надо тут же бросать след и обходить кругом наиболее вероятные места для лежки. Кроме того,

не следует терять время в короткий зимний день на распутывание жировки — ее надо просто обходить и высматривать выходной след, который обычно ведет к лежке.

В общем, в теории я преуспел, а вот на практике зайцы бессовестно надудали меня, и немудрено, что я пристал к специалистам. Как это случилось — забывал, но в южной части райцентра Шатки, на главной улице жил знатный зайчатник, дед Шерстобитов, что никогда не спал и всю долгую ночь сидел, словно сыч, на печке, решая, куда податься на следующей охоте. И еще дед был знаменит своим прозвищем: у всех прозвища как прозвища, без них в волжско-камском крае не принято, а вот у деда экзотическое — Микадо! Отчего Микадо, почему Микадо — никто не ведал и, кто ему прилепил необычное клеймо, пояснить не мог. Да и какой он Микадо: среднего росточка, сухонький, из огромных валенок торчат, как палки, худющие ноги, на голове неизменная шапка с одним ухом, торчащим вверх, потому что этим дед хорошо слышит, а в другом ухе постоянно звенит.

Ходил ли дед летом по перу, не знаю, не встречал, но вот зимой гонять зайцев для него дело святое, а посему он держал русскую гончую. Честно говоря, она доброго слова не стоила, но дед не менял кобеля; может, из сердобольности, а может, ему доставляло удовольствие постоянно выправлять сколы питомца и править бал. Посему дед один не охотился, и на выходные соби-

кадо, жаль, что поздновато начал лечить, так как старческие мешки под глазами еще долго и не по возрасту сохранялись на моем лице. Но это еще что! В то время я не верил ни в чертовщину, ни в какую ни есть магию. Взрослые меня предупреждали: «Не садись по большому делу под куриным насестом — бородавки замучают». Я же облюбовал нарочно запретное место, и точно замучили бородавки — буквально обсыпали все руки. Увидала это ветхая старушка Христинья и говорит: «Давай я их тебе выведу». Я не мог обидеть дальнюю родственницу и терпеливо сидел, пока она завязывала узелочки на суровой нитке над каждой бородавкой и при этом что-то нашептывала, а закончив, нитку велела бросить в навоз и пообещала: «Как сгниет нитка, так и бородавки сгинут». Не веря во все это, я все же бросил в навоз нитку. Самое интересное, что бородавки, действительно, вскоре исчезли и больше не появлялись. До этого я их вырывал с корнем, прижигал папиросами, но тщетно. Теперь мне известно, что вирус папилломы повинен в появлении бородавок, а вот как вирус оказался подвластен наговорам старухи?

Я стал терять интерес к охоте с гончей и однажды высказал свою обиду деду. Он наконец поставил меня на верное место, впереди всех на дороге, которая метрах в ста выходила из леса и отрезала острый клин березняка. Вскоре Микадо вместе с кобелем подняли на поле русака, и тот, сделав небольшой полукруг, покатиł дорогой ко мне. Сердце чуть не остановилось, а душа ушла в пятки. Заяц, добежав до леса, свернул с дороги и понесся вдоль него полем. Мои ноги примерзли к снегу, я остолбенел и не в силах был пошевелиться, чтобы не испугать косого. Появился разгневанный дед, разобрался в следах и в сердцах сказал: «Надо было бы подбежать, и был бы с зайцем!» Тут же он поставил впереди меня на дороге опытного охотника с двухстволкой 20 калибра фирмы «Пиппер-Баард».

Дед нашел на поле скол, выправил кобеля, и вновь начался гон. На втором кругу заяц вновь вышел на дорогу, оказался буквально под ногами у бывалого. Вот он споткнулся, перевернулся через голову и растянулся на дороге. Одновременно показался дымок, и лишь после этого долетел звук выстрела. Чтобы отвести меня от охоты с гончими, лучшего способа и не придумаешь!

Я продолжал бывать у деда, ходил с ним по кунце и на другие охоты, собирал в лесу дикие семьи пчел, но с гончими — завязал! В общем, решил тропить зайцев во время зимних каникул в селе Михайловке, где не было охотников и куда не заглядывали пришыле.

Перед каникулами разжился припасом, а вот капсюлей не нашел, и за ними я отправился к Сергею Карягину, что жил возле бывшей речки Ванячки. У него я получил немного капсюлей и

пожаловался на погоду: «Небо вызвездило, ударил мороз, снег хрустит, какая уж тут охота!» — «Не бойсь, завтра будет пороша, — успокоил он. — Смотри, кошка когти дерет». Действительно, кошка встала на задние лапы и, прогнувшись в спине, царапала ножку лавки. Вот так с надеждой на лучшую погоду я отправился восвояси.

Еще потемну я собрался, взял в подарок два яйца, сваренных вкрутую (без подарка не принято), привязал на веревочку лыжи, чтобы катились за мной по дороге, и вышел на улицу. При этом первое, что удивило — потеплело, небо заволокло тучами и на земле была самая настоящая пороша!

Примерно на полпути нового снега стало меньше, а через 10 километров, в Михайловке его выпало самую малость. Выходит, что кошки способны предсказывать погоду даже на крошечной территории: вот и не верь приметам.

В первый день, отдохнув малость, я устремился на охоту, но к этому времени следы занесло ветром, и я ехал просто наугад по Глинищам. В вершине небольшого овражка, занесенного снегом, вдруг подбросило правую лыжу, и из-под нее выскочил здоровенный русачина. Сначала я опешил, затем начал лихорадочно снимать ружье, надетое, как принято, через плечо, и, когда я наконец был готов к выстрелу, косой скрылся за бугром. Все каникулы каждый следующий день я начинал охоту с этого самого места, где выскочил заяц, или приходил сюда среди дня, так как меня неоднократно тянуло в этот овражек. А заяц, видимо, наоборот, избегал это место, где допустил непростительный промах, потому что ни в этом, ни в следующем году я его больше там не встретил. Этот урок я запомнил на всю жизнь, и, когда меня зовут в то место, где гоняли что-то, стреляли во что-то, я не устаю приводить этот поучительный случай.

Первые дни нам не везло: то погода не та, то, подняв зайца, мы гоняли его полный день, то подшумела постоянно сопровождавшая ватага ребятишек. А вот на Рождество нас с братом Борькой разбудила тетя Надя стихами, из которых выходило, что на дворе отменная пороша, а охотники спят. Более того, на столе нас ждало праздничное угощение: стопка горячих блинов, испеченных в русской печке.

Когда мы вышли на улицу, брат решил оббить лед на лыжах, который всегда образуется под ступнями. После третьего удара прикладом берданки 28 калибра... грянул выстрел. К счастью, никто не пострадал, но нам пришлось вернуться и зарядить пустую гильзу, так как их было всего три штуки.

Уже совсем рассвело, когда мы, сопровождаемые ватагой мальчишек, пересекли улицу и направились к Глинищам, но сразу на дороге, что за огородами, взяли два следа. Заяц прошел метров 300 и жировали на озимке ночью, о чем свидетельствовали характерные следы и копии. Следуя настав-

лениям бывалых, мы стали объезжать путаницу следов на жировке. Вот и первый деловой след — уступаю его брату, за которым увязались соглядатаи.

Вскоре попался и второй выходной след, который повел к надувам у изгороди палисадника... Но тут раздались вопли откловшихся: «Заяц, заяц! Бежим, скорее...» Действительно, стронутый косой промчался мимо мельницы и скрылся за покотом к речушке Нарзимке, а вслед за ним умчалась завывающая разноголосая дружина, и я остался один, ибо твердо усвоил, что здорового зайца не догонишь.

Как только округа успокоилась, я двинулся по следу. Вот и скидка, одна-единственная. «Видать, молодой и ленивый», — подумал я. Сбросив в сторону надувов, он выкопал в них нору. Я приготовился, сердце бьется так, что, наверное, косой услышит. Во рту пересохло. Тихонечко приближаюсь, но зайцу нора не понравилась, и след ведет дальше. А вот и вторая! Подхожу вплотную, благо снег мягкий, заглядываю в настоящий тоннель и ничего не вижу, ишу след, но он кончается у входа этой норы. Значит, заяц здесь! Стою, трясусь от волнения; наконец голова начинает что-то соображать, как вдруг метрах в двух от входа заметнулся снег и сизый русак помчался в полуугон. От неожиданности я выстрелил навскидку и надо же — попал! Вспыхав выскочил из лыжных ремней и буквально по пояс в снегу полез к долгожданной добыче. Боюсь, чтобы не ушел, а заяц даже не пошевелился — уж больно много дробы в него попало накоротке.

Только я подвязал зайца и направился вслед умчавшимся, как из-за бугра появилась разгоряченная погоней рать во главе с братом. Когда они увидели зайца, то общему восторгу не было предела. Как только все утихомирились, я спросил: «Ну что, догнали зайца?» — «Чай, его догонишь, вон какие у него ноги длинные», — ответили хором. «Так, значит, не надо больше гонять», — заключил я.

Вблизи Нарзимки нам попался еще один след, судя по его характеру, вел к лежке. Однако он довольно долго прямовал и привел к овражку. Брат пошел по правой стороне, я — по левой. В овражке печатный след говорил: одна сдвойка и сметка под правый склон. Следуя взглядом по следу, я вдруг увидел под надувом в неглубокой лежке зайца. Показываю Борьке знаками, что, мол, заяц под тобой, будь наготове, и не знаю, почему не стреляю, хотя до него не более 20 метров. Брат не понимает и разводит руками. Так мы семафорили друг другу, пока косой внезапно не прыгнул вниз и помчался по дну овражка к недалекой вершинке. Метров с двадцати мы выстрелили разом — полетела шерсть, заяц же как ни в чем не бывало укатил по полю и скрылся из виду. Мы пошли по следу, но счастливчик не только не хотел умирать, но даже не кривил по следу. Пару километров косой шел на больших ма-

хах, затем пересек Назимку, забрался на Новискую горку, и там мы его потеряли в путанине следов других зайцев.

Нам ничего не оставалось, как начинать все сначала. Решили обходить жировку (не менее двух зайцев) с двух сторон... Борька на изготовку пошел в самую путаницу следов, и у него выскочил огромный русачина. Прогрел спешный выстрел — и заяц, справившись, припадая на переднюю ногу, поковылял к перелескам. Оказывается, брат заметил в жировке попокку, решил проверить и выгнал зайца. Больше мне не приходилось видеть лежку на месте жировки.

По всем рекомендациям бывалых, раненому зайцу надо дать облежаться с часик, и тогда он подпустит, а так можно гонять по горячке хоть целый день. Но у нас не было времени. Вечерело. Поэтому будущего охотника Володю Кармишина мы послали по следу, чтобы он гнал и время от времени покрикивал.

Не знаю, из каких соображений я выбрал низинку и расставил вдоль нее ребятшек, затем поставил брата и встал сам. Вскоре покрикивания Володи стали приближаться: тревожно зацвенькали птички, и в ложинке показался заяц. Он медленно ковылял вдоль

нашей цепи. Смотрю, брательник целится, раздается выстрел, а заяц продолжает бежать в таком же замедленном темпе. Вот он на моем уровне, я тщательно выцеливаю, стреляю, но заяц, как заговоренный, спокойно прыгал дальше. У брата кончились патроны, а я, перезаряжая на ходу, пустился вдогонку. Метрах в 50 он закопался и был извлечен из норки. Дома мы взвесили обоих зайцев: молодой самец потянул на 4,5 кг, а старая самка ровно 7 кг! Разделав зайцев, мы отрубили половину вдоль хребта загонщику и наконец разговелись зайчатинкой, добытой самостоятельно... А дальше пошло и поехало — лиха беда начало. Ежедневно, хотя и не было порош, мы успевали найти одного-двух зайцев, пока эти следы вновь не заматало. Обычно зайцы залегали в огородах, под амбарами, у скотного двора и на околице по мини-речушке Нивлейке, которая впадала у кладбища в Назимку. На удивление сочными именами наградили предки эти ручейки и речушки.

Провожать меня домой пошел брат. Планировалось, что за Новой деревней я выйду на большак и двину в Шатки. Однако возле Новой деревни попался след, ведущий на лежку. Решили про-

верить, тем более что было попутно. Вскоре след скрылся под амбаром. Я велел брату шумнуть, а сам вышел на противоположную сторону. После первого окрика заяц выскочил вблизи и был чисто взят. Итак, домой я вез трех зайцев и подарок тетки — два яйца, сваренных вкрутую, ведь без подарка не принято!

Благодаря деду Микадо, охоту с гончими я так и не полюбил, хотя, учась в Московском пушно-меховом институте, мы вместо собаки пользовались услугами второразрядника по бегу, студента нашей группы А. Никульцева. К его чести, на гону он был неутомим, имел высокий доносчивый голос, и из-под него мы взяли немало беляков. Но все это не то, а вот тропить для меня и сейчас огромное удовольствие. Будучи на юге Азербайджана и в Северном Причерноморье, в редкие пороши, когда зайцы делают сплошные тропы, поскользку их там не в пример больше, чем в средней полосе, я нашел решение, как довольно быстро их находить. Теперь и сын мой не признает лучшей охоты по зайцу, чем тропление по поздней пороше. С моими фоксиками весьма добычливо трусить лесополосы, но все же тропление гораздо интереснее.

Двоюродные братья Николай и Борис на охоте

Фото В. Грекова

В сентябре минувшего года, отработав в отделе собаководства МООиРа более сорока лет, вышла на пенсию Нина Викторовна Мамаева.

С 1969 года она беспрерывно несла на своих плечах совсем не простые обязанности начальника этого отдела. Пытаюсь понять, где брала силы эта милая и всегда доброжелательная женщина для того, чтобы не просто вести работу в обществе, а сделать отдел известным и уважаемым кинологическим центром. Хорошо представляю, как непросто, с одной стороны, выполнять требования председателей МООиРа (таких разных, как Николай Сергеевич Беляев, Иван Михайлович Куприянов, Иван Васильевич Величкин, Владимир Петрович Туманов), а с другой стороны — руководящие инициативы кинологического совета. Но наперняка труднее всего было с охотничье-собачьей общественностью. Ведь некоторые из нас ведут себя как президенты «народной лиги экспертов» или председатели комитета ветеранов броуновского движения. Конечно же таких «председателей» было не много.

Не представляю, как можно было не завалиться документами, связанными с племенной работой по всем породам, с отчетами и документами по полевым испытаниям и состязаниям. Да и их организация в нашей области дело далеко не простое.

А проведение только одной выставки, кажется, может унести половину жизни. Но ведь выставки проводились ежегодно не только Московские и областные, но и Всероссийские и Всесоюзные. Так вот, пытаясь ответить на вопрос, где Нина Викторовна брала силы и что ей помогало, невольно вспоминаю свои впечатления сорокалетней давности, когда впервые для приобретения щенка гончей при-

Нина Викторовна Мамаева

шел в отдел собаководства, который в ту пору «прятался» в закутках проезда Владимира. Увидев молодую очень красивую женщину с добрыми лучистыми глазами, совсем не сразу вспомнил, зачем пришел. Еще осталось ощущение какой-то необычайной доброжелательности.

Казалось, что она говорит не с только что вошедшим незнакомым человеком, а со старым и добрым другом. Пожалуй, в Божьем даре относиться ко всем с любовью и есть ключ ее жизненного успеха.

Всем нам очень повезло, что Нина Викторовна оказалась «на месте» и по образованию и по сердечной привязанности к собакам. Сегодня о десятилетиях в самом центре кинологической жизни Нина Викторовна вспоминает как о самом значительном общении с выдающимися кинологами — яркими людьми: Сергеем Васильевичем Бутыгиным, организовавшим во время войны выдачу продовольственных карточек на охотничьих собак, что серьезно помогало жить и их владельцам; легендарными лаечниками: Людмилой Владимировной Ушаковой, Иваном Сергеевичем Зажилым, Владимиром Васильевичем Григорьевым; выдающимися экспертами-кинологами по легавым собакам: Александром Александровичем Чумаковым, Евгением Эмильевичем Клейном, Борисом Александровичем Калачевым, Петром Михайловичем Юдкиным. Конечно же собаки и охота были основными средствами восстановления душевных сил. К счастью (и для всех нас), рядом есть очень крепкое и надежное плечо, светлая голова и доброе сердце — Валерий Владимирович Бедель. В значительной мере благодаря их совместным усилиям наше собаководство избежало полного развала на отдельные секции, частные питомники и клубики.

Уверен, что многие тысячи охотников (тех, кто охотится с собаками) объединятся в искренней благодарности Нине Викторовне и пожелании еще многих удачных охот и здоровья всей ее семье, включая собак.

В. ТИХОМИРОВ

УВАЖАЕМЫЕ ОХОТНИКИ, РЫБОЛОВЫ И ТУРИСТЫ!

Фирма «Оборонтех» (основана в 1992 году) проводит кампанию по заключению договоров на 2001 год

Мы предлагаем:

Свыше 600 наименований охотничьих, рыболовных и туристических товаров отечественных производителей

Отгрузку товара по 50 % предоплате и взаимозачету

Отправку товара в любую точку России багажом, ж/д контейнером и авиатранспортом

Заявки по почте и факсу (круглосуточно)

Офис и склад в одном здании. Удобное место нахождения (район 3-х вокзалов)

Быстрое обслуживание клиентов на складе. Оплата: наличный, безналичный расчет

Принимаем на реализацию охотничьи, рыболовные и туристические товары

Будем рады сотрудничать с отечественными производителями

Наш адрес: 107140, Москва, ул. Верхняя Красносельская, д. 15, стр. 2, оф. 253

(5 минут ходьбы от станции метро «Красносельская»)

Тел. (095) 264-84-56, 264-80-76, факс: 264-55-01

Мы продолжаем знакомить читателей с охотой в США, с охотой глазами женщины — Джой Мак-Грэйл («Охота и охотничье хозяйство», № 11—12, 1992; № 3, 1996; № 1, 2000). На сей раз, живо и эмоционально, как и в прошлых рассказах, речь пойдет о стрельбе фазанов и их приготовлении. Джой уверяет, что охота на фазана — это самая что ни на есть американская традиция. Наши читатели могут быть несколько озадачены: ведь «традиции» этой всего лишь немногим более века... Видно, янки попросту забыли об ее истоках, раз традиция так глубоко выросла в американскую почву. Ради справедливости придется дать справку: в самом деле, фазанов впервые выпустили в 1773 году на территории штата Нью-Йорк, как раз там, где охотилась Джой со своим супругом. Но эта акклиматизация увенчалась полным провалом. Принято считать, что первый удачный выпуск фазанов в США имел место в 1880 году в штате Орегон, на тихоокеанском побережье США. А уже через 10 лет на них решили охоту. Мало того, в 1896 году фазаны стали угрожать зерновым! В американской прессе всерьез обсуждался воп-

рос, не превышает ли ущерб, причиняемый этими вторженцами из Европы, ту пользу, которую они действительно приносят? «Посадочный материал» поступал, кстати, не только из Европы, но и из Китая, так что происхождение заокеанского фазана остается неясным и спорным.

Европейцы познакомились с фазаном еще в античности — взгляните на карту Закавказья и увидите ниточку реки Риони, которую греки называли Фазисом. Именно здесь, в малярийных болотах Колхиды, эллины слышали неумолчный хор «тордоканья», как называют крик фазана охотники. Местные названия фазана определенно звукоподражательны: «мирхав» в Армении или же «гырговул» в Азербайджане.

Помните, у Льва Николаевича Толстого в его кавказском рассказе «Набег»: «Из под ног... с тордоканьем и тем звуком крыльев, который невольно заставляет вздрагивать охотника, вылетел фазан и медленно стал подниматься вверх». Словом, перечитайте кавказские рассказы и очерки Л. Н. Толстого, в особенности повесть «Казак» — о фазанах здесь говорится неоднократно.

Контакты эллинов с Закавказьем еще в глубокой древности хорошо известны: не исключено, что помимо «золотого руна» и прекрасной Медии греки прихватили на родину и «фазиануса», а латиняне называли птицу, великолепную во всех отношениях, «фазианус колхикус» — фазан колхидский. Как же не восхищаться? Чего стоило одно оперенье! А тот трепет, о котором писал Толстой?

А гастрономические достоинства?

«Я остановился в гостинице, где останавливаются все проезжие и между тем некому велеть зажарить фазана...», сокрушается Михаил Юрьевич Лермонтов. И далее: «Максим Максимович имел глубокие сведения о поваренном искусстве: он удивительно хорошо зажарил фазана, удачно полил его огуречным рассолом... Бутылка кахетинского помогла нам забыть о скромном числе блюд, которых было всего одно...». Раз уж мы заговорили о Кавказе и кулинарии, на «колхикуса» охотился великий охотник, писатель и гастроном Александр Дюма, причем на родине фазана — на берегах Куры и Риони. Дюма стрелял этих птиц и на своей родине, во Франции. Католические мона-

«ИЗЫСКАННЫЙ» ФАЗАН

хи привезли фазанов из Рима еще в XIII веке, и они стали обычным объектом охоты в Средней Европе.

На русские и французские традиции могут претендовать и британцы: стрельба «колхикуса» выросла в культуру охоты англичан. Это не удивительно; его ареал, искусственно расширенный и постоянно поддерживаемый человеком, доходит на севере до Южной Швеции, Дании, Финляндии и Великобритании.

«Стояла третья неделя ноября, самый разгар охоты на фазанов. В Дальнем Лесу не смолкала пальба... Неподдалеку... снова раздалась стрельба. Над верхушками высоких сосен взлетали фазаны. Видно было, как азартно палил молодой мистер Мейер, стоя в конце линии, и слышно было, как со стуком падали подбитые птицы...

Сверху раздался треск. Подбитый фазан-петух, падая по длинной косой траектории, свалился рядом... увлекая с дерева целый ворох сухой листвы».

Этот отрывок принадлежит перу Редьярда Киплинга. Великолепный рассказчик, по сведениям, не охотился, будучи поклонником спиннингового ужения. Но не шапочное знакомство с коллективной охотой на фазанов, точность описания чрезвычайно убедительны.

Блюда из фазана — шедевр европейс-

кой охотничьей кулинарии. Даже убежденный холостяк Шерлок Холмс становится гурманом, когда речь идет о «колхикусе». Во всяком случае, об этом сообщает его летописец доктор Уотсон (а с ним и Артур Конан Дойл): «...на скромном обеденном столе нашей квартирки появился роскошный холодный ужин. Здесь была парочка холодных вальдшнепов, фазан, паштет из гусиной печенки и несколько пыльных, покрытых паутиной бутылок старого вина».

Эти примеры можно множить бесконечно, и при «ракетном залпе» фазана вздрагивают не только все охотники Средней и Южной Европы, но и добрая половина стрелков на территории азиатского континента: от Турции до Японии. В средневековье охотились на фазанов в Китае и «стране восходящего солнца» с ловчими птицами, преимущественно ястребами тетеревишками.

Итак, и с западного побережья, и с востока «фазрианус» внедрен в Америку, и он, вероятно, задорно возвестил о себе: «тордок-тордок!»

Напоследок мы не можем не удержаться, чтобы не упомянуть еще одного американского писателя, самого «охотничьего» из всех:

«... когда взлетает фазан, и, как только он поравняется с вершинами деревь-

ев, вы целитесь в него, потом немного выше, и после выстрела он перевертывается и с глухим стуком падает на землю. Охотиться на фазанов с загонщиками — за это не жаль никаких денег...

Вспоминаешь, каким это казалось чудом, когда ты подстрелил первого фазана, как он с шумом выпорхнул прямо из-под ног на куст терновника и упал, трепыхая крыльями, и как пришлось дожидаться темноты, чтобы нести его в город, потому что охота на фазанов была запрещена, и, кажется, до сих пор еще чувствуешь его тяжесть за пазухой и длинный хвост, засунутый под мышку...

Пронзительные строки! Как все узнаваемо — разве что мой первый фазан упал колом и не было мне нужды его прятать... Но все это было на «исторической родине» фазана и очень далеко от США. Тем более смиренно склоняю голову перед лаврами Хемингуэя.

Ежегодный отстрел фазанов в США составляет 10—12 млн. штук. Джой МакГрэйл между делом сообщает сведения об организации охоты на фазанов в условиях заказчика, а также «диким способом». Правда, ее семейная книга издана в 1969 году, но мы полагаем, она представляет интерес не только исторический...

А. ЧЕГОДАЕВ

Д. МАК-ГРЭЙЛ

Охота на фазана — настоящая церемония. За каждым действием, за каждым способом охоты — целые поколения устоявшихся правил и многолетнего опыта. Так повелось, что на этой традиционной охоте, столь приятной и удачливой, мы буквально следуем старым обычаям.

Стрельба по фазану обычно начинается с начала охотничьего сезона, а наш ритуал — куда раньше, на стенде, используя ручную машинку до самого дня открытия. Мы всегда огорчались, когда наша весенне-летняя стрелковая подготовка заметно ухудшалась, хотя было достаточно одного дня охоты, чтобы после полудня вновь обрести спортивную форму.

Этот год, однако, был исключительно тяжелым. Гладкоствольные ружья для фазана бывают либо без дульного сужения с достаточно широкой дробовой осыпью, если это одностволка; или же они имеют один ствол — цилиндрической сверловки, а другой — небольшое дульное сужение, если это двустволка. Большой разброс дроби необходим для первого выстрела из двуствольного ружья (обычно из нижнего/правого ствола), а также для одностволки (помпового ружья или самозарядного), поскольку большая часть выстрелов по фазану делается на очень близком расстоянии, а малый разброс делает поражение весьма проблематичным. Трудности этого года состоя-

ли в том, что Билл вообразил, будто мы должны охотиться с полными чоками. «Это куда более спортивно», — заявил он, когда я запротестовала, и продолжил: «И к тому же с полными чоками надо стремиться попасть в голову, чтобы потом не выковыривать дробины во время обеда из рта». Я взвилась. Фазан — одно из моих излюбленных, дичных блюд, и я уже представляла себе охоту с «сухим счетом».

Но моя вспышка раздражения и плохие пророчества могли привести к тому, что я осталась бы без фазана в сметанном соусе, — поэтому пришлось пойти на семейный компромисс.

Наконец он сказал: «Ладно. Я беру ружье с полными чоками. Если не желаешь, можешь пользоваться улучшенным цилиндром». Я нагнула полчок на мой любимый, проверенный годами, Ремингтон до самого предела, и мы отправились тренироваться в стрельбе по тарелочкам.

Это был холодный, пасмурный день в конце осени. Когда мы пришли на стенд, серое небо и изморозь полностью скрыли листву в поле и на деревьях. Сиротливые листья и унылая трава были под стать серому ландшафту — во всех отношениях тусклому и неприветливому. Было так холодно, что в пору следовало надевать рукавицы, вот только стрельба в них исключалась.

Мы взяли коробку тарелочек и ручную машинку, а также мой дробовик с полдюжины пачек с патронами. Поскольку Билл пользовался 12 калибром, а я

20-м, мы оставили его ружье и патроны, чтобы снизить до минимума рискованную неразбериху при пользовании разными ружьями и патронами.

Зарядив свой автомат, я начала свое унижение. Подняв ружье и услышав, что Билл где-то сзади сказал: «Приготовься», я крикнула «Дай!», и желто-черный диск вылетел и понесся по серому небу. Я вскинула ружье и сделала три выстрела подряд, а диск все летел, пока не приземлился невредимым. Я быстро перезарядила ружье, надеясь разбить вдребезги следующую мишень.

На сей раз тарелочка пошла стремительно низом. Я задержалась, а надо было накрыть мишень стволами и вести ими за ней, а затем стрелять! Слишком поздно... Я опять услышала «Готовься» и рефлекторно выкрикнула «Дай!». «Голубь» вылетел ввысь правее от меня. Я вскинула ружье, выпалила, и он разлетелся на осколки вместе с грохотом выстрела. Ну наконец-то! Я выкрикивала «Дай!» снова и снова, сделав лишь два чистых промаха.

Билл решил дать мне совет. «Ты не так целишься. Посмотри, мишень летит очень быстро. И не надо целиться в «голубя», а следуй за его траекторией: сначала веди за ним, а потом обгоняй его одним плавным движением. Стреляй лишь после того, когда его обгонишь. Всегда обгоняй цель, иначе всегда будешь запаздывать». Я сконцентрировалась на несущихся тарелочках и золотой мушке на конце ствола,

забыв все остальное, сосредоточившись на двух командах: «Готовься!» — «Дай!», я нажимала на спуск. Следующий час состоял из монотонного ритма бесконечно повторяющихся выстрелов. В конце концов мои руки стали дрожать, а плечо онемело и заболело от отдачи, но зато я разбивала «голубя» в пыль почти каждым выстрелом.

Мы убрали мое ружье и патроны 20 калибра подальше. Я принялась выпускать «голубей» для Билла. Не видя ничего другого, кроме несущихся тарелочек, выпущенных из ручной машинки, я следила за их изгибным, по правильной дуге, полетом в унылом сером небе. Однако Билл прерывал их полет с завидной регулярностью так быстро, что в нас утвердилась уверенность в том, что завтра трофеи будут наши. И мы спокойно отправились домой.

Когда мы добрались до заказника, только что начало светать, стоял туман. Тем временем мы зарегистрировались и выпили по чашке кофе, чтобы убитое время, пока не развиднеется. С егерем мы пошли выбирать собаку. В питомнике нас встретил настоящий «ад крошечный». Каждая собака старалась перелаять другую и показать свое умение прыгать вверх, заставляя обратить наше внимание на нее и только на нее, чтобы мы выбрали именно ее. Егерь выбрал одну из нескольких сеттеров и выпустил ее. Для охоты она выглядела излишне возбужденной, так что мы начали обсуждать, брать ее или нет, но она схватила руку егеря зубами и сама потащила его в угодию. Мы были поражены, когда выяснили, что этому «игривому щенку» на самом деле 13 лет. Ежедневная охота придавала ей азарт, излишек жизненных сил и молодежавший внешний вид. Из-за этого она казалась моложе, чем на самом деле. Ее глаза блестели в предвкушении любимого дела. Она прыгала вперед, бросаясь на вспархивающих фазанов, которые вылетали из кустов по пути к месту охоты.

Утренний туман опустился влагой на листья и траву, а это значит, что фазаны будут сидеть крепко, подниматься неохотно. Однако, как бы то ни было, дичь уже есть и собака тоже. Мы ее отпустили и начали охотиться.

Первый охотничий участок представлял собой пять акров¹ нетронутой травы с редкими желтыми стеблями. Ее окаймляли кустарниковые заросли кизила с яркими розовеющими листьями, а темно-зеленые сосны служили фоном. Я не была уверена в существовании на этом поле хоть одного единственного фазана из-за того, что заросли были весьма редкими и все просматривалось насквозь. Но все же собака, которая тоже включилась в охоту, замерла в мертвой классической стойке — нос вперед, хвост трубой.

Первый выстрел был моим, поэтому я подошла к ней сзади примерно на двадцать футов². Егерь послал собаку

в кусты, чтобы поднять птицу на крыло. Она забегала и замельтешилась, но безуспешно. Егерь так же присоединился к ней, облекая кусты.

Птица неожиданно взлетела прямо вверх, между собакой и егерем. «Бей!» — закричал он, а я оцепенела. Меня постоянно натаскивали — никогда не направлять даже разряженное ружье в ту сторону, в которую нельзя было стрелять, а егерь все кричал мне, чтобы я стреляла по фазану, находящемуся в 10 футах над его головой. Я не смела и не хотела стрелять, пока птица находилась поблизости от него, но после характерной свечки фазан изменил направление и потянул к дальнему краю поля, в 75 футах отсюда. Когда он отдалился футов на двадцать, отлетев подальше от егеря, я выстрелила. Но единственным следствием моего выстрела было только то, что птица удвоила скорость полета. Еще двадцать футов, и я ударила вторым, но с таким же результатом. Команда егеря — бить птицу прямо над его головой — настолько выбила меня из колеи, что я потеряла контроль над собой. Однако я взяла себя в руки, сделала глубокий вдох, задержала дыхание, повела стволом за птицей, опередила ее и выстрелила не прекращая плавного движения ствола. Сложив крылья, фазан рухнул камнем у опушки леса, в 75 футах от меня.

Будучи в полном восторге от выстрела, я возблагодарила Билла за его настойчивые требования по поводу использования полных чоков. На такой дистанции широкая осыпь была бы совершенно бесполезной. Я повернулась, чтобы поблагодарить Билла за тренировку, которая помогла мне сделать такой удачный выстрел, и увидела, что он выбросил гильзу из магазина своего ружья. Оказывается, он выстрелил одновременно со мной! Так что добыча, видимо, была его, а не моя.

Собака потрусила ко мне, деликатно держа фазана в пасти. Егерь отобрал у нее петуха и с восхищением передал его мне, но мой триумф был омрачен. «Это петух Билла, — сказала я. — Мы стреляли одновременно». Билл запротестовал. Он находился так далеко, что его выстрел не смог бы достать фазана. Вначале я ему не поверила, а затем постепенно пришла к такому же выводу, тем более что мне привели достаточно доказательств этого. Все наперебой восхищались этой птицей. Это был великолепный, упитанный петух с ошейником; яркий, медно-рыжий с черными и белыми отметинами. Охристые крылья и хвост испещрены черным, и все это украшала радужная изумрудная голова, окольцованная белым вокруг шеи.

Определив его вес на глаз, я поняла, что петух вполне мог согнаться для роскошного приема на четверых, и подвесила эту красоту на пояс.

Собака снова заработала. Она стрелой носилась взад и вперед по полю короткими зигзагами, вынюхивая и выматривая. От травы ее шерсть намок-

ла, и белая шкура в крапинку превратилась в желтые, влажные комки. Мы двигались шеренгой за ней по полю: егерь следовал рядом, Билл слева от центра, я — справа. Несмотря на неустанный поиск нашей собаки, ни одна птица в поле не поднялась. И вдруг, в самом конце, она вновь встала в стойку; ее нос точно нацелился в центр кустарниковых зарослей высотой в 15 футов. Билл подобрался, а егерь двинулся, чтобы вспугнуть дичь. Еще миг-другой, и мы услышали треск крыльев — птица сидела крепко и наконец-то вырвалась из зарослей, будто взорвалась. Ружье Билла не мешало, и он сбил ее как раз в тот момент, когда она вылетала из зарослей. Собака вернулась с птицей как раз в тот момент, когда егерь поравнялся с нами. Сеттер положил фазана у ног Билла и начал ждать, когда егерь очистит его пасть от перьев. На сей раз это была курица; она мельче, чем мой трофей.

Мы оставили наших птиц на перекрестке двух участков, чтобы джип, объезжая заказник, забрал дичь; и затем двинулись к следующему полю. День был солнечным, и листья подсохли. Легкий ветерок шевелил ягоды кизила. Порыв ветра заставлял дрожать и разворачиваться ярко розовеющие листья, изнанка которых мерцала на ветру серебристым отливом, похожим на солнечные блики переливающейся воды. Когда ветерок утих, они сразу же поблекли, будто его порыв вначале включил всю иллюминацию, а потом погасил волшебный свет кизильных кустов. Перед нами высились заросли горьковато-сладких ягод. Некоторые из кустов с оранжевыми гроздьями достигали 20 футов в ширину, были очень густыми и непролазными. Высокие деревья ясеня безмолвно и безучастно смотрели на игру красок на фоне леса; упавшие стволы скорбно нарушали веселый пейзаж; их мрачная окраска, от желтой до бурой, оттеняла окружающее беззаботное легкомыслие.

Следующее поле представляло собой убранный урожай зерновых. Ряды бурых, изломленных стеблей выстроились вдоль десятиардовой³ дорожки с полуардовыми интервалами. Земля была голой, уныло-бурой, без всякого подраста, если не считать пропущенных стеблей. И опять я вообразила, что дичью здесь и не пахнет, и вновь я оказалась не права, потому что такая же уныло-бурая фазанка вспорхнула с уныло-бурой почвы; ее черные отметины на оперении точь-в-точь повторяли неправильные черные узоры — тени среди стеблей. Я стреляла трижды, но она улетела невредимой.

Собака была с нами и продолжала работать. Теперь она искала дичь для Билла. Он срезал выстрелом еще одну фазанку, которая перелетала поле. Тем временем мы пересекли этот участок: я взяла еще одну упитанную фазанку, а Билл сбил лоснящегося петуха.

На пути к охотничьему домику мы ре-

¹ 1 акр — 0,405 га.

² 1 фут — 30,48 см.

³ 1 ярд — 91,44 см.

шили вытоптать дичь в молодом лесу. Здесь стрельба была более трудной — птицы срывались под прикрытием веток, мелькая в их просветах. Первая вылетела у края небольшой долины. Билл выстрелил и промазал, фазанка спланировала и укрылась в кустах. Егерь и Билл послали собаку, чтобы ее выгнать, а я тем временем перебралась через увал. Услышав громкий треск крыльев, я обернулась и увидела, что фазан несется прямо на меня, в 20 футах. Я ударила, и петух рухнул прямо мне под ноги. Подняв свой трофей, я бросилась к Биллу, чтобы похвастаться своим, неслыханно трудным, выстрелом.

Когда я добралась до Билла, то нашла его и егеря ошарашенными. Собака встала в стойку, постояла, сорвалась со стойки, бросилась вперед, вновь встала в стойку и повторила то же самое. За одну минуту четыре-пять раз сконфуженное животное меняло свое положение, продвигаясь на 10—12 футов вперед, вставала в стойку, ее держала и ждала. Мы двигались за ней, теряясь в догадках. Фазанка буквально убегала от нас. Это была та самая птица, в которую стрелял и промахнулся Билл, а потому мы были уверены, что она обязательно должна взлететь. Казалось, словно она изучила правила, согласно которым пернатая дичь должна подниматься на крыло, и потому предпочла удирать на ногах. Мы следовали за ней скорее из чистого любопытства, а не ради желания подстрелить эту хитрую курицу. Она же устроила нам прогулку длиной в четверть мили⁴ короткими перебежками по 20 футов, пока наконец-то не поднялась на высокую сосну, прыгая с ветки на ветку, будто берегла крылья, чтобы не превратиться в хорошую мишень.

Бедная собака была совершенно сбита с толку. Ее мировосприятие было разрушено, хотя свою часть она исполнила в совершенстве. Она чуяла птицу, вставала в стойку, бросалась, чтобы поднять ее на крыло. Но вместо треска крыльев, громких команд и обмякшего трофея, который надо было подать хозяину и выплюнуть перья, птица от нее убежала! И к тому же возбродила на дереве. Собака была ошеломлена, она принялась влезать, находясь на грани истерики. Это беспардонное нарушение охотничьего этикета было свыше понимания для такой воспитанной собаки, и мы решили, что этот опат слишком силен для ее нервов — пора было заканчивать охоту. Добытых нами пять первых птиц положили в джип, который раскатывал по заказнику, но мою последнюю добычу я оставила себе. Это был трудный выстрел в голову, которым я горжусь, и поэтому пусть фазан так и висит у пояса. Он будет хорошей иллюстрацией, когда я начну рассказывать вновь и вновь про случай с «королевским выстрелом».

Теперь наши ноги гудели от усталости,

а плечи — от сотен вчерашних выстрелов. Честно говоря, для охотничьего заказчика этот утренний почин был более чем скромным, но для открытия сезона явился хорошей разминкой. Когда мы вернулись в егерский домик, то позволили себе одно из наиболее приятных роскошеств охотничьего заказчика: обменяли наших фазанов на добытых кем-то несколько недель тому назад, но зато ошипанных, выпотроженных, опаленных, выдержанных и замороженных. Наши трофеи попадут в руки каким-нибудь охотникам через две недели.

Хотя в этом сезоне нас избаловала охота в заказнике, мы стреляли фазанов и в угодьях, расположенных вокруг нашего загородного дома. Были соблюдены те же ритуалы, но не в такой степени. Собака, которую мы одолжили, умела стоять в стойке и выпугивать птиц, но не подавала, считая, что любая птица, которую она найдет на земле, ее собственность. Однако мы все же возвращались «с полем», и хотя шансов на добычу здесь было меньше, зато мы имели возможность стрелять вдвоем.

Почти на каждом поле площадью в пару акров или более того было нетрудно поднять фазана. Если поле было убрано из-под пшеницы, ржи или любой другой съедобной для фазана культуры, то это было еще лучше. Пищи для дичи было хоть отбавляй, хватало и семян диких трав. Мы начинали прочесывать с края поля, двигаясь параллельно, а собака перемещалась зигзагами перед нами. Обычно мы находили одного-двух фазанов на каждом поле и научились находить переходы с местами их кормежки. Такой способ охоты приносил такую же богатую добычу, как и в заказнике.

Основным неудобством охоты за пределами заказника являлась необходимость нам самим ошипывать и опаливать наши трофеи, но в этом деле есть и положительные стороны. Хотя ни один нормальный человек не приходит в восторг от ошипывания, но в конце концов вы получаете фазана, подготовленного для копчения или маринования, а также перья, которые можно использовать для декоративных нужд. Мы отделяем перьями вечерние туфли, ленточки для шляп, рамы для картин и жилеты. В общем, фантазия их использования может быть неисчерпаемой.

Перед тем как мариновать или коптить фазана, мы его потрошим и подвешиваем в перо на 5 дней. Он должен висеть так, чтобы солнечные лучи на него не падали, а температура не должна превышать +3 °С. Сняв фазана, его ошипывают, а затем коптят в течение суток (здесь необходима древесина гикори⁵) или маринуют пять суток в вине, уксусе и специях. Если фазан уже замаринован, мы его запе-

каем в сливочном соусе, оттеняющем тонкий вкус вина и мяса, или же сервируем зажаренным в полном оперении.

Мы храним копченого фазана специально для торжественных приемов. Фазан нарезается на тончайшие ломтики, насколько это возможно, и раскладывается правильными рядами, вокруг которых кладутся веточки свежей дикой яблони, с яркими красно-оранжевыми маленькими яблочками и густой изумрудной листвой. Это настоящий шедевр — ему предшествует паштет из фазана, сервированный под красное бургундское, специально для роскошного послетелевизионного ужина. Мы приправляем копченого фазана соусом из смородины, который не мешает тонкому взаимодействию вкусовых оттенков изысканного мяса. Все это представляет собою наилучшее вознаграждение за добычу фазанов.

Поскольку этот «урожай» всегда под рукой, фазан становится обычным блюдом поздней осенью и зимой. Мы постоянно им пользуемся и для повседневных обедов, и для официальных приемов. По меньшей мере раз в году мы устраиваем фазанье пиршество для близких друзей, особенно для тех, кто ценит и понимает изысканную кухню.

Перевод с английского
Александра ЧЕГОДАЕВА

ООО
«Мускон-Лена»
П о к у п а е м:
панты марала
(парковые),
хвосты марала,
изюбря
(свежемороженые),
медвежьи лапы
(свежемороженые,
в шерсти),
шкурки белок

644074,
Иркутск, а/я 5371
тел.
(3952) 43-32-33

Куплю литературу по козерогам,
баранам, о лосе и камчатском медведе.
Тел. (095) 102-73-75
Любовь Борисовна

⁴ 1 миля — 1,609 км.

⁵ Гикори — род американского ореха.

Курьезы охотничьей жизни

Поросенок из бочки

Уважаемая редакция! Много лет пишу вашему журналу. Больше всего люблю читать «Литературные страницы», «На привале», «Голубой песец на ветке», который в последнее время совсем исчез со страниц журнала. Решил написать вам об одном забавном приключении, случившемся со мною во время охоты.

В конце 40-х — начале 50-х годов я любил ездить на охоту совсем недалеко от столицы, в пойму Москвы-реки между городами Раменское и Бронницы. Охота была приличной — множество белой дичи, да и уток хватало. Давным-давно ничего этого нет — пойма превратилась в огромный огород, где выращиваются овощи, что, конечно, разумно, но прекрасные уголья исчезли навсегда.

Охотился «самотопом», собаки у меня не было, зато была молодость и неумная страсть к охоте. В тот выезд, в конце августа, набродившись и настрелявшись досыта, я к вечеру дошел до базы в деревне Кузнецово, где хозяйствовал егерь Николай. Ночевал я обычно на полу в маленькой пристройке к дому, там я никому не мешал и меня никто не беспокоил. Так было и на этот раз. Принесли с Николаем матрац, чистое белье, и я накрыл постель, мечтая скорее нырнуть под одеяло. И тут я увидел в углу комнатки высокую бочку, накрытую тряпкой. В ней кто-то шевелился. Егерь перехватил мой взгляд: «Сегодня совсем неожиданно приобрели маленького поросенка у соседей, очень веселенький и шустрый. Завтра хлев почищу и переведу его туда, а сегодня пока в бочку посадил». Я подошел, поднял тряпку и увидел на толстой подстилке из соломы бело-розовое существо. Оно приветливо захрюкало, и я не удержался и почесал ему пузико.

Рядом с постелью положил фонарик, чтобы ночью поглядывать на часы, погасил свет, залез под одеяло и мгновенно уснул. Проспал, по-моему, совсем немного и проснулся оттого, что в бок мне тыкалось что-то твердое. Спросонком махнул рукой и ухватил какое-то живое существо. Сразу не сообразил, откуда оно взялось. Потом вспомнил, что в углу бочка, а в ней поросенок. Наверно, она оказалась дырявой. Произносятся всякие нехорошие слова, встал, зажег свет, пошел осматривать бочку. Нет, целая! Совсем непонятно, как этот шустрик вылез, ведь не кот же!

Сграбастал поросенка дитя в охапку, посадил в бочку, накрыл тряпкой и снова нырнул под одеяло. Только начал засыпать, как услышал шлепок об пол и стук копыт, которые явно направ-

лялись ко мне. Я и не представлял, что у маленьких поросят такой твердый пятак! Опять крепкие и настойчивые толчки в бок, как я понял, с требованием подвинуться.

Какой уж тут сон! Я сгреб младенца в охапку, зажег свет и принялся выгребать солому, чтобы уменьшить высоту плацдарма для прыжков. Снова опустил поросенка в бочку, закрыл тряпкой, пожалев, что нечем ее привязать. Залез под одеяло, завернулся поуютнее... Но сон не шел, я лежал и слушал, чем занимается в бочке этот акробат, ведь высокая она, мне до середины груди, а пороса совсем маленький. Не спится, этот свинячий паразит весь сон изничтожил. Но в бочке тихо, наверно, угомонился. В тишине я расслабился и заснул. Сон мне приснился свинского содержания: по комнате носятся поросята, хрюкают и тыкают твердymi пятками в бок... Проснулся, фонарик горел и освещал моего мучителя, который действительно хрюкал и пихал меня в бок. Я схватил животину в охапку, прижал к себе, ошалело соображая, что же с ним сотворить...

Но поросенок победил, я сдался! Подвинулся, положил его себе под бок, накрыл одеялом. И мы наконец успокоились, пригрелись и стали погружаться в сон. Поросенок нежно прижался ко мне, тихонько похрюкивал, будто говоря: «Молодец, догадался...»

Ю. ШЕВЯКОВ
г. Москва

Не суй нос,
куда не надо!

Здравствуйте, уважаемая редакция! Хочу рассказать вам довольно, на мой взгляд, смешной случай. Понравится — напечатайте, а нет — тогда просто улыбнитесь вместе со мной.

Отпуск я обычно проводил с семьей в Белоруссии, на охоте, недалеко от города Россоны, на чудесных тамошних озерах.

Приехали мы туда на машине и встали лагерем на небольшом полуострове, недалеко от деревни. В то утро я со спаниелем отправился искать тетеревиные выводки в знакомую порубку. Повезло! Сначала собака на небольшим, сплошь заросшем озерце подняла пару кряковых, а затем отыскала и выводок тетеревов, и два молодых птенца попали в ягддаш.

На обед дичи было вполне достаточно, и мы отправились в обратный путь. Вот уже и дома деревни показались. И тут я увидел двух пасущихся, небольших, очень симпатичных баранчиков. А недалеко паслось стадо овец, которое охранял пастух, сидя на пенечке. Я подошел, мы познакомились, его звали Федором. Я сел рядом с ним на траву, угостил сигаретами, и пошел у нас разговор «за жизнь». Спаниель растянулся около меня и стал подремывать, но внезапно поднял голову и посмотрел в сторону дороги.

Сколько раз твердили миру: с медведем шутки не шуты, даже с сидящим на цепи.

Фото Г. Тикка

По дороге шла женщина весьма солидных габаритов. Федор тоже ее увидел и сказал: «Тетка Настасья идет». Женщина прошла мимо нас, поздоровалась, помахав рукой, миновала первого по пути барана, а второго остановилась (чем-то он ей понравился) и стала гладить. В это же время первый, обделенный вниманием, баран устоялся на теткин зад, действительно как «баран на новые ворота», затем последовал стремительный разбег, и он с ходу врезался лбом в это самое место...

Мы с Федором замерли, ожидая воплей и ругательств. Однако Настасья не страдала отсутствием юмора. Она посмеялась, встала и пошла в деревню, постоянно оглядываясь на воинственного баранчика.

Неожиданно Федор тронул меня за руку: «Твой-то ушастик тоже пошел знакомиться». Я обернулся и увидел, что мой пес, можно сказать, «на цыпочках», вытянув шею, подошел и ткнулся по собачьей привычке барану под хвост. Но все повторилось. Агрессивный баран, не выдержав такой фамильярности, разбежался и врезал с ходу теперь уже в зад моей собаки. Нос ушастого воткнулся под хвост понравившегося ему барашка, и вместе они проехали пару метров по траве. У моего четвероногого друга с юмором было не очень... И он заносился вокруг обидчика с лаем, всячески понося его на своем собачьем языке. Пришлось отозвать пса, сказав: «Не суй свой нос, куда надо!»

Я срезал хорошую хворостину, попрощался с Федором и пошел к дому, также не забывая оглядываться и помахивать прутиком. Не хватало еще и мне получить по задку. Но все обошлось.

А. БАТУРИН
Ленинградская обл.

В 30 км от Нижнего Тагила, на вершине горы Белой (715 м), этот глухарь вел себя очень агрессивно: расхаживал между людьми и нападал на тех, кто оказывался поближе, клевал и бил крыльями

«Однако, это мой теленок...»

Уважаемая редакция! Хочу рассказать вам, что может получиться, если не соблюдать правила охоты.

Приехали мы как-то с Львом Борисовичем в горный аул к кунаку постожить кукурузу от набегов кабанов. Идя в засаду перед темнотой, кунак Ахмед сказал нам, что все жители аула предупреждены о ночной охоте и весь скот уже загнан в кошары и загоны и, следовательно, в кукурузе может быть только дикий зверь.

Расселись мы по своим местам до темна, чтобы глаза привыкли к местности. Темнота опустилась в горах, как всегда, быстро, свежачок потянул по течению реки.

Лев Борисович сидел на яблоне, на двух жердях не вполне уютно. Время перевалило за полночь, голову окутала легкая дремота, холодок прихватывал поясницу. Но вот в кустах застрекотал дрозд, показалось темное пятно. Лев Борисович выстрелил картечью. Зверь рухнул, изредка вздрагивая ногами.

Кунак, спавший на веранде, встал, включил освещение подворья, пошел в сторону яблони. Лев Борисович, подав ружье Ахмеду, спрыгнул с яблони, и они двинулись в сторону лежавшего без движения зверя. Осветив его, Лев Борисович обомлел — перед ним лежал теленок черной масти. Ахмед, присмотревшись, произнес: «Однако, этой мой теленок, зови ребята свежевать зверя».

Разделявая телка, все вспоминали основное правило ночной охоты: не видишь, не уверен — не стреляй!

Л. СОЛОВЬЕВ
Краснодарский кр.

Пронзенный звуком выстрела

Весенняя охота в этом году у нас в хозяйстве открылась 22 апреля, поздно, конечно, но что делать. Что есть, тому и рады, ведь готовиться к ней начинаешь с самого закрытия зимнего сезона, ждешь, мечтаешь, строишь планы.

На вальдшнепа зарядился семеркой, на гуся... И вот эти три нуля решил загерметизировать основательно под звезду, а капсюль покрыл лаком. Лак был густой, и слой получился толстоватый.

В день открытия вышел из деревни пораньше, сразу после обеда. До мелочей было километров десять, и я решил одновременно добраться до места охоты. Добрался без проблем, нашел подходящую вырубку, отстоял тягу. Возвращаться в темноте не хотелось, и я решил заночевать в лесу — мне это не впервые.

Когда совсем рассвело, тронулся в обратный путь. В ствол своего ТОЗ-87 зарядил три нуля. Думал, может быть, ворона попадется. Но ворон не было, и, когда до деревни оставалось километра полтора-два, начался дождь. Жалея ружье, я, не разбирая его, засунул в чехол, предвзвительно переложив патрон из патронника в магазин. Чехол был матерчатый и быстро намок, а вместе с ним намокло и ружье. Я решил сразу же его протереть и смазать.

Вывув ружье из чехла и направив его в стену, решил сначала разрядить. Для этого надо было нажать на кнопку подавателя и затем извлечь патрон из магазина. Но был еще один вариант разрядки, которым я и воспользовался, — резко дернул затвор на себя и отпустил его...

Вначале я ничего не понял. Меня все-го пронизало звуком выстрела, а в голове вопросы — как, почему? Но это произошло — нечаянный выстрел, который мог стать трагедией, поверни я ружье несколько вправо. Там за столом сидел мой отец — он был бледен. Из соседней комнаты вышла мама и спросила, что у нас тут происходит. Не вдаваясь в подробности, я ответил, что взорвался капсюль.

Патрон в патроннике заклинило. Когда я его выбил шомполом, на капсюле не обнаружил следа от боя, и даже малейшего накола не было. Думаю, что выстрел произошел оттого, что затвор ударил сначала по толстому слою лака и капсюль, сдетонировав, взорвался. Но в первую очередь виноват, конечно, я сам — нарушил правила техники безопасности.

Все мы, как говорится, отделались легким испугом и... испорченным отцовским пальто. Именно в него, слава Богу, и угодила моя пуля, образовав дырку, в которую свободно проходит палец. А в стенке засел заряд крупной дроби...

Б. ПРОНИН
г. Казань

Фото С. Гладких

Здравствуйте, уважаемая редакция! Мне 38 лет, в 2000 году у меня был своеобразный юбилей — исполнилось 20 лет, как я вступил в районное общество охотников, и столько же времени выписываю наш журнал. Правда, читать его начал гораздо раньше, поскольку среди соседей было много охотников. С авторами статей мысленно побывал на охотах во всех уголках планеты, хотя мои реальные охоты проходили в границах Бежецкого района Тверской области, где я родился и вырос.

За 20 лет было много прекрасных минут и часов, проведенных с ружьем и моими любимыми русско-европей-

скими лайками. Добыто много различной мелкой и крупной дичи, но больше всего мне нравится весенняя охота на пролетных гусей.

Ежегодно несколько тысяч гуменников и белолобых останавливается на отдых на разливах реки Молога. Главное в этой охоте — провести разведку, когда и где пролетают гуси с воды на поля и обратно, сделать хороший скрадок, и тогда гусиные стаи вас не минуют. И не обязательно отправляться за гусем за тысячу верст в тундру или южные плавни.

Высылаю фотографию, слева — я, справа — мой друг и постоянный спутник на охоте Сергеев Вениамин Сергеевич с результатами весеннего сезона охоты. Нам будет приятно, если вы ее опубликуете. Снимок сделан в апреле 2000 года у деревни Алабузино в 7 км от г. Бежецка.

А. МОРОЗОВ
Тверская обл.

Уважаемая редакция, здравствуйте! В № 4 за 2000 год я прочитал письмо С. Семеновой о своем муже охотнике В. Н. Семенове. Удивительно, с каким теплом и любовью относится она к увлечению своего мужа. Но дело не в этом, а в том, что я лично знаю Виктора Николаевича. И какой это замечательный человек, знаю не только со слов его жены.

Мне довелось вместе с ним проживать и охотиться в заполярном городе Лабытнанги, когда он возглавлял там городское общество охотников и рыболовов. Знаю, сколько сил и энергии вкладывал он в это дело.

Наверное, не все охотники знают, что г. Лабытнанги расположен на красивейшем берегу великой русской реки Оби, почти у ее впадения в Обскую губу. Великолепнейшие охоты у нас там бывали, особенно на водоплавающую...

Но пишу я не для того, чтобы рассказать о своем друге, это займет слишком много места. Девять лет назад развелась нас с ним судьба. Я уехал в Республику Коми, а он, как выяснилось из письма его жены, в Краснодарский край. Так вот у меня к вам просьба, передайте ему мое письмо-обращение: «Откликнись, дорогой друг, напиши мне, как тебе живется, охотится. Я жду».

Е. ЧУДЕСНИКОВ

Уважаемая редакция, здравствуйте! Примите мою искреннюю благодарность за то, что своим бескорыстным участием помогли мне найти своего друга и очень хорошего человека Семенова Виктора Николаевича, от которого я уже получил письмо и ответил ему.

Надеюсь, вы понимаете, что в настоящее время ощущается некоторый дефицит хороших людей. Отыскать же вновь старого и проверенного друга и товарища по охоте, да еще в Заполярье, — это радость вдвойне. Огромное вам спасибо!

Е. А. ЧУДЕСНИКОВ
Коми

Уважаемая редакция! Я занимаюсь промысловой охотой на соболя около 20 лет и являюсь постоянным подписчиком вашего журнала. Мои угодья расположены на западных склонах хребта Сихотэ-Алинь, на высоте 600—800 метров над уровнем моря, в районе им. Лазо Хабаровского края.

Раньше охота была для меня скорее хобби, чем источник доходов, так как я имел постоянную работу с гарантированным заработком. После 90-го года, выйдя на пенсию, охота стала моим основным занятием и источником средств для существования.

С распадом системы госпромпхозов и дроблением охотугодий на мелкие хозяйства охотпользователями стали: общины, ООО, заказники с правом охоты на пушных зверьков и др. В создавшихся условиях охотники попали в крайне неопределенные трудовые взаимоотношения с хозяйствами.

Охотоведы хозяйств или иные лица, получая лицензии на отлов соболя в управлении охотхозяйства, распределяют их среди охотников с обязательным условием сдачи ими добытой пушнины. Все было бы хорошо, если бы цены, назначаемые ими, отличались от рыночных цен в регионе на 10—20 %. Фактически в сезон 1999 года охотоведы скупали соболя якутского кряжа по 250—400 рублей. В результате полного безденежья и боясь потерять угодья, большинство охотников соглашались на этот фактический обман. Реально же сложившиеся цены в хабаровских закупочных фирмах составляли 600—700 рублей. И это тоже — не рыночная закупочная цена!

Ознакомление с ведомостями с пушного аукциона показывает, что соболь среднего качества прошел там по 45—50 долларов, то есть 1200 рублей. Значит два посредника наваривают по 100 % прибыли каждый за счет труда охотника — не слишком ли?

А. СКВОРЦОВ
Хабаровск

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Уважаемая редакция! Я охотник-любитель с 47-летним стажем. На весенней охоте бываю с 1977 года. Провожу ее в основном в Московской области. Езжу на вальдшнепа и селезня утки. Трофеи мои невелики — два-три вальдшнепа и один-два селезня — и это при удачной охоте за два-три дня.

Но вот по какому поводу я пишу. 14 августа 2000 года по каналу «Культура» показали «шедевр» Межрегионального телефестиваля «Красная книга» под названием «Кому нужна весенняя охота?». Эта передача была изготовлена в Тюмени и получила третий приз (!). Садясь к экрану, я надеялся увидеть пару весенних охот, грамотно снятых, с объяснением правил и порядка охоты. Увидел же я какую-то абракадабру и услышал анекдот (конечно же, скверный) про охоту. Вернее сказзати, полное издевательство над охотой вообще. Что только там не показали: селезня, любовно выращивающего молодняк; раненого волчка (не волка), катающегося по земле после ранения охотником; бедного мишку, на цепи бегущего, и т. п. Но при чем тут весенняя охота?

Неужели на таком солидном канале не смогли найти ни одного компетентного человека, посоветоваться с ним о целесообразности показа всей этой белиберды? Или кому-то неймется всколыхнуть старую сказку о вреде весенней охоты и охоты вообще? Все это уже было, все это мы уже, как говорится, проходили! Недосуг было, видимо, авторам этой передачи подумать, что все это приведет к безудержному браконьерству, которого и сейчас хватает. И неужели они думают удержать «богатеньких» на своих вездеходах с автоматами-дробовиками, а может, еще и на вертолете? Ведь многие из них и сейчас с успехом отстреливают все, что хотят, за что простой охотник лишился бы билета, наверное, на всю оставшуюся жизнь.

Так при чем здесь все-таки весенняя охота??

Б. ГУСЕВ
г. Москва

Уважаемая редакция! Выписываю и с удовольствием читаю ваш журнал уже не первый год. С раннего детства отец брал нас с братом на охоту, за что благодарны ему всю жизнь. Основная охота в нашем Приманье ведется на водоплавающую дичь: уток, гусей, а также на пушных зверей: зайца-русака, лисицу. В последнее время из-за чеченских событий появились волки, чуть раньше — шакалы.

Наибольшей популярностью пользуется, конечно же, охота на озерах, на полях в местах кормежки и пролета, ну и самый простой способ — самотопом или с подхода. Хочу рассказать об одном случае, происшедшем в минувшем сезоне.

Шел я вдоль степной речушки Чограй, петляющей причудливыми коленцами по балке, заросшей местами камышом и гребенчуком. На заводях регулярно встречались кряквы, обычно стайками по 5—8 штук, иногда и больше. Обойдя кусты гребенчука, осторожно выглянул — ничего нет, направился было дальше, как вдруг сзади шумный утиный взлет.

С разворота выстрелил по крайней, хотя и видел, что далековато. Перезаряжая ружье, по привычке наблюдал за стремительным полетом стаи. Пара отделилась, прошла метров триста и стала разворачиваться над противоположным берегом, затем пошла параллельно руслу на меня. Присел. Замер. Вдруг утка начала резко снижаться и, над самой землей перевернувшись на спину, шлепнулась за обрывком. Не мешкая бросился к «переправе» — переброшенному через воду стволу акации. Когда выбрался на обрыв, то показалось издали, что на чуть припорошенной снежной крупной земле краснеет огарь. Но откуда? Подбежал, такого не видел давно — кряковая утка была залита кровью с головы до хвоста.

Сюрприз ожидал дома. Жена, ошипав и осмолвив дичь, вдруг рассмеялась и спрашивает: «Охотничек, ты как ее добыл? Может, загонял?» На столе лежала абсо-

лютно целая тушка. От когтов до клюва — ни одной ранки. Долго осматривал, крутил, вертел и нашел-таки отгадку! Никакой мистики.

Одна-единственная дробинка попала справа в слуховое отверстие, да так точно, что даже не было видно никаких наружных повреждений, лишь слева у основания клюва был небольшой бугорок и чуть заметный кровоподтек. Оттуда я и извлек злополучную дробинку.

Е. ОНАТИЙ
Ставропольский кр.

Дорогая редакция журнала! Прочитав в № 2 — 2000 г. статью А. Бикмуллина «Есть — не надо, нет — хочется», я задумался и решил написать про себя, про охоту и про сына.

Не помню, когда первый раз держал в руках ружье, но не могу без нее — без охоты и без собак. У меня много схожего с Анваром. Я — первый охотник в нашем тухуме, первый гончатник в селе. У меня не было дедовского ружья, не было ни одной «ржавой гильзы», не было собак. Я, как говорится, начал «с нуля». Сперва брал ружье у одного знакомого, потом купил ИЖ-27м, приобрел гончих и все, что нужно для охоты. А затем, подписавшись на ваш журнал, понял, что я не одинок. Журнал стал для

меня как бы «дедушкой-наставником». Получая очередной номер, я узнавал много нового и полезного.

И вот я — охотник с пятилетним стажем. Многому научился, знаю повадки зверей. Моя слабость — охота с гончими на русака. У нас не бывает выставок собак, но, прочитав множество книг о гончих, понял, что мой смычок (русская гончая Граф и русская пегая Джина) работает неплохо.

Короче говоря, с охотой у меня все нормально, но иногда начинаешь задумываться... Прочитав статью А. Бикмуллина, подумал, не останусь ли я единственным охотником в роду. И немногие поймут Анвяра так, как я, потому что нахожусь в том же положении, в котором был когда-то он. Становится грустно, но в жизни бывает все же «свет в конце тоннеля». Таким «светом» для меня является сын Рустам. Рождение сына — это огромная радость в доме любого дагестанца, но ведь одним желанием не сделаешь из него охотника. И все-таки я надеюсь, что мой четырехмесячный сын порадует меня, когда вырастет, и я не останусь единственным, что он будет моей правой рукой и в жизни, и на охоте.

Высылаю вам фотографию моего Рустама, где «он собирается на охоту».

А. ИСМАИЛОВ
Дагестан, Лакский район

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ЧЕТВЕРТЫЙ ЗАГОН

В самом конце октября выпал первый снежок, и я подумывал, в какие края отправиться в ближайшие выходные, чтобы поохотиться на зайчика с гончими. Но среди недели председатель нашего охотничьего коллектива пригласил меня принять участие в охоте на кабана в Рузском районе Подмосковья. Я согласился, хотя сомнений было много. Я уже несколько раз принимал участие в охоте на кабанов, но результат всегда был один — нулевой. Кабаны оказывались умнее и хитрее нас, охотников, и сматывались в, казалось бы, самой безнадежной для них ситуации. Лично для меня кабан превратился в какое-то мифическое животное...

На базу в Палашкино приехали вечером, разместились, познакомились с егерем и его помощником — нас ждали, что всегда приятно. Правда, оказалось, что на базу приехала еще одна команда из десяти человек и тоже за кабаном.

Егерь предложил объединить обе команды, с чем мы согласились, и рассказал план охоты: «Рано утром едем на машинах в сторону г. Рузы и по дороге осматриваем подкормочные площадки. Как только обнаружим, что кабаны приходят на подкормку, — начнем загон». Так и поступили. На третьей площадке кабаны были — довольно большой табун. Увидели на площадке и следы здорового секача, но ходил ли он с табуном или перемещался самостоятельно, сказать было трудно. Недалеко от площадки состоялась первая охота — результат нулевой. Затем второй и третий. Результат тот же. Звери умудрялись уходить из загонов: то через линию загонщиков, то где-то сбоку. На линию стрелков ни один кабан не вышел. Собрались в кучу, посетовали на неудачу, немного отдохнули, и тут егерь предложил сделать еще один загон — четвертый и последний. Зимний день короток — больше сегодня не успеть. Хоть и набродились досыта, и азарта охотничьего совсем мало осталось — решили дружно: четвертому загону быть! Егерь с загонщиками пошел обходить мелколесье, куда ушел табун, а помощник быстро расставил на номера вдоль довольно заросшей лесной дороги. Перед ней была низина, густо покрытая кустарником, а за спиной высокий лес с подлеском из небольших елочек. Мелколесье было за низиной — только бы кабаны были там! Как всегда, я посмотрел, где расположился сосед справа, где слева, — безопасность на облавных охотах прежде всего. До них метров пятьдесят. Мой номер оказался третьим от конца стрелковой линии. Так получилось, что на всех соседних номерах стояли охотники из нашего коллектива. Место вдоль дороги для стрелков, на мой взгляд, было далеко не идеальным — слишком мало перед нами чистого пространства, но охота есть охота и оставалось только ждать! А загон уже начался — далеко, далеко; в мелколесье были слышны крики загонщиков — время пошло! Глаза осматривают заросли впереди, уши слушают, не хрустнула ли где-нибудь ветка, ружье в руках, готовое в любую секунду оказаться у плеча... А в душе умоляешь охотничьих духов: «Ну пошлите кабанчика на меня, дайте душу отвести!» А время идет, и мысли грустные начинают в голову лезть... Бах! — справа на соседнем номере. Бах! — слева. И дуплет на последнем номере — бах! бах! Ружье у плеча, судорожно шарю глазами по кустам, но ко мне никто не выскакивает. Тихо, соседи молчат, и какие результаты такой дружной пальбы, пока не ясно. Но загон явно закончился: далеко справа слышны голоса на стрелковой линии. И тут из ельничка появляется сосед, машет рукой, зовет к себе.

Иду, наверное нарушая правила облавной охоты, с номеров нас еще не сняли, но очень взволнованно он машет, явно что-то хочет показать.

«Я вот тут стоял, за елочкой, а на дорогу метрах в двадцати слева и впереди выскочил здоровущий секач и на мгновение остановился, я успел только один раз выстрелить пулей в левую часть груди, и он одним прыжком исчез в ельнике — вроде не промазал, но посмотреть надо. Одному боязно, вот я тебя и позвал. Уж очень здоровый зверина!» — срывающимся голосом сообщил сосед. Опасно, но решили посмотреть, понимая, что если секач ранен, то сразу не должен лечь. В общем, рискнули, ружья наготове, пошли по следу, копыта огромные, видно хорошо, немножко крови слева... Прошли метров 25—30 ельничком невысоким, и вдруг звериным духом пахнуло, как в свинарнике нечищеном. Я посмотрел вперед и вижу — темно-бурая туша над ельничком возвышается к нам задом. Лежит не на боку, а на согнутых ногах, уши торчат в разные стороны, не прижаты — похоже, готов. Подобрал сук здоровый и кинул в тушу, попал — никакого движения. Подошли рядом, ткнули стволами в могучий зад... Не шелохнулся. Поздравляю соседа с редкостной удачей: такого вепря с громадными клыками завалял с одного выстрела, — наверное, в нем килограммов двести с гаком будет, хорош зверь, но только очень воюющий.

Возвращаюсь на место и тут вижу — сосед слева машет рукой, тоже зовет к себе. Подхожу. Он рассказывает, что было. Ситуация, аналогичная первой: успел пальнуть один раз, но зверь был средний. Пошли посмотреть — метрах в 30 в ельнике на боку лежит свинья, пожалуй, килограммов на 100 потянет, тоже битая насмерть. Поздравляю охотника — план выполнен. Радеем вместе редкой удаче. А тут подходит стрелок с третьего номера и рассказывает, что стрелял по кабану в кустах дуплетом, вторым, вроде попал — зверь соскочился и исчез в чаще. Пошли посмотреть, вышли на след, и все стало ясно: попал хорошо по переду, пуля прошла навывлет, алая кровь фонтаном по обе стороны, — с такой раной далеко не уйти... И точно, через метров тридцать лежит кабаник, пожалуй, в нем килограммов 80 будет. Опять поздравления, но это уже третий зверь, а лицензий только две.

Потопали по дороге навстречу егерю, надо разбираться — получилось, что нечаянно сбракониерили. Пока шли, я спросил у мужиков, почему они меня звали смотреть на результаты своей стрельбы. Ответ был таков: «Вы же у нас в команде по возрасту старше всех, наверное, за свою жизнь много кабанов взяли и опыта набрались — вот и звали». Когда сказал, что ни одного, — не поверили.

Но вот подошел егерь с остальными охотниками, и авторы отличных выстрелов все рассказали и показали. Реакция у него на услышанное и увиденное была однозначная, — грубо говоря, глаза на лоб вылезли. «Такого я не припомню — четыре выстрела, и три кабана лежат, и все битые насмерть и рядом с дорогой; сейчас УАЗик подгоним, зверей разделаем и в г. Рузу в ветлечебницу отвезем на проверку — не больны ли чем. Одного кабана я заберу и сдам как товарного — лицензия у меня есть. Так что с этим все в порядке», — заявил он нам. В ветлечебнице, после проверки мяса, нас заверили, что со здоровьем у кабанов полный порядок, и мы вернулись на базу, чтобы торжественно отметить такую необыкновенно удачную охоту.

Через пару часов в большую комнату, где собрались все участники охоты, внесли здоровенную кастрюлю, в которой была со вкусом, в луке, морковке и картошке, потушена кабанятина в огромном количестве. Поздравили сегодняшних королей охоты, выпили водочки, и пошел великий охотничий треп...

Л. ЮРАШЕВ

БЕЛКИ-УБИЙЦЫ

Ранняя весна. На полянке одного из лесных заповедников штата Калифорния (США) сидит небольшая птичка. Вокруг все тихо и для беспокойства вроде бы оснований нет. Не обращает она внимание на прыгающую рядом белку. А зря. Приблизившись к неосторожной птице, зверек прыгает — и жертва в зубах.

Не так давно американский биолог, сотрудник университета штата Нью-Мексико, Дж. Р. Каллахан, опубликовал в журнале «Great Basin Naturalist» статью о своих наблюдениях за белками, в которой описал, как они охотятся. Оказывается, их жертвами становятся многие виды животных. Белки не упускают возможности напасть на голубую сойку, голубя, других птиц. Нападают они и на ящериц, мелких грызунов и даже на молодых зайцев и кроликов! Бывает, их жертвой становятся и сородичи.

Наблюдавший за этими шустрими зверьками в прилегающей на юго-западе канадской провинции Британская Колумбия Каллахан отметил, что особую опасность лесные белки представляют для местных молодых зайцев-беляков.

По мнению Каллахана, организм белок, скорее всего, нуждается не столько в мясе животных, сколько в их... костях. Видимо, белкам не хватает чего-то из того, что содержится в костных тканях из жертв.

РАЗ ПОПРОБОВАЛ — НА ГОД ЗАПОМНИЛ

Исследования, проведенные в Корнеллском университете (США), показали, что опоссумы, животные семейства сумчатых крыс, обладают памятью на яды, которые им встречались при поисках пищи. Примешивая в их рацион различные грибы, исследователи обнаружили, что опоссум в течение года может сохранить отвращение к грибу, от которого когда-то стало плохо.

А ГОВОРЯТ, КРОКОДИЛЫ ОПАСНЫ...

Перед вами самый крупный в мире грызун — капибара, или, как его еще называют в Европе, водосвинка. Зверь обитает в Южной и Центральной Америке. Его длина около 1,5 метра, а вес достигает 50—60 килограммов. Но почему он среди крокодилов? А очень просто: он, как и они, любит воду и обитает по берегам водоемов и на болотах лесных зон. Но почему же крокодилы не трогают капибару? Видимо, не по зубам. Эту группу засняли в Бразилии. Кайманы ведут себя мирно. Не проявляет беспокойства и капибара. Идиллия!

Подготовил Е. СОЛДАТКИН

Меха России - 2000

5-я Международная выставка-ярмарка меховых изделий проходила в Центральном выставочном зале «Манеж». На экспозиционной площадке 1500 м², что в 1,5 раза превышает площадь предыдущей, были представлены более 100 специализированных компаний из России, Италии, Греции, Аргентины, Германии. В экспозиции — готовые изделия из меха и кожи, дубленки, головные уборы и аксессуары, сырье и полуфабрикаты. Большой интерес выставка-ярмарка вызвала у оптовых покупателей как готовых изделий, так и шкурок и полуфабрикатов. Приобрести понравившиеся изделия мог любой посетитель во все дни работы выставки. Промысловой пушнины было мало, основную часть составляла продукция звероводческих хозяйств. Большой интерес вызывали изделия из шкуры нерпы. Для отделки нередко использовался мех рыси, были и изделия целиком из этого меха. Необычно смотрелись шали из хвостов куницы. Почти все шубы из Красноярского соболя разошлись в первый же день ярмарки. Интересные изделия были из лисьих шкурок. Правда, преобладала американская лиса. Из недорогих мехов были шубы из хомяка, но американского. И я не заметил изделий из ранее столь популярного беличьего меха. На показах зарубежных компаний неоднократно провозглашалось, что для производства изделий закупается лучшие меха в России, но при этом осталось впечатление, что наш отечественный производитель сильно потеснен.

Обращало на себя внимание, каких высот достигла обработка пушно-мехового сырья. Не всегда можно было даже определить происхождение сырья: стриженные, щипанные, крашенные... Так, в одном случае исходным сырьем для шубы из «леопарда» послужила норка, а в другом — даже... овца. Кстати, изделия из шкурок норки и овцы явно преобладали, но за счет окрашивания и обработки трансформировались до неузнаваемости. Обращали на себя внимание яркие, необычные цвета и их сочетания. На этом фоне мне показались несколько аляповатыми окрашенные шкурки песца.

Выставка-ярмарка меховых изделий не только наглядно показывает новейшие тенденции в меховой моде, но и привлекает внимание заинтересованных деловых кругов к проблемам отрасли.

За 4 дня работы выставку посетило около 20 000 человек, было продано 1500 меховых изделий.

Выставка-ярмарка проводилась в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 1997 г. № 1553-р в целях дальнейшего развития отечественного звероводства, производства пушно-меховой продукции, а также насыщения рынка страны меховыми изделиями расширенного производства.

Организаторы выставки-ярмарки: ЗАО «Максима», Росийский пушно-меховой союз.

Официальная поддержка: Минсельхоз РФ, Правительство Москвы, Администрация Московской области, МТПП.

В. ЖИВОТЧЕНКО

Фото автора

См. 4-ю стр. обложки

НА ПРИВАЛЕ

МУРАВИЦКИЙ А. Лось и кабан в Белоруссии	1
Итоги фотоконкурса	4
ТИХОМИРОВ В. Берегите пушнину	6
БЛЮМ М., ГРИНЕВИЧ В. Испытание самозарядок	8
ДИГИЛЕВИЧ А. Смоленское охотничье хозяйство	10
ДАНИЛКИН А. Куда исчез лось?	12
ПРИКЛОНСКИЙ С. Владимир Григорьевич Панченко	15
ОСТАНИН В. Лед тронулся	16
НИГМАТЗЯНОВ З. Флажки — это круто	18
ТИМЕ И. Всероссийские состязания	20
НОВИЦКИЙ О. Так решил выжлец	22
МАСЛОВ Ю. Знаменитые ружья. Фамарс	24
ЧЕРНЫШЕВ В. Милое мое неудобье	26
ХОЛОДКОВСКИЙ Н. Гербарий моей дочери	29
КАММЕРЕР Ю. Трудный трофей	32
ГРЕКОВ В. Ну, заяц, погоди!	34
ТИХОМИРОВ В. Нина Викторовна Мамаева	37
МАК-ГРЭЙЛ Д. «Изысканный» фазан	38
Курьезы охотничьей жизни	42
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	25, 37, 41
ШИШКИН В. Гусеобразные	48

На первой странице обложки:
Плтистые олени акклиматизированы во многих местах Европейской России. В конце апреля — в мае взрослые самцы сбрасывают рога, имеющие до 4-х отростков
Фото А. Севастьянова

Внимание наших авторов!
В связи с тем, что налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах (полностью фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; серия и номер паспорта; где, когда и кем выдан; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН — идентификационный номер налогоплательщика), просим присылать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации.

Редакция

Главный редактор О. К. Гусев
Редакционная коллегия:
М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев,
Т. А. Волжина (ответственный секретарь),
Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов,
А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева,
А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт,
В. Б. Чернышев

Зав. отделом писем И. И. Полосухина
Художник Т. В. Баженов
Художественный редактор М. Л. Кнёрцер
Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 08.01.2001 г. Подписано к печати 08.02.2001 г.
Формат 84х108. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тир. 31850 3.3073 Цена 17 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6. Москва, Б-78,
Садовая-Спасская ул., 18
Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Ордена Трудового Красного Знамени
ГУП Чеховский полиграфический комбинат
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
142300, г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336 Факс (272) 62-536
В случае обнаружения полиграфического брака обращай-
тесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

ГУСЕОБРАЗНЫЕ

Нырковые утки (нырки, чернети, гоголи и т. д.), к описанию которых мы приступаем, довольно заметно отличаются от речных уток, рассмотренных в предыдущих пяти номерах журнала. У нырковых задний палец на лапе имеет хорошо выраженную кожистую лопасть, отсутствует зеркальце с металлическим блеском, посадка на воде низкая. Эти утки могут глубоко нырять и прекрасно плавают под водой, но полет у них менее быстр, чем у речных. Типичным представителем нырковых является **красноголовый нырок** (красноголовая чернеть). Его длина около 50 см, вес около 1 кг. Самец в брачном перье окрашен контрастно: голова и шея красновато-каштановые, грудь, надхвостье и подхвостье черные, остальное оперение преимущественно светло-серое со струйчатым рисунком, верхние кроющие маховых темно-серые. Клюв голубовато-серый с черным концом и темной зоной у основания. Радужина красная, лапы серые. Самка окрашена скромнее, преобладают буроватые тона. Радужина коричневая, клюв темный с небольшой светлой перевязью у кончика. У основания клюва и вокруг глаз зоны более светлого оперения. Вне брачной поры окраска самца тусклее и бурее. Гнездятся красноголовики в околородных биотопах от тайги до степей, от Южной Карелии до Якутии (изоляция на Камчатке), при миграциях возможны встречи к северу и востоку от гнездового ареала. Зимуют на юге Европы, Азии, в Африке. Кладка в апреле—мае, средний размер — 8—10 яиц. Как и у некоторых других нырков, отмечен гнездовой паразитизм (кладки до 20 яиц и более). Инкубация около 25 дней, птенцы встают на крыло через 50—55 дней после рождения. В питании преобладают растительные корма, но встречаются и животные. Нырки образуют значительные линные и зимовочные скопления. Красногловый нырок остается с летним оперением охоты. Но хотя общая численность вида остается на уровне 1 млн. особей, местами отмечено уменьшение запасов этой птицы. Интересно, что на северо-восток России возможны залеты **американского красноголового нырка** (американской чернети). При общем сходстве с предыдущим у самцов этого вида желтая радужина, основание клюва голубовато-серое, профиль головы лучше вписывается в квадрат, а не в треугольник, первостепенные маховые и бока темнее. У самки подхвостье светлое. Регистрация подобных залетов представляет большой научный интерес.

По южным границам России гнездится **красноносый нырок**, более крупный вид, чем красноголовый (длина до 58 см, вес до 1,5 кг). Весной самец безошибочно узнается по ярко-рыжей голове с характерным гребнем, белым бокам, контрастирующим с черным брюхом, зобом, шеей, надхвостьем и подхвостьем (хвост светлее), по красному клюву и глазу, по белой полоске на плече и сгибе крыла. В полете испод крыла светлый, сверху на буром крыле заметна широкая белая полоса по внутреннему краю, узкая — по внешнему, черные концы первостепенных маховых. Ноги красно-оранжевые. У буровой самочки клюв темный с розовой вершиной и краями, ноги темные, радужина бурая. Голова двухцветная: шапочка темная, щеки, подбородок, передняя часть шеи светлые. Крыло как у самца, но нет наружной белой полоски на плечах. Линный самец похож на самку, но сохраняет красный клюв. В кладке красноносого нырка обычно 8—10 яиц, инкубация — 26—28 дней. Пуховик сверху темный, оливково-серый, снизу — желтый. Птенцы поднимаются на крыло к 45—50 дню. Преимущественно растительнояден, но потребляет и животные корма. Запасы красноносого нырка в нашей стране не превышают, по-видимому, 9 тыс. пар. Местами нередкий объект охоты, хотя в районе Причерноморья отмечается некоторое снижение численности в последнее время.

В. ШИШКИН

Меха России 2000

